463.462
право

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЫЧАЙ

И

ДРЕВНІЙ ЗАКОНЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типографія В. Гатцукъ, Никитскій бульваръ, собствен. д.
1886.

463.462

p. 463,462.

340.141

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЫЧАЙ

И

ДРЕВНІЙ ЗАКОНЪ.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ОСЕТИНЪ ВЪ ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Проверено 1944

Р. 463.462.

In order to understand the most ancient condition of human society all distances must be reduced, and we must look at mankind, so to speak, through the wrong end of the historical telescope.

„Maine. Early law and Custom"

Аз.-Чер. Краевая Гос.
БИБЛИОТЕКА им. К. МАРКСА
Ростов-Дон

МОСКВА.
Типографія В. Гатцукъ, Никитскій бульваръ, собствен. д.
1886.

Автору Осетинскихъ этюдовъ

Всеволоду Осиповичу

МИЛЛЕРУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эмбріологія права, таково наименованіе, всего болѣе отвѣчающее той новой вѣтви обществовѣдѣнія, которая ставитъ своей ближайшей задачей объяснить порядокъ зарожденія правовыхъ институтовъ. Западно-европейскими историками и юристами уже сдѣлано нѣсколько одиночныхъ попытокъ ея построенія. Еще больше подготовлено матеріала и сгруппировано данныхъ для выясненія обнимаемыхъ ею частныхъ вопросовъ. Но послѣднее слово еще не сказано, и едва ли будетъ сказано вскорѣ. Дѣло въ томъ, что выводы, полученные на основаніи этнографическихъ данныхъ, далеко не сходятся пока съ тѣми, какіе установлены путемъ историко-сравнительнаго изученія арійскихъ законодательствъ; почему одни писатели, стоя на почвѣ этнографіи, а другіе на почвѣ сравнительной исторіи права, взаимно отрицаютъ другъ друга; одни утверждаютъ позднее происхожденіе семьи и агнатическаго рода, предпосылая имъ во времени коммунальный бракъ и материнство; другіе, на оборотъ признаютъ патріархальную семью зародышемъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ человѣческаго общежитія. Какой, спрашивается, выходъ изъ такого неизбѣжнаго, повидимому, дуализма? Мы думаемъ, что

имъ можетъ быть лишь детальное изученіе обычнаго права тѣхъ арійскихъ народностей, которыя, какъ Осетины, доселѣ сохранили въ своемъ быту многочисленные остатки уже пройденныхъ ими стадій развитія. Этимъ основнымъ воззрѣніемъ опредѣляется и характеръ и планъ издаваемаго нами труда. Мы намѣрены представить не простое описаніе обычаевъ малоизвѣстнаго еще народа, но и объяснить фактами изъ быта этого народа многіе темные вопросы древняго права Аріевъ. Мы надѣемся найти въ немъ тѣ посредствующія звенья, безъ знакомства съ которыми невозможно возстановленіе того темнаго процесса, послѣдствіемъ котораго было зарожденіе первичныхъ юридическихъ институтовъ. Не по всѣмъ, однако, вопросамъ осетинское право даетъ ожидаемый нами отвѣтъ. Нерѣдко само оно лишено этихъ посредствующихъ звеньевъ, и послѣднія должны быть съ трудомъ отыскиваемы въ законодательныхъ памятникахъ историческихъ представителей арійской семьи. Отсюда необходимость широкаго примѣненія историко-сравнительнаго метода и взаимнаго объясненія осетинскихъ обычаевъ арійскими правовыми древностями и арійскихъ правовыхъ древностей—осетинскими обычаями. Отсюда необходимость озаглавить нашъ трудъ такъ, какъ онъ озаглавленъ на первой страницѣ издаваемаго изслѣдованія. Мы искали дать объясненіе осетинскимъ обычаямъ, и это желаніе послѣдовательно привело насъ къ изданію сочиненія „О современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ“, этихъ двухъ важнѣйшихъ источникахъ правовой эмбріологіи.

Два раза предпринятая поѣздка на Кавказъ доставила главный матеріалъ для описанія осетинскихъ обычаевъ, матеріалъ, во многомъ пополненный впрочемъ на основаніи работъ мѣстныхъ изслѣдователей. Въ такихъ работахъ нѣтъ недостатка. Джантемиръ Шанаевъ, Пфафъ, а также многочисленные сотрудники газеты “Кавказъ“, „Терскихъ“ и „Тифлискихъ Вѣ-

домостей" подготовили во многомъ почву для моего изслѣдованія. Полное изданіе профес. Леонтовичемъ сборника осетинскихъ адатовъ и приложенный къ нимъ обстоятельный библіографическій указатель значительно облегчили дѣло. Несомнѣнно однако, что безъ филологическихъ изслѣдованій Всеволода Миллера, вполнѣ опредѣлившихъ народность осетинъ и выяснившихъ отдѣльныя стороны ихъ религіознаго быта, а также ихъ историческія судьбы, невозможно было бы никакое научное описаніе осетинскаго обычнаго права.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

	Стран.
I. Вступительная глава.	12— 67
II. Религіозныя вѣрованія общественное устройство Осетинъ.	68— 10
III. Имущественныя отношенія Осетинъ.	105—144
IV. Договорное право Осетинъ. .	145—231
V. Семейное право Осетинъ. . .	232—304
1) Брачное право	232—274
2) Союзъ родителей и дѣтей.	274—304
VI. Система родства и наслѣдованія	305—340

Ближайшей задачей настоящаго труда является освѣщеніе юридическихъ древностей народовъ арійской крови тѣмъ свѣтомъ, какой проливаютъ на нихъ осетинскіе обычаи. Выполненіе ея сдѣлалось возможнымъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тотъ взглядъ, что осетинскій языкъ принадлежитъ къ иранской вѣтви арійскихъ языковъ. Высказанное впервые Шегреномъ ученіе объ иранствѣ Осетинъ встрѣчало въ теченіе десятковъ лѣтъ энергическій отпоръ со стороны частью случайныхъ посѣтителей Кавказа, какъ напр. барона Гакстгаузена, частью со стороны мѣстныхъ этнографовъ-юристовъ, которые, по сходству нѣкоторыхъ обычаевъ Осетинъ съ правомъ того или другаго народа, считали возможнымъ признать ихъ то Нѣмцами, то Евреями. Я имѣлъ уже случай высказаться однажды по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ такое сходство въ отдѣльныхъ институтахъ даетъ право заключать о племенномъ сродствѣ. Отправляясь отъ той мысли, что одинаковость экономическихъ и бытовыхъ условій вызываетъ къ жизни въ разобщенныхъ между собою мѣстностяхъ и у разноплеменнѣйшихъ народовъ сходныя юри-

дическія нормы, я рѣшительно отрицалъ возможность выводить изъ такого сходства какія-либо этнографическія заключенія. Литература объ осетинскомъ обычномъ правѣ даетъ, какъ мнѣ кажется, рѣшительное подтвержденіе высказанному мною взгляду. Сочиненіе г. Пфафа, перваго изъ русскихъ изслѣдователей, занявшагося описаніемъ осетинскихъ обычаевъ, много теряетъ отъ того, что, подъ вліяніемъ слишкомъ поспѣшно-сдѣланныхъ антропологическихъ и филологическихъ наблюденій, г. Пфафъ остановился на несчастной мысли видѣть въ Осетинахъ какое-то смѣшеніе арійскаго народа съ семитическимъ. Своей догадкѣ о томъ, что корень Осетинскаго народа составило колѣно Еврейскаго народа—Гамеръ или Джимеръ, имя котораго яко-бы уцѣлѣло въ названіи горы и аула Джимара въ центрѣ Осетіи, г. Пфафъ старался найти прочное обоснованіе въ сопоставленіи Осетинскихъ обычаевъ и обрядовъ съ обычаями и обрядами древне-еврейскими: „У коренныхъ Осетинъ сынъ почти всегда старается жить при отцѣ и всю жизнь безпрекословно подчиняется ему и всѣмъ старшимъ въ родѣ: это учрежденіе чисто-семитическое. Осетины народъ патріархальный по преимуществу, По коренному осетинскому праву, братъ былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата—это такъ наз. левиратскій бракъ,—учрежденіе, свойственное, какъ извѣстно, только семитамъ. У Осетинъ почти всякій, живущій въ достаткѣ, кромѣ законной жены, держалъ еще одну или нѣсколько наложницъ (номлус, nominalis uxor); дѣти, рожденныя отъ подобной наложницы

или именной жены, назывались кавдасардами; отъ того, что они рождались въ ясляхъ; кавдасарды служили своему отцу и старшимъ братьямъ, какъ рабы. И это учрежденіе свойственно исключительно только Евреямъ или Семитамъ."

Утверждать все это можно только подъ условіемъ совершеннаго незнакомства съ данными сравнительной исторіи права. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, чтобы доказать ту мысль, что, на основаніи сходства въ правовыхъ институтахъ Осетины съ одинаковымъ правомъ могутъ быть признаны и Туранцами, и Семитами, и Арійцами, мы разсмотримъ въ отдѣльности каждое изъ тѣхъ основаній, какія г. Пфафъ приводитъ въ подкрѣпленіе своей теоріи. Чисто семитическимъ по своему характеру признаетъ г. Пфафъ тотъ осетинскій обычай, въ силу котораго сынъ остается жить при отцѣ, подчиняясь безпрекословно старшимъ въ родѣ. Но жизнь сообща родителей съ дѣтьми составляетъ общую черту всѣхъ народовъ, въ бытѣ которыхъ удержалась такъ наз. семейная община. Она составляетъ въ такой-же степени характеристику американскихъ краснокожихъ, какъ и Германцевъ временъ Цезаря, Индусовъ эпохи редактированія священныхъ сводовъ, Ирландцевъ въ эпоху составленія древнѣйшихъ трактатовъ Брэгоновъ, южныхъ Славянъ и Великороссовъ нашего времени; бытъ Кабилловъ, какъ и бытъ Китайцевъ—одинаково представляетъ намъ слѣды широкаго распространенія въ наше время или недавняго еще господства такихъ основанныхъ на кровномъ началѣ кооперативныхъ ассоціацій. Можно съ увѣрен-

постью сказать, что они не остались чуждыми ни одному изъ арійскихъ народовъ Европы. Итальянскіе *партечипанце*, испанскія „Companias de galicia“ французскія „parsonneries“ аллеманскія „genealoguiae“—это неболѣе, какъ частныя проявленія общаго западно-европейскимъ народамъ начала семейной нераздѣльности, уцѣлѣвшіе обломки нѣкогда господствовавшаго родоваго быта. Говорить о томъ или другомъ народѣ, что онъ патріархальный по преимуществу и признавать такими Семитовъ можно только подъ условіемъ совершеннаго незнакомства съ юридическими древностями и феноменальнаго смѣшенія понятій. Въ самомъ дѣлѣ, если о Семитахъ можно говорить, что они народъ патріархальный, то только желая обозначить тѣмъ нѣчто совершенно противуположное началу родовой или семейной нераздѣльности. Патріархальный бытъ, образецъ котораго даетъ намъ библейское повѣствованіе объ Авраамѣ и Лотѣ—этихъ первыхъ по времени патріархахъ—бытъ малой семьи, образовавшейся путемъ раздѣловъ и совершенно чуждой тѣмъ характернымъ чертамъ, какія мы наблюдаемъ въ семейной общинѣ; а эту-то малую семью осетинское обычное право представляетъ намъ еще въ періодѣ ея образованія, какъ нововведеніе по отношенію къ характеризующему, ихъ бытъ началу семейной нераздѣльности.

Не большую доказательную силу имѣютъ и другіе доводы, приводимые г. Пфафомъ въ доказательство семитизма Осетинъ. Левиратный бракъ, въ которомъ онъ видитъ рѣшительное подтвержденіе своего основнаго взгляда, какъ показываютъ

сочиненія этнографовъ и историковъ, явленіе свойственное многимъ народамъ въ эпоху ихъ перехода отъ семейной поліандріи къ индивидуальному браку. Изъ арійскихъ народностей его знаютъ одинаково и Индусы и Греки, хотя ни одинъ изслѣдователь и не позволитъ себѣ доказывать на этомъ только основаніи принадлежность Осетинъ къ тѣмъ или другимъ.

Совершенно непонятнымъ является для меня то утвержденіе г. Пфафа, что въ обычаѣ держать конкубинъ слѣдуетъ видѣть учрежденіе, свойственное исключительно только Евреямъ или Семитамъ. Откуда-бы взялся въ такомъ случаѣ индусскій, греческій, римскій или древне-кельтическій конкубинатъ, съ тѣмъ особымъ положеніемъ, какое создаваемо было имъ для рожденныхъ въ немъ дѣтей, положеніемъ какихъ-то младшихъ братьевъ, болѣе или менѣе зависимыхъ отъ законной семьи, однимъ словомъ однохарактернымъ съ тѣмъ, какимъ пользуются, какъ мы увидимъ, осетинскіе кавдасарды?

Что касается до тождества Осетинъ съ Германцами, то эта догадка высказываема была на томъ лишь основаніи, что нѣкоторыя осетинскія имена, какъ напр. слово „eldar“ для обозначенія старѣйшины или терминъ „cau“ отвѣчающій германскому понятію о гау или округѣ,—звучатъ сходно съ нѣмецкими: фактъ весьма понятный, разъ мы примемъ во вниманіе несомнѣнное сходство всѣхъ арійскихъ языковъ между собою. Ссылки на медленную рѣчь Осетинъ, на тонъ и кадансъ голоса, какъ на нѣчто установляющее сходство ихъ съ сѣверными

Нѣмцами *), основанія на столько шаткія, что едва-ли нужно останавливаться на развитіи той мысли, что на нихъ однихъ довольно трудно строить какія-либо умозаключенія. Немудрено поэтому, если тѣ-же явленія казались однимъ изслѣдователямъ доказательствомъ германскаго, а другимъ семитическаго происхожденія Осетинъ, и г. Пфафъ въ частности находилъ возможнымъ утверждать, что наружность, жесты и говоръ у весьма многихъ Осетинъ напоминаютъ Евреевъ **). Иранство Осетинъ, доказанное В. Миллеромъ лингвистическими данными, находитъ подтвержденіе себѣ и въ фактахъ Осетинской археологіи и исторіи. На съѣздѣ въ Тифлисѣ графомъ Уваровымъ обстоятельно былъ обоснованъ тотъ взглядъ, что осетинскій погребальный ритуалъ, въ которомъ г. Пфафъ почему-то видѣлъ сходство съ еврейскимъ, на самомъ дѣлѣ отражаетъ на себѣ вліяніе религіозныхъ воззрѣній, высказанныхъ иранцами въ ихъ священной книгѣ *Вендидадъ*. Въ Осетіи встрѣчаются гробницы, построенныя надъ землею, въ которыхъ трупы стоятъ на подставкахъ, не касаясь самой почвы. Обычай этотъ, по мнѣнію гр. Уварова, стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ религіознымъ возрѣніемъ древнихъ Иранцевъ, по которому трупъ оскверняетъ собою землю; иначе трудно было-бы объяснить обращеніе къ такому способу погребенія, невы-

*) См. Закавказскій край, бар. Гакстгаузена, ч. II, стр, 115.
**) Матерьялы для древней исторіи Осетинъ, стр. 2, в. IV-ый.

годныя послѣдствія котораго въ гигіеническомъ отношеніи должны были обнаружиться съ самаго начала.

Въ подготовляемомъ имъ къ изданію третьемъ выпускѣ осетинскихъ этюдовъ, В. Миллеръ, на основаніи разбора греческихъ надписей южной Россіи, включенныхъ г. Латышевымъ въ его сборникъ, и нѣкоторыхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, приходитъ къ тому заключенію, что иранскія поселенія распространены были на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, что кочевья Иранцевъ въ этой части Европы должны быть отнесены къ отдаленному періоду индоевропейскаго ея заселенія, и что въ числѣ ихъ были *Аланы*, отождествляемые нерѣдко средневѣковыми писателями съ народомъ *Ассіи* или *Яссы* нашихъ лѣтописей, иначе говоря, съ Осетинами. На сколько восходятъ историческія свидѣтельства, народы иранской вѣтви уже сидѣли на занимаемыхъ ими на Кавказѣ мѣстахъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, говоритъ авторъ Осетинскихъ этюдовъ. Осетины извѣстны Грузинамъ съ тѣхъ самыхъ поръ, съ какихъ эти послѣдніе помнятъ о самихъ себѣ. Уже въ III в. до Р. Х. Оссы являются могущественными союзниками Грузинъ. Поселеніе ихъ на Кавказѣ восходитъ, по грузинской лѣтописи, къ доисторическимъ временамъ. Ихъ миѳическій предокъ Уовосъ такъ-же древенъ, какъ миѳическій родоначальникъ Грузинъ. Съ другой стороны, поселенія Аланъ, въ составъ которыхъ должны были входить Оссы, по классическимъ извѣстіямъ, также восходятъ въ глубь вѣковъ. Уже Аполинарій Сидонскій говоритъ о „caucasigenos Alanos“; Іосифъ

Ростов-Дон

Флавій знаетъ о нихъ, какъ о живущихъ на Дону и Меотидѣ; Плиній описываетъ ихъ поселенія, какъ расположенныя къ сѣверу отъ Дуная. Такимъ образомъ, показанія Грузинскихъ лѣтописцевъ о древности Осетинъ находятъ себѣ рѣшительное подтвержденіе въ однохарактерныхъ свидѣтельствахъ древнихъ писателей объ Аланахъ.

Изъ историческаго очерка, какимъ г. Миллеръ намѣренъ закончить свои многолѣтнія работы объ Осетинахъ, видно, что этотъ народъ занималъ на первыхъ порахъ плоскостную часть Сѣвернаго Кавказа, по верхнему теченію Кубани и оттѣсненъ былъ въ долины притоковъ Терека лишь впослѣдствіи, когда тюрко-татарскія и черкескія племена (горскіе Татары и Кабардинцы) заняли ихъ старинныя мѣста на западѣ въ горахъ и равнинѣ. Изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что отдаленные предки современныхъ Осетинъ были народомъ довольно многочисленнымъ, способнымъ ставить десятки тысячъ войскъ и вести войны попеременно съ Армянами, Грузинами, Персами и Арабами, позднѣе съ Русскими Славянами временъ Святослава, и Кабардинцами XV-го и слѣд. столѣтій. Византійскіе источники нерѣдко упоминаютъ объ осетинскихъ царяхъ, вѣроятно не болѣе, какъ случайно возвысившихся надъ другими, родовыхъ старѣйшинахъ. Производимыя же въ Осетіи раскопки, по характеру открываемыхъ ими предметовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи между обоими народами довольно дѣятельнаго торговаго оборота. По всѣмъ этимъ даннымъ можно придти къ заключенію, что въ современныхъ Осе-

тинахъ мы должны видѣть не болѣе, какъ уцѣлѣвшій остатокъ тѣхъ многочисленныхъ иранскихъ поселеній, какія расположены были нѣкогда въ южной Россіи, что предки этого народа согнаны были наплывомъ новыхъ кочевниковъ съ первоначально-занятыхъ ими мѣстъ жительства и, удалившись въ горы, нашли въ нихъ одновременно благопріятныя условія для сохраненія своей независимости и препятствія своему численному размноженію.

Такимъ образомъ, изученіе осетинскаго быта призвано пролить яркій свѣтъ на правовые порядки той вѣтви арійской семьи, отъ которой дошло до насъ наименьшее число древнихъ источниковъ права. Сродство Осетинъ-Иранцевъ съ другими вѣтвями арійской семьи позволяетъ намъ обращаться къ помощи только что возникающей науки арійскихъ юридическихъ древностей для объясненія часто непонятнаго для насъ источника тѣхъ или другихъ осетинскихъ обычаевъ: постоянное же сопоставленіе послѣднихъ съ нормами древняго права Индусовъ, Германцевъ, Кельтовъ и Славянъ, не говоря уже о Грекахъ и Римлянахъ, даетъ нужный критерій для опредѣленія древности ихъ происхожденія, убѣждаетъ насъ въ возможности признать эти обычаи, въ каждомъ частномъ случаѣ, то общимъ достояніемъ арійской семьи, то продуктомъ тѣхъ специфическихъ условій, въ какія поставленъ былъ этотъ народъ, какъ характеромъ занимаемой имъ мѣстности, такъ и сосѣдствомъ съ Кабардинцами, Татарами и Грузинами. Только имѣя въ виду разновременность происхожденія осетинскихъ обы-

чаевъ, существованіе въ нихъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ наслоеній, далеко не всегда туземныхъ, въ состояніи мы извлечь изъ ихъ изученія ту пользу для юридической археологіи, какую обѣщаетъ намъ самый фактъ существованія въ горахъ, вдали отъ гражданскаго оборота, неизслѣдованной еще вѣтви общаго съ нами племени.

Современные Осетины живутъ частью на Владикавказской площади, впрочемъ, лишь съ недавнихъ поръ, частью въ горахъ, по ущельямъ притоковъ Терека. Поселенія ихъ встрѣчаются и на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, по верхнему теченію большой и малой Ліахвы и Ксани. На сѣверѣ сосѣдитъ съ Осетинами малая Кабарда, на востокѣ—Чеченцы (Назрановское общество), на югѣ—Грузины и Имеретины, наконецъ на западѣ — горскіе Татары и большая Кабарда. Численность Осетинъ—какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ—достигаетъ до 100 т. душъ, Осетины распадаются на нѣсколько обществъ по ущельямъ притоковъ Терека, которыя они занимаютъ. Такъ, идя съ запада на востокъ, ущелье рѣки Уруха и его притоковъ населено Дигорцами, по долинѣ Ардона и его притоковъ сидятъ Алагирцы (что въ переводѣ значитъ—верхніе Осетины), по ущельямъ Саудона и Фіагдона—Куртатинцы, по Гизельдону и его притокамъ и по лѣвому берегу Терека—Тагаурцы. Осетины, частью огрузинившіеся на южномъ склонѣ хребта, входятъ въ составъ Душетскаго уѣзда Тифлисской губ. и Рачинскаго Кутаисской. Сѣверные Осетины называютъ ихъ общимъ именемъ—Туальта.

Языкъ осетинскій представляетъ два главныхъ

нарѣчія: Дигорское и Иронское. Говоръ южныхъ Осетинъ—Туальтцевъ есть поднарѣчіе Иронскаго. Соотвѣтственно этимъ различіямъ въ нарѣчіяхъ, и Осетины называютъ себя: одни Дигорцами, другіе—Иронами, третьи, южные — Туальтцами. Общаго имени у нихъ не выработалось. Совершенно ошибочно, говоритъ В. Миллеръ, думать что Іръ есть такое общее имя; Дигорецъ отличаетъ себя отъ Ирона и называетъ его по русски Осетиномъ; Иронъ же никогда не назоветъ Дигорца Осетиномъ *).

Съ тѣхъ поръ, какъ начинается достовѣрная исторія Осетіи, слѣдующіе факты особенно сильно повліяли на измѣненія ея бытовыхъ условій. Въ началѣ IV столѣтія святая Нина, при содѣйствіи епископа Іоанна, распространила христіанство у нѣкоторыхъ Осетинъ южнаго склона Кавказскаго хребта **). Распространеніе христіанства въ сѣверной Осетіи обыкновенно связываютъ съ именемъ Грузинской царицы Тамары, и ей приписываютъ постройку того значительнаго числа церквей и часовенъ, какія въ болѣе или менѣе разрушенномъ видѣ встрѣчаются нами въ долинахъ Терека и его притоковъ. Историки Осетинъ считаютъ, однако. болѣе вѣроятнымъ насажденіе христіанства не ранѣе конца XII в., подъ тѣмъ же грузинскимъ вліяніемъ, подъ какимъ христіанство съ IV в. стало проникать къ южнымъ Осетинамъ или Туальтцамъ *).

*) Неотпечатанный еще III-й вып. Осетинскихъ этюдовъ, В. Миллера.

**) Моисей Хоренскій, ч. II, гл. 34.

*) См. Сборн. Свѣд. о Кавк. Горцахъ, выпускъ V, матеріалы для исторіи Осетинъ. г. Пфафа, глава 16-я.

Изъ Грузіи же были занесены въ Осетію и первые зародыши феодальнаго устройства. Опредѣлить съ точностью время, когда Туальтцы подпали подъ вліяніе частью мѣстныхъ, частью Грузинскихъ феодаловъ,—невозможно по недостатку источниковъ. Не сомнѣнно только то, что въ эпоху водворенія въ странѣ русскаго владычества, Туальтцы были подчинены двумъ грузинскимъ княжескимъ фамиліямъ: Эристовымъ и Мачабеловымъ *).

Ближайшимъ поводомъ къ тому было установленіе по теченію Арагвы и въ Ксанскомъ ущельи двухъ Эриставствъ, или правительственныхъ округовъ, которымъ подчинены были, въ числѣ другихъ жителей, и поселенные въ этихъ мѣстахъ Осетины **) По показаніямъ гг. Яновскаго и Казачковскаго, сдѣланнымъ гр. Паскевичу въ 1831 г., Эриставами были назначаемы неизмѣнно члены однихъ и тѣхъ же семей и родовъ, и это обстоятельство въ такой же мѣрѣ содѣйствовало переходу ихъ изъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ въ феодальныхъ сеньеровъ, въ какой наслѣдственное исправленіе графской должности въ предѣлахъ Карловингской имперіи содѣйствовало обращенію ея носителей въ ленныхъ владѣльцевъ. Осуществляя изъ поколѣнія въ поколѣніе права верховныхъ судей, полицейскихъ агентовъ и налоговыхъ сборщиковъ, Эриставы воспользовались широ-

*) См. Адаты Осетинъ 1836 г.

**) Терминъ Эристовъ происходитъ отъ двухъ грузинскихъ слова: *Эри*—народъ, *тава*—глава или начальникъ.

тою предоставленныхъ имъ функцій для установленія системы чисто-личной зависимости поселенныхъ въ ихъ округахъ крестьянъ отъ членовъ своего семейства. Упроченію послѣдней въ Грузіи, какъ и на Западѣ Европы, содѣйствовалъ еще фактъ надѣленія Эриставовъ царями, въ награду за ихъ службу, значительными участками въ предѣлахъ состоявшихъ въ ихъ управленіи округовъ. Эта „terra comitalis“, употребляя выраженіе карловингскихъ дипломовъ, сдѣлалась тѣмъ ядромъ, изъ котораго развились обширныя помѣстья Эриставовъ, заселенныя дотолѣ свободными крестьянами; помѣстья эти пріобрѣли постепенно характеръ феодальныхъ леновъ, и жители ихъ перешли въ ряды крѣпостныхъ людей, удерживая право владѣть землею не иначе, какъ подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей и платежей въ пользу своихъ сеньеровъ. Систему отношеній, впервые возникшую на жалованныхъ имъ земляхъ, Эриставы старались обобщить, распространяя ее на участки, не входившіе въ составъ пожалованія и занятыя по прежнему свободными поселенцами. Путемъ захватовъ, нерѣдко вызывавшихъ возстанія въ мѣстномъ населеніи, приводимомъ къ покорности силою оружія, Эриставы сдѣлались современемъ верховными собственниками большей части земель южной Осетіи и распространили на ея жителей начала крѣпостной зависимости и службы. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи составили только тѣ изъ Осетинъ, которые, живя въ недоступныхъ по своей природѣ горныхъ ущельяхъ, фактически не признавали надъ собою власти Эриставовъ, ни какъ чиновниковъ Грузин-

скаго государства, ни какъ феодальныхъ собственниковъ. Но и по отношенію къ горскому населенію Эриставамъ нерѣдко удавалось установить нѣкоторую степень подчиненія и зависимости. Строя свои замки и крѣпости при самомъ входѣ въ ущелья, они затрудняли горцамъ доступъ въ долины и побуждали ихъ стать по отношенію къ себѣ въ положеніе данниковъ, подъ условіемъ предоставленія имъ свободнаго прохода. Своимъ привилегированнымъ положеніемъ Эриставы пользовались также для возвышенія общественнаго состоянія нѣкоторыхъ семей туземцевъ. Будучи сами изъ рода Сидамоновыхъ, арагвскіе Эриставы покровительствовали дружественнымъ имъ родамъ Царазоновыхъ, Дзахиловыхъ, Кусагоновыхъ и другихъ. которые, благодаря имъ, стали постепенно возвышаться надъ общимъ уровнемъ, не попадая, однако тѣмъ самымъ въ ряды феодальной знати, всецѣло составленой изъ многочисленныхъ развѣтвленій правящихъ династій.

Я сказалъ уже, что попытки Эриставовъ закабалить свободное населеніе не обходились безъ того, чтобы не вызвать время отъ времени возстанія въ немъ. Такими возстаніями Грузинскіе цари пользовались нерѣдко для того, чтобы отнять у вызвавшаго недовольство рода дальнѣйшее несеніе предоставленныхъ ему правительственныхъ функцій. Съ такимъ отнятіемъ нерѣдко связывалась конфискація всего предоставленнаго роду имущества, служившаго то матеріаломъ для новыхъ пожалованій, обыкновенно въ пользу новой семьи Эриставовъ.

то средствомъ къ расширенію доманіальныхъ владѣній самой династіи грузинскихъ царей. Такъ, въ 1740 г. цари Теймуразъ и Ираклій лишили Эриставства родъ Сидамоновыхъ и на мѣсто ихъ поставили новую династію арагвскихъ князей — Чолокаевыхъ, съ тѣмъ, чтобы на разстояніи немногихъ лѣтъ отдать его двумъ своимъ сыновьямъ. Таже судьба постигла и правившихъ дотолѣ въ Ксанскомъ ущельи Эриставовъ изъ дома Бибилуровыхъ; царь Ираклій отнялъ у нихъ вмѣстѣ съ Эриставствомъ и принадлежавшія имъ имѣнія, при чемъ, какъ видно изъ грамотъ, данныхъ имъ жителямъ, царь принялъ клятвенное обязательство за себя и за своихъ наслѣдниковъ никогда не создавать новыхъ Эриставовъ, и въ выполненіе этого обѣщанія раздѣлилъ Эриставство Ксанское между тремя своими дѣтьми *).

Въ эпоху перехода южной Осетіи въ руки русскаго правительства крѣпостная зависимость Туальтцевъ, поселенныхъ на земляхъ, перешедшихъ во владѣніе грузинскаго царскаго дома и родственныхъ ему князей Мачабелли, проявлялась въ слѣд. формѣ: Каждое семейство крестьянъ обязано было давать ежегодно помѣщику по три барана, цѣною каждый въ рубль серебромъ. Съ каждаго *сакомло* земли, величина котораго равнялась 15-ти или 20-ти

*) Акты Кавказской археографической коммиссіи, т. VII, записки объ Осетинскихъ ущельяхъ, присваиваемыхъ князьями Эристовыми-Ксанскими, 1831 г., стр. 374 и слѣд., а также записка Чиляева о горскихъ народахъ по военно-грузинской дорогѣ, 1827 г.; ibid. стр. 348.

дневной пахати, взыскивалось ежегодно въ пользу помѣщика по одной коровѣ (цѣною въ 5 рубл.), или въ замѣнъ ея 5 барановъ. Платежъ этотъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *бегары*; онъ взыскивался съ *сакомло*, независимо отъ числа пользующихся имъ дворовъ или лицъ. Каждые два года тотъ же *сакомло* несъ еще особый платежъ, извѣстный подъ названіемъ *даса-чукаръ*, въ размѣрѣ одного быка, цѣною въ 10 рублей. Сверхъ этихъ видовъ платежей Осетинскія селенія, расположенныя по Джавскому ущелью, несли еще по отношенію къ помѣщикамъ слѣдующія обязательства; въ сырную недѣлю съ каждаго дыма полагался платежъ въ 2 Ф. масла и одинъ литръ сыру, цѣною въ 40 коп., въ Великій постъ—пиво или иной продуктъ на сумму одного рубля и сверхъ того ежегодно съ каждаго дыма двѣ *коды* ячменя, одна копна сѣна въ 5 пудовъ, доставляемая обыкновенно крестьяниномъ на помѣщичій дворъ. Изъ повинностей жители Джавской долины несли только слѣдующія: одинъ день въ году они обязаны были пахать расположенную при ихъ селеніи помѣщичью землю, посѣвъ хлѣба и уборка его также падала на крестьянъ. Если помѣщикъ нуждался въ дровахъ для топлива, эти послѣднія доставляемы были ему крестьянами въ нужномъ для него количествѣ. Тѣ-же крестьяне обязаны были поставлять изъ своей среды столько домашнихъ слугъ, сколько требовалъ ихъ помѣщикъ *).

*) Рапортъ Г. М. Ховена Генералу Ермолову отъ 28 мая 1824 г. Акты Кавказской археографической коммиссіи т. VI.

Сравнивая эти виды крестьянскихъ платежей и повинностей съ тѣми, какія несетъ сельское населеніе всей вообще Грузіи по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, мы находимъ между тѣми и другими полное сходство. Изъ рапорта, сдѣланнаго С.С. Завалейскимъ Г. А. Стрекалову 17 ноября 1829 г., видно, что все крестьянское населеніе Грузіи одинаково обязано было пахать помѣщичье поле однажды въ годъ всѣми бывшими въ его распоряженіи плугами: какъ собственными, такъ и хозяйскими, а также боронить, жать, молотить и убирать хлѣбъ. Все различіе сводится къ тому, что въ Грузіи въ мѣстностяхъ, благопріятныхъ винодѣлію и садоводству такія же обязанности падаютъ на крестьянъ по отношенію къ виноградникамъ и садамъ. Что касается до натуральныхъ сборовъ, то они всюду пріурочены къ извѣстнымъ срокамъ въ году, обыкновенно къ Новому году и Великому посту, причемъ, какъ и въ Осетіи, дозволяется замѣна одного вида натуральныхъ сборовъ другимъ, напримѣръ, замѣна приношеній, дѣлаемыхъ баранами, — подарками свиней или куръ. Обязанность личнаго услуженія и снабженія помѣщичьяго хозяйства необходимымъ матеріаломъ для топлива падаетъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ на Осетинскихъ крестьянъ, такъ и на другихъ крестьянъ Грузіи *).

Зависимость отъ Грузіи и ея культурныхъ вліяній въ такой же мѣрѣ опредѣлила собою судьбу южныхъ Осетинъ въ какой сравнительно недавнее

*) Акты Кавк. Археогр. коммиссіи, т. VII, стр. 26.

магометанства въ средѣ Кабардинцевъ и горскихъ Татаръ, а также возникновеніе у нихъ сложной феодальной организаціи, повліяло на бытовыя условія сѣверной Осетіи.

Христіане не только въ эпоху Ивана Грознаго, но и несравненно болѣе близкую къ намъ—похода Петра на Азовъ, *) Кабардинцы окончательно переходятъ въ мусульманство во второй четверти XVIII в. На разстояніи немногихъ десятковъ лѣтъ, по примѣру Кабардинцевъ и Горскіе Татары становятся ревностными магометанами, не безъ вліянія миссіонеровъ, высылаемыхъ время отъ времени Кумыкскими князьями (въ частности Шамхалами Тарковскими), выдававшими своихъ дочерей замужъ за старѣйшинъ Чегемскаго или Балкарскаго общества. Заграждая Осетинамъ, и въ частности Дигорцамъ, доступъ къ нѣкогда занятой ими сѣверной плоскости, Кабардинцы пріобрѣтали тѣмъ самымъ возможность непосредственнаго вліянія на своихъ горскихъ сосѣдей. Дигорцамъ, справедливо замѣчаетъ Клапротъ, необходима Кабарда. Весною, когда снѣгъ не сошелъ еще съ занимаемыхъ ими горныхъ покатостей, Дигорцы высылаютъ свой скотъ на кабардинскіе луга; изъ Кабарды же получаютъ они, въ случаѣ частыхъ въ ихъ странѣ неурожаевъ, необходимое для пропитанія просо, а также нужную имъ соль. Въ свою очередь, Кабардинцы высылаютъ лѣтомъ, когда ихъ поля сожжены соли-

*) Въ народныхъ пѣсняхъ Кабардинцевъ упоминается о походѣ ихъ на Азовъ вмѣстѣ съ Петромъ В.

цемъ, весь свой скотъ въ Дигорію, на ея горныя пастбища. Такимъ образомъ, продолжаетъ Клапротъ, оба народа тѣсно связаны другъ съ другомъ и живутъ между собою въ дружбѣ, такъ какъ взаимно нуждаются одинъ въ другомъ. Эта экономическая зависимость горскихъ жителей отъ плоскостныхъ повела даже къ установленію особой дани, которой княжескій кабардинскій родъ Тау-Султановыхъ облагалъ еще во второй половинѣ XVIII в. нѣкоторыя дигорскія селенія, перечисленныя у Клапрота. Эта дань, по словамъ нѣмецкаго путешественника, выплачиваема была всего чаще баранами и мѣдными чанами, получаемыми Дигорцами изъ Имеретіи. Въ Большой Кабардѣ, замѣчаетъ тотъ же нѣмецкій путешественникъ, также встрѣчается нѣсколько семействъ, которыя держатъ отъ себя въ зависимости нѣкоторые дигорскіе роды *).

При такихъ условіяхъ неудивительно, если Кабардинцы безъ большаго труда распространили ученіе Корана и въ Дигоріи, и если Дигорцы и въ наши дни являются весьма ревностными прозелитами магометанства.

Тѣмъ же Кабардинскимъ вліяніемъ объясняется и развитіе въ средѣ сѣверныхъ Осетинъ Дигоріи и Тагауріи сословной организаціи, по своему типу во многомъ сходной съ той, какая развилась въ средѣ самихъ Кабардинцевъ, начиная съ XIII в.— эпохи занятія ими сѣверо-кавказской плоскости. Какъ наиболѣе воинственное и могучее племя, Ка-

*) Klaprot, Reise in den Kaukasus, т. II, стр. 503.

бардинцы не могли не сдѣлаться предметомъ подражанія для своихъ сосѣдей. Всѣ туземцы Сѣвернаго Кавказа въ одеждѣ, оружіи и домашней утвари, какъ и въ манерѣ держать себя передъ людьми, однимъ словомъ, во всѣхъ проявленіяхъ общественности — подражали и подражаютъ Кабардинцамъ. По своему вліянію во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Кабардинцы могутъ быть сравнены развѣ съ средневѣковыми рыцарскими обществами, правила поведенія которыхъ сдѣлались современемъ мѣркою порядочности, основаніемъ къ выдѣленію, напр., въ Англіи дженльмэна изъ среды его согражданъ.

Если сопоставить сказанное съ фактомъ экономической зависимости, въ которой нѣкоторые изъ Осетинъ жили, какъ мы видѣли, отъ Кабардинцевъ, а также съ тѣмъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ, какое Кабарда пріобрѣла, благодаря принятію ею мусульманства, то вполнѣ понятнымъ станетъ вліяніе кабардинской сословной организаціи на бытовыя условія Осетинъ. Говоря это, я не хочу однако, сказать, что осетинскія сословія возникли исключительно по образцу кабардинскихъ. Процессъ ихъ образованія несомнѣнно заключаетъ въ себѣ много самобытнаго: въ своихъ плоскостныхъ сосѣдяхъ нарождающіеся въ Осетіи аристократическіе роды нашли только примѣръ и поддержку, не только нравственную, но и матеріальную. Трудно сказать, возможно ли было бы образованіе привиллегированныхъ фамилій въ Дигоріи и Тагауріи и подчиненіе ими свободнаго населенія на началахъ феодальной зависимости и помимо вліянія Кабардинцевъ, или нѣтъ, хотя примѣръ Алагир-

цевъ, успѣвшихъ удержать и полную независимость отъ Кабарды и сохранить одновременно свою родовую демократію, повидимому даетъ право полагать, что развитіе феодальныхъ отношеній является скорѣе результатомъ воздѣйствія внѣшнихъ, нежели внутреннихъ причинъ.

Послѣ сказаннаго ясно, какое значеніе имѣетъ для изслѣдователя осетинскихъ сословныхъ отношеній ознакомленіе хотя бы въ общихъ чертахъ съ организаціей ихъ въ Кабардѣ.

Характеризуя послѣднюю, я имѣлъ уже случай обозначить ее терминомъ феодальной *). Такое заявленіе съ моей стороны вызвало рядъ недоумѣній. Тѣ лица, которыя сдѣлали мнѣ честь критическаго отношенія къ моей теоріи, видѣли явное противорѣчіе въ фактѣ одновременнаго господства въ Кабардѣ общественнаго владѣнія землею и утверждаемой мною феодальной организаціи. Въ этомъ отношеніи ихъ воззрѣнія являются только результатомъ той неопредѣленности представленій, какая доселѣ имѣется у большинства писателей, незнакомыхъ непосредственно съ источниками поземельнаго строя феодальной Европы. Только проникнувшись той мыслью, что феодальная система не была легализированной экспропріаціей земли небольшой горстью дворянъ, что фактическими владѣльцами въ эпоху ея господства были крестьяне, какъ вѣчно-наслѣдственные арендаторы, и что вла-

*) См. Русская Мысль, за 84 г. кн. 12 моя статья, озаглавленная: Сословныя и поземельныя отношенія горцевъ Сѣв. Кавказа.

дѣніе ихъ было построено не на одномъ частно-правовомъ, но и на общинномъ принципѣ, можно возвыситься до пониманія того основнаго положенія, что феодальная система была не исключительнымъ явленіемъ германо-романскаго міра, а необходимой стадіей въ міровомъ процессѣ общественнаго развитія, стадіей, совпадающей съ эпохою перехода отдѣльныхъ народовъ отъ военно-наступательной къ военно-оборонительной системѣ. Этотъ взглядъ, впервые высказанный Огюстомъ Контомъ, защищаемъ былъ мною и во всѣхъ предшествующихъ моихъ сочиненіяхъ.

Средневѣковая исторія Индіи, въ эпоху господства въ ней имперіи великаго Могола, какъ и изученіе современнаго быта горцевъ нашего Кавказа,—доставили мнѣ одинаково обильный матеріялъ для ея фактическаго обоснованія. Работы-же недавнихъ оріенталистовъ, Тишендорфа въ томъ числѣ, не оставляютъ, какъ мнѣ кажется, поля для сомнѣнія въ томъ, что мусульманскому міру феодальная система была извѣстна въ такой-же мѣрѣ, какъ и христіанскому. На востокѣ и на западѣ, въ отдаленной Индіи, какъ и на берегахъ Сены или Рейна, въ Византійской имперіи, какъ и въ тѣхъ государствахъ, основа которымъ была положена распаденіемъ западной Римской имперіи, развитіе феодализма не имѣло своимъ послѣдствіемъ исчезновенія сельскихъ общинъ и начала общественнаго владѣнія землею. Метранкоміи земиндарства на востокѣ, марки и сельскія общины на западѣ—одинаково продолжали существовать, измѣнивъ только своему свободному характеру и ставъ подъ

высокую руку феодаловъ. Сравненіе въ деталяхъ земельныхъ или сословныхъ порядковъ любой изъ тѣхъ областей магометанскаго міра въ частности съ тѣми, какія представляетъ средне-вѣковая Европа въ эпоху не завершившейся еще феодализаціи,—приводитъ къ убѣжденію въ дѣйствіи тамъ и здѣсь одинаковыхъ причинъ и въ сходствѣ вызываемыхъ ими послѣдствій. Я указалъ на такія аналогіи какъ въ первомъ выпускѣ моего „Общиннаго землевладѣнія", такъ и въ тѣхъ возраженіяхъ, какія представлены были мною на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, въ подкрѣпленіе высказаннаго мною взгляда о феодализаціонномъ процессѣ въ средѣ кавказскихъ горцевъ *).

Съ этимъ необходимымъ предисловіемъ, вызваннымъ характеромъ сдѣланныхъ мнѣ возраженій, я перехожу къ буквальному воспроизведенію того, что было сказано мною раньше о характерныхъ особенностяхъ кабардинскаго феодализма и о вліяніи, оказанномъ послѣднимъ на сословную организацію Осетинъ.

Основу Кабардинскаго строя положило завоеваніе въ XIII вѣкѣ сѣверо-западной кавказской плоскости выходцами изъ Крыма, производившими себя отъ Инала, болѣе или менѣе миѳическаго лица.

*) Возраженія эти представлены были г. Кулишеру; вызванныя ими пренія изложены въ бюллетеняхъ съѣзда. На замѣчанія, представленныя ранѣе этого г. Абрамовымъ, я не счелъ нужнымъ отвѣчать, находя въ нихъ болѣе порицанія себѣ, нежели опроверженія высказанныхъ мною взглядовъ.

который, по словамъ преданія, нѣкогда правилъ Египтомъ и, послѣ пораженія его войскъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II, переселился въ Крымское ханство. Отъ 4-хъ ближайшихъ потомковъ Инала произошли 4 княжескихъ фамиліи или, употребляя кабардинское наименованіе, „пшэ“: Атажухины, Кайтукины, Мисостовы и Бекмурзины. Кабардинцы застали плоскость, заселенную народомъ адигейскаго происхожденія, незадолго передъ тѣмъ освободившимся отъ татарскаго ига и управляемымъ своими князьями. Князья эти, смотря по бо́льшей или меньшей состоятельности своей, включены были кабардинцами въ одно изъ слѣдующихъ двухъ сословій: „тлатоколтлешъ“ (въ переводѣ—родовитый человѣкъ) и „дежнуго“. Первые, въ лицѣ избираемаго ими представителя, „кодза“, одни раздѣлили съ кабардинскими „пшэ“ управленіе страной. Вся земля поступила въ верховное распоряженіе вышеназванныхъ трехъ сословій, что, однако, ни мало не воспрепятствовало общинному пользованію ею со стороны всей Кабарды.

Все остальное населеніе попало въ бо́льшую или меньшую отъ нихъ зависимость, распадаясь, въ то же время, на цѣлый рядъ второстепенныхъ подраздѣленій, числомъ до восьми. Низшимъ изъ нихъ являются рабы и прикрѣпленные къ землѣ холопы, а высшимъ—люди свободнаго состоянія („уорки“, или уздени), ставшіе къ князьямъ въ вассальныя отношенія. Взамѣнъ получаемой ими земли, „уорки“ обязывались нести военную и придворную службу, сопровождать своихъ сюзереновъ въ ихъ путешествіяхъ и состоять при ихъ особѣ дома.

Спрашивается теперь: какимъ образомъ отразились только что описанные порядки на сословной организаціи Осетинъ. Въ свѣдѣніяхъ объ осетинскихъ адатахъ (обычаяхъ), собранныхъ въ 44 году по распоряженію русскаго правительства, значится, что между осетинами существуетъ четыре сословія: высшее или дворянское, которое они называютъ „уозданьлагъ", среднее — „фарсаглагъ", низшее—„кавдасардъ" и несвободное или рабское—„гурзіакъ". Происхожденіе послѣднихъ двухъ сословій легко объясняется, съ одной стороны, войнами съ Грузіей, доставлявшими осетинамъ военно-плѣнныхъ рабовъ („гурзіакъ" — буквально значитъ—изъ Грузинъ), а съ другой—господствующимъ доселѣ обычаемъ держать наложницъ, „нумулусъ", и приживать отъ нихъ дѣтей, „кавдасардовъ", которыя, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ, поступаютъ въ общее владѣніе двора или въ раздѣлъ между живущими въ немъ семьями.

Гораздо труднѣе выяснить причины, поведшія къ выдѣленію изъ среды свободныхъ людей, обозначаемыхъ осетинами терминомъ „фарсаглагъ (фарсагъ—побочный, лаг=человѣкъ), особыхъ привилегированныхъ семей. При недостаткѣ другихъ данныхъ, намъ необходимо обратиться къ преданіямъ и поискать въ нихъ указаній для разрѣшенія этого вопроса.

Замѣтимъ съ самаго начала, что по вопросу о происхожденіи отдѣльныхъ привилегированныхъ семей между осетинами ходятъ двоякаго рода преданія: одни, которыя могутъ быть названы фамильными, другія, которыя всего ближе подходятъ подъ

понятіе народныхъ. Сравненіе обоихъ составитъ одну изъ нашихъ задачъ. Съ помощью его, мы въ состояніи будемъ отдѣлить позднѣйшія генеалогическія прикрасы отъ историческихъ фактовъ. Осетины, по названію занимаемыхъ ими горныхъ долинъ, распадаются, какъ мы видѣли, на слѣдующія общества: тагаурское, куртатинское, аллагирское, дигорское и туальтское или наро-мамисоновское. Каждое изъ этихъ обществъ имѣло свою историческую судьбу, каждое развило въ своей средѣ особую организацію; каждое, поэтому, должно быть изучено въ отдѣльности.

Древнѣйшимъ изъ этихъ обществъ слѣдуетъ считать аллагирское. Опровергая фамильныя преданія, приписывающія тагаурскимъ аристократамъ происхожденіе отъ Армянъ, Аллагирцы утверждаютъ, что древнѣйшимъ осетинскимъ поселеніемъ слѣдуетъ считать ихъ аулъ и что родоначальники привилегированныхъ фамилій въ другихъ ущельяхъ не болѣе, какъ выходцы изъ него. По народнымъ сказаніямъ Аллагирцевъ, въ аллагирскомъ обществѣ никогда не было сословій. Всѣ Аллагирцы одинаково потомки Оса-Багатара, миѳическаго родоначальника Осетинъ, который, уступая напору Персовъ и Грузинъ, удалился въ Аллагирское ущелье, гдѣ сыновья его построили каменную стѣну для защиты отъ сосѣдей. Развалины этой стѣны еще видны въ Аллагирскомъ ущельи. Долгое время Аллагирцы жили между собою въ мирѣ и согласіи, пока на сосѣднемъ плоскогорьи не поселились Кабардинцы. Съ этого времени отдѣльныя семьи, изъ видовъ наживы, вступили съ Кабардинцами въ соглашенія, стали помо-

гать имъ въ ихъ набѣгахъ, угонять къ нимъ стада сосѣдей, за что и были прогнаны съ позоромъ изъ среды аллагирскаго общества.

Изгнанники, такъ называемые абреки, поселились въ Куртатинскомъ ущельи, гдѣ сперва жили между собою мирно, сохраняя въ своемъ устройствѣ демократическое равенство. Но вскорѣ вспыхнули родовыя усобицы. Онѣ повели къ тому, что часть населенія выселилась изъ Куртатіи въ Тагаурское ущелье, дотолѣ никѣмъ не занятое. Любопытно отмѣтить при этомъ, что колонисты Тагауріи являются какъ бы піонерами кабардинской цивилизаціи. Преданіе даже открыто говоритъ о содѣйствіи, оказанномъ имъ кабардинскими князьями Кайтукиными. Уцѣлѣвшій при избіеніи цѣлаго рода, молодой Куртатинецъ Шанаевъ находитъ пріютъ въ Кабардѣ у князей Кайтукиныхъ, получаетъ у нихъ воспитаніе и, съ ихъ помощью, водворяется въ Тагаурскомъ ущельи. Кабардинское вліяніе съ самаго начала сказывается на той сословной организаціи, какая возникаетъ въ Тагауріи со времени занятія ея куртатинскими выходцами. Изъ рядовъ вольныхъ людей, фарсаглаговъ, выдѣляются не только прижитые отъ наложницъ дворовые люди, кавдасарды, и военноплѣнные или купленные рабы, гурзіаки, но и привиллегированное сословіе, члены котораго носятъ одно наименованіе съ кабардинскими узденями, — наименованіе „уозданьлагъ“, въ настоящее время „алдаръ“. Новые пришельцы частью изъ Аллагира, частью изъ Куртатіи и Южной Осетіи входятъ въ эту, уже готовую организацію, занимая, кто—положеніе „побочныхъ“ людей, фарсагла-

говъ *), кто—членовъ привилегированнаго сословія. Такимъ образомъ, тогда какъ въ куртатинскомъ обществѣ продолжаетъ господствовать прежняя бессословность, въ Тагауріи, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Кабардинцевъ, складывается феодальная система. Это различіе обѣихъ долинъ сказывается, прежде всего, въ сферѣ землевладѣнія. Въ куртатинскомъ обществѣ, какъ и въ аллагирскомъ, удерживается начало общаго владѣнія землею, сперва родами, позднѣе смѣнившими ихъ сельскими общинами. Въ Тагауріи это нераздѣльное владѣніе уживается рука объ руку съ развивающейся частной собственностью, субъектами которой являются узденьскія семьи. На занятыхъ ими земляхъ послѣднія селятъ новыхъ пришельцевъ изъ Аллагира, Куртатіи и южной Осетіи. Устраиваясь на общинномъ началѣ, эти пришельцы, въ силу занятія ими чужой земли, попадаютъ въ зависимое положеніе отъ узденей. Ихъ зависимость проявляется какъ въ характерѣ ихъ отношеній къ землѣ,—они не болѣе, какъ наслѣдственные владѣльцы чужой земли,— такъ и въ сферѣ ихъ личныхъ обязанностей и правъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ взаимныя отношенія сословій въ Тагауріи до уничтоженія въ ней въ 67 году крѣпостной зависимости.

Высшее общественное положеніе принадлежитъ уозданьлагамъ или алдарамъ. Уозданьлагское достоинство не пріобрѣтается ни покупкою, ни за-

*) Другими словами, живущихъ на чужихъ земляхъ.

слугами. Оно есть исключительное достояніе одиннадцати фамилій, издревле пріобрѣтшихъ это званіе.

Права уозданьлаговъ весьма широки. Они одни могутъ владѣть сверхъ гурзіаковъ и кавдасардами, распоряжаться ими по произволу и подвергать ихъ наказаніямъ, помимо суда. Какъ верховные собственники всѣхъ земель Тагаурін, они получаютъ отъ фарсаглаговъ слѣдующія повинности и платежи. Весною каждый дворъ доставляетъ уозданьлагу одного ягненка, осенью—большаго барана. Къ ежегоднымъ платежамъ принадлежатъ также: возъ сѣна, овечій сыръ и 10 фунтовъ коровьяго масла. Если фарсаглагъ бьетъ на мясо скотину или рѣжетъ барана, то передняя лопатка съ ребрами принадлежитъ уозданьлагу. Во время поминокъ и свадебъ фарсаглаги доставляютъ своимъ господамъ бузу и съѣстные припасы, смотря по состоянію. Что касается личныхъ повинностей, то во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить обязанность сопровождать господина на собственной лошади, куда бы онъ ни ѣхалъ, на правахъ его тѣлохранителя. Это та же обязанность, какая въ средніе вѣка принадлежала вассаламъ. Рядомъ съ этой повинностью, фарсаглагъ несетъ другія, чисто хозяйственнаго характера. Во время покоса, пахоты и жатвы, изъ каждаго фарсаглагскаго двора посылается на хозяйское поле одинъ человѣкъ, который съ собственными орудіями и на хозяйскомъ корму обязанъ проработать цѣлый день. Подобно нашимъ крестьянамъ въ эпоху, предшествовавшую отмѣнѣ знаменитаго Юрьева дня, фарсаглаги пользуются правомъ свободнаго перехода отъ одного узденя къ другому. Существеннымъ

ограниченіемъ этой свободы переселенія является то обстоятельство, что, при оставленіи прежняго мѣстожительства, жилище фарсаглага и вся его собственность остаются въ пользу хозяина. Въ свою очередь, послѣдній, при неисполненіи обязанностей фарсаглагомъ, имѣетъ право прогнать его отъ себя. Взамѣнъ получаемыхъ имъ выгодъ, уозданьлагъ обязанъ оберегать живущаго у него фарсаглага отъ всякой обиды и насилія. Если у фарсаглага украдутъ что-либо въ аулѣ или отобьютъ у него скотину, розысканіе и преслѣдованіе виновнаго падаетъ на уозданьлага *).

Однимъ изъ способовъ, которыми достигнута была на Западѣ эмансипація средняго сословія отъ феодальной аристократіи, была покупка земель въ собственность у разоряющейся знати. Та же покупка причина тому, что многіе фарсаглаги съ теченіемъ времени сдѣлались совершенно независимыми частными собственниками и освобождены были отъ всякаго рода повинностей и платежей. Этимъ путемъ восемь изъ упомянутыхъ нами одинадцати уозданьлагскихъ семействъ потеряли права на своихъ фарсаглаговъ и уступили въ ихъ пользу большую часть принадлежащей имъ земли. И такъ, фарсаглаги могутъ быть земельными собственниками. Они могутъ также владѣть рабами-гурзіаками, но дѣти этихъ рабовъ уже считаются свободными. Однихъ только кавдасардовъ фарсаглаги имѣть не могутъ, такъ какъ такая привиллегія признается за однимъ высшимъ сословіемъ **).

*) Леонтовичъ ст. II, свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г. стр. 9.
**) Леонтовичъ, г. II. Св. объ адатѣ 1847 г., стр. 13.

Званіе кавдасардовъ наслѣдственное. Они составляютъ неотчуждаемую собственность той узденьской фамиліи, къ которой принадлежала ихъ мать. Они не могутъ поэтому быть проданными или уступленными кому-нибудь въ даръ. Кавдасарды обязаны жить тамъ, гдѣ имъ будетъ указано, и исправлять положенныя имъ работы. Во время покоса, пахоты и жатвы изъ каждаго кавдасардскаго двора долженъ быть высланъ одинъ человѣкъ, который на хозяйскомъ корму работаетъ одинъ день. Если кавдасардъ убиваетъ скотину или рѣжетъ барана, передняя лопатка съ ребрами должна быть отдана имъ алдару. Когда семья послѣдняго готовится встрѣтить праздникъ, кавдасардъ обязанъ сварить пива и отдать изъ него одинъ кувшинъ господину, а также доставить послѣднему 3 хлѣба и переднюю лопатку съ ребрами отъ убитаго имъ барана Когда алдаръ празднуетъ свадьбу, кавдасардъ въ день, слѣдующій за нею, обязанъ устроить у себя пиръ для молодыхъ. Вообще-же, живя въ одномъ дворѣ съ алдаромъ, кавдасардъ исполняетъ по отношенію къ послѣднему всякаго рода служебныя обязанности: чистить его дворъ, рубить дрова, варить пиво *). Такое зависимое состояніе не мѣшаетъ кавдасардамъ владѣть землею, пріобрѣтенной покупкою или полученной по наслѣдству, а также купленными рабами, дѣти которыхъ признаются уже кавдасардами и, какъ та-

*) Ibid. стр. 16.

ковые, принадлежатъ уозданьлагу. Выходъ изъ сословія кавдасардовъ невозможенъ.

Тогда какъ всѣ вышеназванныя сословія вмѣстѣ съ обязанностями имѣютъ и извѣстныя права, гурзіаки или рабы считаются не болѣе, какъ вещью: владѣльцы ихъ могутъ дѣлать съ ними все, что имъ заблагоразсудится: продавать и дарить цѣлыми семьями или по одиночкѣ и даже умерщвлять, если такова ихъ будетъ „добрая воля" *).

Чѣмъ въ Тагаурiи являются уозданьлаги или алдары, тѣмъ въ Дигоріи бадиляты. Въ сословной организаціи Дигоріи кабардинское вліяніе можетъ быть отмѣчено съ еще большею наглядностью, чѣмъ въ Тагаурiи. Основаніе высшаго сословія дигорцы связываютъ съ позднимъ сравнительно поселеніемъ въ ихъ средѣ чужеродца-выходца изъ „Маджаръ": города, развалины котораго доселѣ сохранились на Кумѣ, около станицы „Прасковея". Имя этого выходца было „Бадила". Онъ сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго въ Дигоріи рода „бадилятъ". На первыхъ порахъ скромный пришелецъ, готовый зарабатывать себѣ существованіе уходомъ за стадами, Бадила пріобрѣтаетъ въ средѣ Дигорцевъ особенно почетное положеніе, благодаря выдающейся роли, какую ему приходится играть въ войнахъ ихъ съ сосѣднимъ ауломъ „Донифарсомъ". Дигорцы, гласитъ преданіе, не знали въ это время огнестрѣльныхъ оружій. Бадила первый знакомитъ ихъ съ употребленіемъ ружья. Тотъ же

*) Ibid, стр. 14 и 15.

Бадила, какъ мусульманинъ, находитъ себѣ поддержку въ кабардинцахъ-мусульманахъ, которые черезъ его посредство стараются о введеніи корана среди христіанскаго населенія Дигоріи. Народное преданіе обвиняетъ Бадилу и его потомковъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Кабардинцами, которыхъ они, будто бы, сами неоднократно приглашали въ Дигорію, указывая имъ на легкую добычу.

Дигорцы мало-по-малу привыкли видѣть въ Бадилятахъ кабардинскихъ агентовъ и повиноваться имъ поневолѣ. Подъ вліяніемъ Кабардинцевъ Бадиляты установили въ Дигоріи ту самую общественную организацію, съ характеромъ которой мы уже познакомились выше, говоря о тагаурскихъ сословіяхъ. На ряду съ рабами и кавдасардами извѣстными въ Дигоріи подъ наименованіемъ „тума", появился въ ней и классъ людей. лично свободныхъ, но зависимыхъ отъ Бадилятъ. благодаря поселенію на ихъ земляхъ. Этотъ классъ. подъ наименованіемъ „адамихатъ", вступилъ къ высшему сословію въ тѣ самыя отношенія, въ какихъ въ Тагауріи стояли къ нему фарсаглаги.

Любопытною чертою Дигорской сословной организаціи, доказывающею особую близость ея къ кабардинской, является встрѣчающееся въ ней дѣленіе несвободнаго люда на два класса: рабовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ право вступленія въ бракъ и основанія семей, тогда какъ другіе такого права не имѣютъ. То же различеніе встрѣчаемъ мы и въ Кабардѣ: рѣшенія Нальчикскаго горскаго суда на каждомъ шагу упоминаютъ о такъ называемыхъ

ими „обрядовыхъ“, холопяхъ и холопкахъ, иначе называемыхъ „анаутами“ и „анаутками“. Послѣдній классъ, какъ видно изъ тѣхъ же приговоровъ, составленъ былъ изъ лицъ, попавшихъ въ ряды рабовъ путемъ покупки. За неповиновеніе господину и совершеніе тѣхъ или другихъ преступленій „обрядовые“ холопи могли быть переведены въ классъ „анаутовъ“. Въ жалобахъ, предъявляемыхъ въ Нальчикскій судъ холопями противъ ихъ господъ, нерѣдко значится, что господинъ произвольно включилъ то или другое лицо въ ряды неимѣющихъ обрядовъ холопей, такъ какъ имъ не было совершено никакого преступленія. По предъявленіи ему такой жалобы, судъ каждый разъ требуетъ отъ собственника доказательствъ тому, что его холопомъ дѣйствительно совершены были тѣ или другія дѣйствія, карою которымъ можетъ служить переводъ его въ ряды не имѣющихъ „обряда“ холопей *). Практическимъ послѣдствіемъ зачисленія въ ряды послѣднихъ было право господина разлучить мужа и жену при продажѣ ихъ на сторону или, не обращаясь даже къ такой продажѣ, ссудить рабыню-анаутку тому или другому лицу, по собственному выбору и не иначе, какъ во временное сожительство. Тѣ же буквально порядки встрѣчаемъ мы и среди Дигорцевъ. Ихъ обычное право различаетъ „кнековъ“ или дворовыхъ людей отъ такъ называемыхъ „коссеговъ“; о послѣднихъ значится въ сборникѣ адатовъ

*) Архивъ Нальчикскаго горскаго суда.

1844 г., что „коссеги“ женскаго пола настоящаго мужа не имѣютъ, что господинъ воленъ ихъ отдать на время холостому человѣку, по своему произволу, и что прижитыхъ въ такомъ сожительствѣ дѣтей господинъ вправѣ дарить и продавать врознь. Иное дѣло, если рѣчь заходитъ о „кнекѣ“; женъ своихъ, значится въ томъ же сборникѣ, они не могутъ увольнять, и это запрещеніе развода обязательно и для господина. Въ одномъ только отношеніи дигорскіе обычаи отступаютъ отъ кабардинскихъ, обнаруживая большую противъ послѣднихъ мягкость къ участи рабовъ. Провинившуюся холопку только тогда можно отнять у ея мужа и продать на сторону, если родители ея несогласятся заплатить господину положенной за нее платы; что же касается до дѣтей, то, прижиты ли они будутъ въ бракѣ или внѣ его, и будетъ ли ихъ матерью „обрядовая“ или „необрядовая“ холопка, они равно подлежатъ продажѣ врознь *).

Историки феодальныхъ отношеній обыкновенно характеризуютъ послѣднія тѣмъ, что, при ихъ господствѣ, земельный собственникъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ правительственной власти, и что жители одной и той же территоріи представляютъ изъ себя рядъ іерархически подчиненныхъ группъ. Эти двѣ основныя черты феодализма вполнѣ выступаютъ въ описанной нами сословной организаціи. Алдаръ и бадилятъ не только собственникъ земли, получающій съ своихъ вѣчно-наслѣд-

*) Древніе обряды дигорскаго общества. 1844 г., ст. 9, 10, 11.

ственныхъ арендаторовъ положенную обычаемъ ренту въ формѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ; онъ еще ихъ политическій глава, одинаково въ военное и мирное время. По его зову фарсаглаги и кавдасарды обязаны стать подъ оружіе и подчиниться его военному начальству; его повелѣніямъ послушны они и въ мирное время, принимая къ себѣ, напримѣръ, на содержаніе его гостей и становясь кормильцами и воспитателями дѣтей чужаго княжескаго рода не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія ихъ собственнаго князя. Въ сборникахъ осетинскихъ адатовъ, не только высказано открыто это предписаніе, но и прямо значится, что фарсаглаги и кавдасарды обязаны повиноваться безпрекословно своимъ князьямъ. Не осуществляя лично, опять таки по образцу средне-вѣковаго феодала, своихъ судебныхъ правъ, предоставляя сторонамъ вѣдаться между собою посредническимъ судомъ, Алдары и Бадилята въ то же время осуществляютъ свое право верховной юрисдикціи путемъ взиманія съ уголовныхъ преступниковъ штрафовъ въ свою пользу. При изученіи уголовнаго права осетинъ мы еще будемъ имѣть случай говоритъ объ этомъ, какъ о первомъ проявленіи системы публичныхъ каръ, отличныхъ отъ тѣхъ частныхъ выкуповъ, къ которымъ только и присуждаются осетины алагирскаго или нара-мамисоновскаго обществъ, никогда не знавшіе въ своей средѣ привилегированныхъ сословій.

При всемъ своемъ сходствѣ съ феодальными порядками, осетинская сословная организація отнюдь

не можетъ быть уподоблена той, какую представляетъ западная Европа въ эпоху завершившагося уже процесса феодализаціи. Такое положеніе мы вправѣ высказать, сравнивая между собою тѣ отношенія, въ которыхъ на западѣ сюзеренъ стоитъ къ своему вассалу, а въ Осетіи алдаръ къ своему фарсаглагу. Если тамъ и здѣсь одинаково эти отношенія построены на договорномъ началѣ, если въ Осетіи, какъ и во Франціи временъ первой редакціи кутюмовъ, сеньеръ обязанъ доставить своему вассалу покровительство и защиту, подъ угрозой сдѣлать недѣйствительнымъ самый договоръ, то съ другой стороны,—осетинскій вассалъ—фарсаглагъ свободнѣе средне-вѣковаго въ оставленіи имъ господина. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшее сходства съ тѣмъ hospes (въ букв. переводѣ гость), о которомъ упоминаютъ грамоты и политики XI в. во Франціи, т. е. эпохи еще невыработаннаго феодализма. Подобно hospes, этому первообразу будущаго второстепеннаго вассала, фарсаглагъ вправѣ переходить отъ одного господина къ другому, но подъ условіемъ оставленія въ его пользу двора и земельнаго участка.

Самый источникъ происхожденія того и другаго класса одинаковъ: и hospites и фарсаглаги равно являются свободными людьми, селящимися на чужой землѣ по уговору съ ея собственникомъ и принимающими по отношенію къ послѣднему извѣстныя обязательства, личныя и имущественныя.

Что касается до рабовъ, то и ихъ общественное положеніе въ Осетіи болѣе приближается къ тому,

какое занимали они на западѣ въ древнѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ, когда, по словамъ Брактона, въ Англіи, напр., еще проводимо было различіе между villenagium purum или полнымъ рабствомъ и villenagium privilegiatum, съ тою, однако, оговоркой, что господствующее на западѣ христіанство съ самаго начала воспрепятствовало расторженію браковъ хозяевами рабовъ.

Особенностью осетинской сословной организаціи, вполнѣ объясняемой, какъ мы увидимъ, ихъ семейнымъ правомъ, является существованіе въ ихъ средѣ особаго наслѣдственнаго класса, основа которому была положена внѣбрачными связями ихъ привиллегированнаго сословія. Въ русской литературѣ сдѣлана была попытка найти аналогичное явленіе осетинскимъ кавдасардамъ въ нашей юридической старинѣ, въ фактѣ существованія у насъ нѣкогда особаго класса дѣтей боярскихъ. Мы сочли нужнымъ выступить открыто противъ нея по причинамъ, полное пониманіе которыхъ возможно лишь подъ условіемъ предварительнаго знакомства съ семейнымъ бытомъ Осетинъ, почему мы и отлагаемъ окончательное разсмотрѣніе этого вопроса до того отдѣла нашего сочиненія, который посвященъ изложенію гражданскаго права.

Переходъ Осетинъ подъ владычество Русскихъ сопровождался значительными перемѣнами въ ихъ общественномъ быту. Прежней зависимости ихъ, на югѣ—отъ Грузіи, на сѣверѣ—отъ Кабарды, положенъ былъ конецъ, и это обстоятельство сказалось прекращеніемъ тѣхъ постоянныхъ враждебныхъ столкновеній съ сосѣдними племенами, которыми

характеризовался дотолѣ ихъ общественный бытъ. И въ средѣ самихъ Осетинъ приняты были дѣйствительныя мѣры къ упроченію мира и спокойствія. Вся страна раздѣлена на приставства и включена со временемъ въ составъ Тифлисской губерніи и Терской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ замѣнѣ кровомщенія, ближайшей причины частыхъ междуусобій, выкупами, производимыми натурой и деньгами. Въ административной перепискѣ легко прослѣдить вліяніе вышеуказанныхъ фактовъ на перемѣну въ бытовыхъ условіяхъ Осетинъ. Тогда какъ въ рапортахъ генераловъ Кноринга и Лазарева отъ 1801 и 1802 г. постоянно слышатся жалобы на дѣлаемыя Осетинами „озорничества", на увозъ людей и дорожный грабежъ, широко практикуемый ими въ Дарьяльскомъ проходѣ, на пути изъ Моздока въ Грузію *), въ позднѣйшихъ по времени донесеніяхъ, 30-го и 40-го года говорится уже объ относительномъ замиреніи. Графъ Паскевичъ справедливо видитъ одну изъ причинъ послѣдняго въ той защитѣ отъ угнетенія сосѣдей, какая дана была Осетинамъ самымъ фактомъ поступленія ихъ подъ русское владычество. „Народъ этотъ,— пишетъ онъ гр. Чернышеву 26 авг. 1830 г.,—искони находился въ зависимости у другихъ, сильнѣйшихъ племенъ. Притѣсняемый съ сѣверной стороны Кабардинцами, а съ южной—грузинскими и имеретинскими князь-

*) Стр. 581, 411 перваго тома Актовъ археографической кавказской коммиссіи.

ями, оный, при первомъ появленіи въ сей странѣ россійскихъ войскъ, подъ командою гр. Тотлебена, встрѣтилъ ихъ какъ своихъ избавителей". *) Это обстоятельство не помѣшало, однако, повторенію въ Осетіи цѣлаго ряда возстаній, каждый разъ подавляемыхъ силою оружія. Возстанія эти вызваны были на южномъ склонѣ горъ притѣсненіями помѣщиковъ—Эристовыхъ и Мачабелли, обнаруживавшихъ притязаніе на принадлежность имъ Осетинъ, заселяющихъ собою горныя ущелья, а на сѣверномъ—прямымъ подстрекательствомъ дигорскихъ и тагаурскихъ старшинъ, враждебно относившихся къ упроченію политическаго вліянія чуждаго имъ по вѣрѣ христіанскаго правительства. Эти два обстоятельства были причиною того, что русская администрація довольно рано перешла къ открытой враждѣ съ привиллегированными сословіями Осетіи и всячески старалась подавить ихъ вліяніе. Средствомъ къ тому генералъ Ермоловъ, еще въ 1816 г., признаетъ установленіе между Осетинами своего рода мѣстнаго, волостнаго управленія. Годъ спустя послѣ принесенія присяги Дигорцами, онъ въ особомъ предписаніи на имя генералъ-майора Дельпоцо повелѣваетъ послѣднему „учредить между Осетинами, избравъ изъ нихъ старѣйшихъ и болѣе уважаемыхъ, родъ волостнаго правленія, въ которомъ бы разбирали они сами случающіяся между ними

*) Ibid. т. VII, стр. 359

ссоры, дѣлали раскладку повинностей и наблюдали за исполненіемъ ихъ“ *).

Съ тою-же цѣлью, не смотря на домогательства Эристовыхъ и Мачабелли—передать въ ихъ руки управленіе южными Осетинами, гр. Паскевичъ въ 1830 г. установилъ въ южной Осетіи четыре приставства и подчинилъ послѣднія: одно управляющему горскими народами по военно-грузинской дорогѣ, а три горійскому окружному начальнику. Въ интересахъ большаго объединенія дѣйствій администраціи, тотъ-же Паскевичъ ходатайствовалъ въ 1834 г. объ установленіи особой должности—главнаго осетинскаго пристава. **)Та же система приставствъ нѣсколько позднѣе была распространена и на сѣверную Осетію, введенную сперва въ составъ такъ наз. Кавказской области, позднѣе—Терской. Приставамъ выданы были журналы для записки жалобъ жителей и предоставлено право суммарнаго разбирательства по нимъ. Такимъ путемъ администрація пріобрѣла возможность не только знакомиться съ причинами мѣстныхъ усобицъ, но и принимать мѣры къ ихъ искорененію. „Изъ числа поступившихъ на разсмотрѣніе пристава дѣлъ,—пишетъ гр. Паскевичъ въ своемъ донесеніи гр. Чернышеву отъ 5-го марта 1831 г.,—54 предъявлены по кровомщенію. Извѣстно, какія погубныя слѣдствія были отъ существованія сего варварскаго обычая: цѣлыя семейства истреблялись, жены и

*) Акты Кавк. Археогр. Коммиссіи, т. VI стр. 685.
**) ibid., т. VIII, стр. 425.

малолѣтнія дѣти переходили въ руки убійцъ, которыхъ сіи послѣдніе или продавали въ дальнія края или оставляли въ рабствѣ; даже на могилахъ убитыхъ мстители убивали невинныхъ дѣтей, которыхъ выдавали иногда сами родители для исполненія безчеловѣчнаго обряда, чѣмъ дикіе сіи народы полагали успокоить прахъ убіенныхъ. Тагаурскіе и куртатинскіе народы, освобождаясь такимъ образомъ отъ тяжбъ по кровомщенію, чувствуютъ въ полной мѣрѣ благоденствіе; кровные враги, которые доселѣ убѣгали другъ отъ друга, теперь приходятъ вмѣстѣ выслушивать рѣшенія и съ радостію возвращаются въ дома свои, не страшась уже болѣе быть убитыми непріятелемъ кровнымъ; сидѣвшіе по нѣскольку лѣтъ въ башняхъ для предосторожности отъ кровныхъ враговъ своихъ, стали свободными и нынѣ въ дружескихъ сношеніяхъ; воровство и разбои прекращаются, и народъ, угнетенный доселѣ всѣми ужасами воровства, получилъ отдыхъ.“ *)

Если дѣло замиренія края не шло столь успѣшно, какъ желала этого сама администрація, то причина тому лежитъ несомнѣнно въ той слабой помощи, какую оказывали ей въ этомъ отношеніи русскіе миссіонеры. Хотя первые случаи посылки ихъ въ Осетію восходятъ еще до временъ Елизаветы Петровны, до 1745 г., но, по отзыву архіепископа Евгенія, результаты ихъ дѣятельности были весьма ничтожны. Проповѣдники православія, го-

*) Стр. 373, т. VII.

воритъ онъ, воспользовались щедротами правительства для собственныхъ выгодъ, пеклись объ умноженіи собственнаго достоянія и, страшась лишеній и опасностей, почти не оставляли Кизляра, не стараясь сблизиться съ народами, между которыми должны были проповѣдывать слово Божіе. Въ продолженіи 21 года обращено было ими поэтому всего 2142 человѣка обоего пола.

Дѣйствія Моздокской осетинской коммиссіи распространенія православія были не многимъ болѣе успѣшны. Учрежденная въ 1771 г. она въ 20 лѣтъ успѣла окрестить всего на всего 6657 душъ обоего пола. Хотя число обращенныхъ въ слѣдующій затѣмъ періодъ времени отъ 1793 по 1814 г. и было нѣсколько болѣе значительно—12500 душъ, но послѣднее объясняется тѣми непозволительными средствами, къ какимъ, по отзыву того-же архіепископа Евгенія, прибѣгала она съ цѣлью побудить Осетинъ къ крещенію, надѣляя крестившихся подарками и обѣщая имъ свободу отъ податей. Когда, по повелѣнію Государя, осетинская коммиссія распространенія православія въ 1817 г., подчинена была вѣдѣнію грузинскаго экзарха, число обращеній нѣсколько увеличилось, и въ промежутокъ отъ 1817 до 1823 г. мы насчитываемъ ихъ уже до 60 т., съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующее затѣмъ семилѣтіе снова значительно упасть. Всѣ эти обращенія не выходили за предѣлы смежныхъ съ Карталиніей долинъ южной Осетіи, въ которыхъ христіанство насаждено было, какъ мы видѣли изъ Грузіи, не позже 12-го вѣка *). Тагаурцевъ или Дигорцевъ

*) т. VIII, стр. 247, 250.

пропаганда вовсе не коснулась. А между тѣмъ ихъ въ особенности и имѣла въ виду русская администрація, видѣвшая въ магометанизмѣ враждебный ей элементъ, а въ распространеніи христіанства способъ упроченія русскаго владычества. Не удивительно поэтому, если въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, не увеличивая замѣтно числа обращеній, русская администрація, по настоянію духовенства, принимаетъ мѣры противъ дальнѣйшаго распространенія въ краѣ магометанства и обращенія въ него прежнихъ христіанъ. По порученію кн. Воронцова, штабъ ротмистръ Толстой объѣзжаетъ сѣверную Осетію и всюду объявляетъ ея жителямъ о запрещеніи выходить изъ лона православной церкви. Тотъ-же кн. Воронцовъ значительно подвигаетъ дѣло христіанской проповѣди, вводя въ 1852 г. въ Тифлисской семинаріи обученіе туземному языку подготовляемыхъ для Осетіи священниковъ *).

Въ настоящее время православіе сдѣлало замѣтные успѣхи только въ плоскостной Осетіи, да у Туальтцевъ южнаго хребта. Что-же касается до жителей горскихъ ущелій, то большинство изъ нихъ, въ частности Дигорцы и Тагаурцы, исповѣдуютъ мусульманство, а остальные приняли христіанство чисто внѣшнимъ образомъ, не отказываясь отъ повторенія время отъ времени языческихъ обрядовъ.

При всемъ томъ, вліяніе христіанской проповѣди успѣло уже сказаться въ значительной степени на измѣненіи Осетинскихъ обычаевъ. Въ 1835 г. ба-

*) Т. X, стр. 227 и 232.

ронъ Розенъ въ отношеніи своемъ къ экзарху Грузіи отъ 25-го ноября еще вправѣ былъ указать на повсемѣстное господство въ Осетіи обычая увозить невѣстъ, на снохачество и деверство и одновременное сожитіе съ нѣсколькими женами, какъ на рѣшительное доказательство тому, что христіанскіе миссіонеры не исполняютъ своего назначенія, весьма рѣдко являются между горцами и еще рѣже отправляютъ у нихъ богослуженіе, такъ что большинство не вѣдаетъ ни исповѣди, ни причастія *). Почти совершенное прекращеніе въ настоящее время у Туальтцевъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ и значительное ограниченіе снохачества, деверства и незаконнаго сожительства женатаго Осетина съ такъ наз. *номулусъ* является надежнымъ показателемъ тому, что христіанство и проводимая имъ нравственность все болѣе и болѣе прививаются къ быту нашихъ горцевъ **).

Враждебное положеніе, въ какое русскому правительству пришлось съ самаго начала стать по отношенію къ привиллегированнымъ сословіямъ, объясняетъ намъ причину многихъ изъ тѣхъ реформъ, какія внесены были имъ въ общественное устройство Осетіи. Чтобы освободить жителей Осетіи отъ постоянной опеки ихъ старѣйшинъ,—бадилятъ и алдаровъ, генералъ Ермоловъ уже призналъ полезнымъ, какъ мы видѣли, въ 1816 г. устроить въ

*) Т. VIII, стр. 427.

**) Отчетъ общества распространенія православія на Кавказѣ.

осетинскихъ аулахъ, какъ онъ выражается, родъ волостныхъ правленій, въ которыхъ разбирали бы они сами случающіяся между ними ссоры, дѣлали раскладку повинностей и наблюдали за исполненіемъ ихъ *). Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1824 г. генералъ-маіоръ Ховенъ предложилъ, какъ средство для подавленія дальнѣйшихъ возстаній въ южной Осетіи, расширить права помѣщиковъ и предоставить имъ, между прочимъ, свободно задерживать крестьянъ, не выполнившихъ къ нимъ своихъ обязательствъ, Ермоловъ поспѣшилъ отвѣтить, что такое упроченіе помѣщичьей власти совершенно не входитъ въ виды правительства. Неоднократно повторявшіяся возстанія въ Тагауріи, въ которыхъ подстрекателями каждый разъ являлись сами старшины, возстановили совершенно русское начальство противъ алдаровъ и заставили его всячески содѣйствовать умалѣнію того вліянія, какимъ они пользовались въ простонародіи Въ 1830 г. генералъ-маіоръ князь Абхазовъ пишетъ гр. Паскевичу: „Во все продолженіе экспедиціи противъ Тагаурцевъ я замѣтилъ, что находящіяся между ними десять старшихъ фамилій рѣшительно препятствуютъ соединенію съ правительствомъ простаго народа; при первомъ удобномъ случаѣ сихъ непремѣнно должно искоренить, и за возмущеніе простаго народа противъ правительства необходимо лишить ихъ выгодъ, предоставленныхъ имъ прежъ-

*) Предписаніе генер. Ермолова ч. м. Дельпоцо, 4 ноября 1816 г.

нимъ начальствомъ". Преслѣдуя эту цѣль, правительство сочло нужнымъ назначить независимыхъ отъ алдаръ аульныхъ старшинъ сперва непосредственно выбираемыхъ общинами, а потомъ назначаемыхъ начальствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательнымъ путемъ регулировать права сельскихъ сходовъ или нихасовъ, Соединяя небольшіе поселки изъ 5, 10, 20 и 25 дворовъ въ сельскія общины въ 50 дворовъ, русское правительство во главѣ каждой поставило старшину съ помощникомъ. Старшины эти подчиняются начальнику округа, отъ котораго зависитъ увеличеніе самаго числа помощниковъ, смотря по необходимости, и, въ частности, по числу входящихъ въ составъ общины поселковъ и хуторовъ. Обязанности старшинъ состоятъ въ наблюденіи за мѣстнымъ полицейскимъ порядкомъ, въ исполненіи приговоровъ народныхъ судовъ, взысканіи штрафныхъ денегъ за полицейскіе проступки, въ исполненіи приказаній приставовъ и т. п. Сельскіе старшины въ большинствѣ случаевъ являются только исполнителями рѣшеній, принятыхъ сходомъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ одного и того же селенія или такъ называемымъ нихасомъ. Въ этомъ сходѣ старшины отдаютъ обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и совѣщаются съ нимъ о дальнѣйшемъ направленіи общественныхъ дѣлъ. На нихасѣ разбираются и рѣшаются, по предложенію старшинъ, всякаго рода административныя дѣла и составляются приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ. Здѣсь же происходитъ распредѣленіе земельныхъ угодій и раскладка казенныхъ и земскихъ податей и повинностей между

отдѣльными поселками входящими въ составъ общины, а также распредѣленіе между жителями всей общины падающихъ на нихъ общественныхъ повинностей, выборъ сборщика податей и другихъ должностныхъ лицъ, назначеніе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ, принятіе мѣръ къ взысканію недоимокъ и проч. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ достаточно простаго большинства; въ дѣлахъ важнѣйшихъ требуется согласіе $^2/_3$ наличныхъ членовъ; послѣдними считаются только совершеннолѣтніе мужчины. *) Въ селеніяхъ, занятыхъ исключительно родственными дворами, установленіе правительствомъ аульныхъ старшинъ не произвело значительной перемѣны въ существовавшемъ дотолѣ порядкѣ. Въ старшины, по прежнему, продолжали попадать только тѣ лица, которыя раньше пользовались положеніемъ родовыхъ старѣйшинъ. Но въ смѣшанныхъ аулахъ новое устройство вполнѣ привилось и значительно содѣйствовало, съ одной стороны, ослабленію вліянія привиллегированныхъ сословій, а съ другой—упроченію русскаго **). Такими смѣшанными аулами, въ частности, являются всѣ тѣ, которые образованы на сѣверной плоскости выселившимися изъ горъ Дигорцами, въ томъ числѣ Ново-христіанскій аулъ, Ново-магометанскій и Ардонскій. Введеніе въ сельскихъ обществахъ круговой отвѣтственности въ платежѣ падающихъ на каждый

---

*) Положеніе о сельскихъ обществахъ Терской области, 1871 г.

**) Пфафъ, т. I Сб. св. о Кавказѣ, стр. 195 и 203.

дворъ налоговъ въ размѣрѣ отъ 75 коп. до 3-хъ р., смотря по мѣстности, а также нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей по поддержанію и поправкѣ дорогъ и пр., при полной свободѣ до послѣдняго времени отъ рекрутчины, повліяло на введеніе между тѣми изъ нихъ, которые поселены были на плоскости, системы періодическаго передѣла полей между дворами, довольно близкаго по характеру къ тому, который практикуется между сосѣдними съ ними казаками. Мы отмѣчаемъ эти порядки исключительно съ тою цѣлью, чтобы показать ихъ сравнительно недавнее происхожденіе и невозможность видѣть въ нихъ выраженіе народныхъ, юридическихъ обычаевъ. Первое распредѣленіе вновь отведенной Осетинамъ земли на плоскости было сдѣлано въ началѣ 50-хъ годовъ, причемъ алдарамъ тагаурскаго общества представлено было по 225 десятинъ на каждый дворъ; остальнымъ Тагаурцамъ по 36. Но это распредѣленіе современемъ было признано неправильнымъ, какъ слишкомъ благопріятное привиллегированнымъ сословіямъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ было начато новое распредѣленіе въ сѣверной Осетіи земельныхъ участковъ; земля была раздѣлена по возможности равномѣрно между всѣми аулами, при чемъ въ основаніе принята была исключительно численность дворовъ въ каждомъ. Двумъ только фамиліямъ—Дударовымъ близь Владикавказа и Тугановымъ въ плоскостной Дигоріи были предоставлены въ награду за службу, цѣлыя помѣстья, на правахъ частной собственности. Первымъ участокъ земли въ 2500 дес., вторымъ—въ 13.000 десят. Что же касается

до алдаръ, то имъ предоставлены были равные надѣлы съ другими; на случай же нежеланія воспользоваться ими, дано право получить участокъ земли въ 300 дес. на семью въ сосѣдней Кубанской области *).

Въ судебномъ отношеніи Осетины, на ряду съ прочими горцами, подчинены были сперва вѣдомству сельскихъ и горскихъ судовъ; со времени-же введенія новыхъ судебныхъ установленій, при Лорисъ-Меликовѣ, судьямъ мировымъ и окружнымъ. Какъ неудовлетворительно ни было отправленіе правосудія въ горскихъ судахъ, избирательные члены которыхъ всецѣло были поставлены во власть назначаемаго отъ правительства предсѣдателя, но положенное въ основу ихъ начало неограниченнаго господства обычая и обращеніе къ русскому законодательству лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай не успѣлъ сложиться, являлось болѣе или менѣе дѣйствительной гарантіей неприкосновенности обычнаго права. Съ тѣхъ поръ, какъ Осетины подчинены вѣдомству общихъ судебныхъ установленій, и за сельскими судами, помимо тѣхъ случаевъ, въ которыхъ тяжущіеся дадутъ подписку, что отказываются отъ дальнѣйшаго переноса дѣла въ высшія инстанціи, признана одна гражданская юрисдикція по искамъ не свыше 30 р., созданы, правда, большія

*) Сб. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ, Лавровъ, в. III стр. 300—301.

гарантіи правосудію, но въ то же время существенно поколеблено неограниченное господство обычая—всецѣло въ сферѣ уголовныхъ, но отчасти и въ сферѣ гражданскихъ дѣлъ. Не удивительно поэтому, если изслѣдователю обычнаго права представляется гораздо-большая трудность удостовѣриться въ дѣйствительномъ характерѣ тѣхъ нормъ, какихъ Осетины придерживались въ своихъ уголовныхъ тяжбахъ, нежели тѣхъ, которыми руководствуются выбираемые ими сельскіе судьи (въ числѣ не менѣе трехъ) въ спорахъ гражданскихъ. Память о первыхъ все болѣе и болѣе исчезаетъ, и русское начало уголовнаго правосудія проникаетъ въ юридическое сознаніе народа, что, разумѣется, не мало затруднятъ задачу изслѣдователя и подчасъ вызываетъ съ его стороны невольныя ошибки.

Тою-же враждебностью русскаго правительства къ привиллегированнымъ сословіямъ Осетіи объясняется причина тому, что здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Кавказа, приступлено было сперва къ законодательному ограниченію, а затѣмъ и къ совершенной отмѣнѣ крѣпостнаго права. Начало тому и другому прежде всего положено было въ южной Осетіи, благодаря, съ одной стороны, преувеличеннымъ притязаніямъ мѣстныхъ князей на рабскую зависимость отъ нихъ чуть не всего населенія, а съ другой—тѣмъ возстаніямъ, которыя эти притязанія вызвали въ средѣ послѣдняго. Справедливо признавая крѣпостное право постоянной угрозой для собственнаго владычества, русское правительство со временъ Николая Павловича приступило къ опредѣленію законодательнымъ путемъ

отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и къ установленію, вмѣсто крѣпостной,—оброчной зависимости. Такъ какъ, на ряду съ крѣпостными, въ южной Осетіи можно было встрѣтить и рабовъ, или такъ называемыхъ ясырей, то пришлось принять также мѣры къ постепенному переходу послѣднихъ въ свободное состояніе.

Графу Паскевичу и князю Воронцову южные Осетины обязаны частью сохраненіемъ переданной имъ предками свободы, частью освобожденіемъ отъ барщины и натуральныхъ платежей, какими нѣкоторые изъ нихъ были обложены въ пользу князей Эристовыхъ и Мачабелли, владѣнія которыхъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, никогда не простирались далѣе входа въ горныя ущелья. Тотъ же графъ Паскевичъ является ближайшимъ виновникомъ того, что, начиная уже съ 1827 г., приступлено было къ постепенному освобожденію рабовъ или ясырей, такъ какъ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ состоялся общественный приговоръ 19-го декабря 1827 г., которымъ впервые было установлено, что ясыри или невольники должны быть отпущены на свободу по достиженіи ими извѣстнаго возраста, при чемъ, чѣмъ дольше былъ срокъ ихъ прежняго служенія, тѣмъ короче являлся тотъ, который имъ предстояло дослужить: ясыри 5-ти лѣтняго возраста должны были сохранить свою зависимость отъ собственниковъ въ теченіи 25 л.; тѣ-же, которые успѣли уже прослужить,—кто 10, кто 20 лѣтъ, получили право выхода изъ рабскаго состоянія: первые черезъ 20, вторые черезъ 15 л. При болѣе значительномъ срокѣ службы, уменьшался срокъ

оставленія въ рабствѣ: при службѣ болѣе 20 лѣтъ, срокъ этотъ былъ 10 лѣтъ; при 30—40 лѣтней службѣ—8; для лицъ же, пробывшихъ въ рабствѣ отъ 40 до 50 л., свобода должна была начаться, по истеченіи пяти лѣтъ.

Чтобы положить предѣлъ притязаніямъ Эристовыхъ и Мачабелли на крѣпостную зависимость присоединенныхъ Россіею Осетинъ горскихъ ущелій. гр. Паскевичъ принялъ за правило признавать ихъ права на тѣхъ только сельскихъ обывателей, которые были въ ихъ фактическомъ обладаніи въ 1806 г., въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи. Этимъ съ самаго начала положенъ былъ конецъ всѣмъ искамъ о розысканіи помѣщичьихъ правъ и дана возможность территоріальнаго ограниченія крѣпостной зависимости. Такъ какъ большинство грузинскихъ дворянъ не въ состояніи были фактически поддержать своихъ правъ на жителей горныхъ ущелій,то послѣдніе,какъ общее правило, признаны были вполнѣ свободными. Начавшіяся затѣмъ возстанія въ средѣ плоскостныхъ Туальтцевъ убѣдили гр. Паскевича въ томъ, что, какъ онъ самъ выражается, всѣ начатки гражданственности въ средѣ Осетинъ совершенно истребятся, если предоставить ихъ помѣщичьему велѣнію *). Совершенно основательно замѣчая, что „отдача крестьянъ въ руки князьямъ Эристовымъ, при безпорядочномъ помѣщичьемъ управленіи въ Грузіи, повлечетъ за собою снова всѣ едва утишенныя безпокойства“, Паске-

*). Акты, т. VII, стр. 384.

вичъ испросилъ у правительства, чтобы оно совершенно отказало Эристовымъ въ ихъ притязаніяхъ въ виду того, что права ихъ не имѣли другаго основанія, кромѣ осуществленія ими нѣкогда обязанностей мѣстныхъ управителей края, и настолько были незначительны сами по себѣ, что безъ разрѣшенія грузинскаго царя они не могли даже опредѣлять старшинъ въ отдѣльныя селенія *).

Продолжая дѣло, начатое его предшественниками, кн. Воронцовъ въ 1851 г. добился совершенной замѣны крѣпостной зависимости оброчной на протяженіи всѣхъ владѣній князей Мачабелли, которымъ, согласно его представленію, опредѣленъ былъ, взамѣнъ отпущенныхъ ими на волю крестьянъ, ежегодный пансіонъ въ 6 т. рубл. Изъ владѣльческихъ крестьяне южной Осетіи сдѣлались казенными. Князья Мачабелли должны были съ этого времени удовольствоваться полученіемъ съ нихъ $^1/_{11}$ части урожая и лишены были права сгонять крестьянъ съ той части своихъ помѣстій, которая издавна была занята предками теперешнихъ владѣльцевъ **).

Несравненно позже достигнуто было рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ сѣверной Осетіи. Не ранѣе, какъ въ 1867 г. приступлено было къ выкупу личной свободы крестьянъ на слѣд. условіяхъ: за каждаго отпущеннаго на волю *коссака* помѣщи-

---

*) Акты, т. VIII, стр. 306 и 308.

**) Отчетъ кн. Воронцова за 1849 и 1851 г., т. X Актовъ, стр. 879.

ки получили выкупъ въ размѣрѣ отъ 180 до 200 рублей. Мѣсто выкупа могло занять установленіе оброчной повинности срокомъ на 6 лѣтъ. О надѣленіи крестьянъ землею не было поставлено и вопроса, почему большинство прежнихъ холопьевъ образовало классъ безземельныхъ и поэтому матерьяльно продолжаетъ оставаться въ личной зависимости отъ прежнихъ своихъ господъ и состоять въ ихъ свитѣ или въ рядахъ домашней прислуги.

Тѣ самыя причины, которыя вызывали демократическую политику русскаго правительства въ Осетіи, объясняютъ намъ, почему притязанія тагаурскихъ и дигорскихъ старшинъ на причисленіе ихъ къ дворянскому званію до сихъ поръ не получили полнаго удовлетворенія. Коммиссія, назначенная еще въ 1858 г., для опредѣленія личныхъ правъ туземцевъ лѣваго крыла кавказской линіи, уже высказалась въ пользу признанія за ними такихъ правъ на томъ основаніи, что выслушанные ею депутаты отъ Кабарды, Балкаріи и Ингушевскаго округа въ одно слово указали на принадлежность бадилятъ и алдаровъ къ одному сословію съ высшими узденями въ Кабардѣ, такъ наз. тлаколтлешъ и дежнуго, и привели данныя частаго заключенія между ними браковъ, возможныхъ, какъ извѣстно, на сѣверномъ Кавказѣ только между семьями равнаго достоинства. Но, не признавъ доселѣ дворянскихъ правъ осетинскихъ старшинъ, русская администрація въ то же время постоянно отличала ихъ отъ остальнаго населенія помѣщеніемъ ихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса, воспитаніе въ которыхъ открыто, какъ извѣстно, од-

нимъ только дворянскимъ дѣтямъ, отдачей ихъ на казенный счетъ въ Нальчикское горское училище, учрежденное кн. Воронцовымъ для знатныхъ фамилій, наконецъ, принятіемъ ихъ на службу, частью въ Лейбъ-гвардію, частью въ собственный конвой Его Величества, частью въ регулярныя войска на льготныхъ условіяхъ. Надѣленіе алдаръ въ частности сперва 300 дес. каждого въ Кубанской области, а затѣмъ всѣхъ въ совокупности поземельнымъ округомъ въ 9 т. десятинъ земли въ той-же Кубанской области также вызваны воззрѣніемъ на нихъ, какъ на лицъ, имѣющихъ привиллегированное положеніе въ ряду своихъ согражданъ. Вообще вопросъ о зачисленіи въ ряды дворянъ осетинскихъ старѣйшинъ стоитъ на очереди и, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ *).

Оканчивая этимъ нашъ очеркъ историческихъ судебъ Осетинъ, мы въ ближайшей главѣ перейдемъ къ изученію тѣхъ сторонъ ихъ общественнаго быта, которыя успѣли возникнуть и развиться независимо и ранѣе всякаго иностраннаго воздѣйствія на ихъ внутреннюю жизнь. Я разумѣю родовыя основы ихъ быта, отлившіяся въ форму существованія въ Осетіи такъ наз. дворовыхъ общинъ или нераздѣльныхъ семей, во всемъ однохарактерныхъ съ тѣми, какія доселѣ удержались въ средѣ

---

*) См. Дѣла канцеляріи главноначальствующаго на Кавказѣ, о правахъ высшихъ горскихъ сословій въ Кубанской и Терской областяхъ.

южныхъ Славянъ и между крестьянами нашихъ великорусскихъ губерній, и которыя нѣкогда составляли достояніе всѣхъ арійскихъ народностей, начиная отъ Индіи и оканчивая Ирландіей.

Религіозныя вѣрованія и Общественное устройство Осетинъ.

Русское владычество застало Осетинъ въ эпоху полнаго развитія въ ихъ средѣ агнатическаго рода. Подобно другимъ народностямъ одинаковой съ ними крови, Осетины селились не сплошными массами, а дворами. Населеніе каждаго двора составляли родственныя другъ другу лица, въ числѣ нерѣдко 40 и болѣе человѣкъ *). Позднѣйшіе по времени семейные раздѣлы повели къ выдѣленію со временемъ новыхъ хозяйствъ изъ единаго на первыхъ порахъ двора. Возроставшіе этимъ путемъ поселки получили наименованіе или отъ той мѣстности, въ которой они были расположены, или отъ того рода, который положилъ имъ основаніе; такъ возникли патронимическія названія нѣкоторыхъ селеній,—этотъ характерный признакъ ихъ родоваго происхожденія.

*) См. Кокіева. Записка о бытѣ Осетинъ, въ сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, изданномъ Московскимъ этнографическимъ музеемъ 1885 г.

Объ такихъ селеніяхъ упоминаетъ уже Клапротъ въ своемъ путешествіи по Кавказу и Грузіи. „Осетинскіе поселки, говоритъ онъ, обыкновенно весьма невелики и стоятъ нерѣдко такъ близко одно къ другому, что ихъ легко принять за единое цѣлое. Деревня, называемая Осетинами *Кау*, обыкновенно носитъ имя населяющей ее семьи *). Съ этимъ свидѣтельствомъ Клапрота совершенно сходны показанія болѣе раннихъ путешественниковъ,—Штедера и Рейнексъ. Послѣдній, говоря о поселеніяхъ Осетинъ, считаетъ возможнымъ отнести ихъ жителей къ одному изъ семи перечисляемыхъ имъ родовъ. Роды эти, говоритъ онъ, подраздѣляются на нѣсколько второстепенныхъ вѣтвей, а эти послѣднія въ свою очередь даютъ отъ себя отпрыски въ разныя стороны. Каждая семья селится въ отдѣльности, занимая одинъ или нѣсколько дворовъ, изъ которыхъ время отъ времени, благодаря недостатку средствъ къ пропитанію размножившагося населенія, выдѣляются группы эмигрантовъ, ищущихъ новыхъ мѣстъ для жительства и переносящихъ на нихъ свои фамильныя названія **).

Я потому считаю нужнымъ остановиться на показаніяхъ упомянутыхъ путешественниковъ, что

*) Reise in den Kaukasus und nach Georgien, 1814 г., т. II, стр. 608.

**) Reinegg's, Beschresbung des Kaukasus, стр. 223. Срав. также „Природа и люди за Кавказомъ“ Надеждина, который въ этомъ вопросѣ говоритъ то же, что и Клапротъ: см. стр. 103. См. также Dubois-de Monpereé, гл. 34, который также повторяетъ на этотъ счетъ показанія Клапрота.

факты, приводимые ими, отошли въ настоящее время уже въ область прошедшаго. Современный путешественникъ не только въ плоскостной, но и въ горной Осетіи встрѣчаетъ сплошныя селенія, составленныя изъ десятковъ неродственныхъ другъ другу дворовъ, что не мѣшаетъ, однако, этимъ селеніямъ носить подчасъ фамильное названіе одного изъ поселенныхъ въ нихъ родовъ. Если не говорить о тѣхъ обществахъ, которыя возникли въ недавнее время, при ближайшемъ участіи русскаго правительства, путемъ переселенія жителей изъ горныхъ ауловъ, большинство осетинскихъ селъ по составу своего населенія можетъ быть включено въ одну изъ слѣдующихъ группъ: во первыхъ, аулы, занятые семьями, родственными другъ другу, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею на общинномъ началѣ и ведущими нерѣдко совмѣстное хозяйство; аулы эти представляютъ собою не болѣе какъ исключеніе, во вторыхъ—аулы, въ которыхъ земля раздѣлена подворно между родственными семьями; и въ третьихъ, аулы, населеніе которыхъ составилось изъ нѣсколькихъ фамилій, живущихъ большими или малыми семьями и, сообразно этому, сохранившихъ или утратившихъ имущественную нераздѣльность *). Большинство современныхъ ауловъ въ Осетіи принадлежитъ къ этому послѣднему типу. Что же касается до тѣхъ обществъ, которыя основаны были на плоскости, по почину русскаго

*) Срав. Пфафъ, „Народное право Осетинъ“, въ сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 202.

правительства, какъ напр. Ново-христіанское селеніе, Ново-магометанское или Ардонское, то они устроены по типу кавказскихъ станицъ, и потому не представляютъ никакихъ особенно рѣзко выдающихся національныхъ особенностей.

Съ характеромъ осетинскаго двора, этой составной части каждаго аула — знакомитъ насъ обстоятельная записка о бытѣ Осетинъ, помѣщенная въ I-омъ выпускѣ Сборника матерьяловъ по этнографіи, издаваемомъ этнографическимъ музеемъ. Авторомъ ея является г. Кокіевъ, самъ Осетинъ по происхожденію. „По типу, способу постройки и древности, говоритъ онъ, осетинскіе дворы можно подраздѣлить на два вида. Первый составляютъ такъ называемые галуаны. Время построенія ихъ опредѣлить съ точностью чрезвычайно трудно; можно сказать съ увѣренностью только то, что они воспитали и похоронили не мало поколѣній. Не одно столѣтіе ихъ мочило дождемъ, шатало бурею и грозою; въ народѣ не сохранилось даже преданій о времени ихъ постройки". Только въ Нартскихъ сказаніяхъ, другими словами, въ богатырскихъ былинахъ—постоянно идетъ упоминаніе о нихъ, и это надежный признакъ ихъ древности *). Самымъ видомъ своимъ, напоминающимъ средне-вѣковый замокъ, галуаны свидѣтельствуютъ о принадлежности своей

*) Такъ напр., въ сказаніяхъ объ Урызмагѣ и Са́танѣ, въ сборн. свѣд. о кавк. горцахъ т. 5, въ сказаніи о томъ, какъ Са́тана поддалась обману, также въ сказаніяхъ о Сосрыко. т. VII, въ сбор. свѣд. о кавк. горцахъ.

къ героическому періоду народной жизни, другими словами къ отдаленному прошлому. Все въ нихъ приспособлено къ цѣлямъ обороны: довольно широкій дворъ обнесенъ высокой каменною стѣной: необходимая принадлежность галуановъ — башня, стоящая или въ серединѣ двора, или въ какомъ-нибудь углу; своею формой она напоминаетъ четырехъ-угольную усѣченную пирамиду, въ нѣсколько этажей въ вышину—отъ 3 до 8; она сложена изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ цементомъ, способъ приготовленія котораго забытъ современными Осетинами. Къ башнѣ примыкаютъ прочія постройки: *хадзаръ*, иначе,—общая столовая и кухня, а также жилыя помѣщенія, устроенныя для отдѣльныхъ семей, входящихъ въ составъ двора; внутри двора, поодоль отъ другихъ, стоитъ всегда открытая для пріѣзжаго *кунацкая*. Такіе галуаны Рейнексъ и Клапротъ встрѣчали еще на каждомъ шагу во время своего путешествія по Осетіи. Вотъ, между прочимъ, то описаніе, какое даетъ имъ первый: Старѣйшины и наиболѣе выдающіеся представители народа окружаютъ свои жилища высокой каменной стѣной съ башнями на углахъ. Въ верхнемъ ярусѣ стѣны встрѣчаются каменные выступы, на которыхъ висятъ лошадиныя головы и другія части скелетовъ; за этими выступами лежатъ груды камней, способныя служить къ защитѣ на случай нападенія. За стѣною встрѣчаются новыя груды камней, щебню, и лошадиныхъ костей, нерѣдко вышиною въ 12 и болѣе локтей. Онѣ навалены здѣсь съ цѣлью затруднить доступъ и прохожимъ и проѣзжимъ; свободной ос-

тается только небольшая тропинка, прямо ведущая къ главнымъ воротамъ двора *). Новѣйшіе путешественники, хотя и встрѣчаютъ еще такіе галуаны, но уже на правахъ исключенія, одинаково на сѣверномъ и южномъ склонѣ кавказскаго хребта. Описывая свое путешествіе въ Кударское ущелье, расположенное въ 25 верстахъ отъ города Они, г-нъ Переваленко между прочимъ сообщаетъ: „каждые 3 или 4 дома защищены сверху башней. Эти башни теперь всѣ почти разрушены, уцѣлѣли только двѣ. Я замѣтилъ ихъ въ Часовари на двухъ смежныхъ домахъ, стоящихъ подъ одною крышею. Это показалось мнѣ страннымъ и я обратился съ вопросомъ о причинѣ, побудившей выстроить двѣ башни, тогда какъ самые дома могутъ считаться однимъ строеніемъ. Мнѣ отвѣчали, что въ этихъ домахъ жили два сосѣда, безпрерывно ссорившихся между собою. Каждый выстроилъ свою башню и отстрѣливался въ ней отъ противника“ **).

Второй типъ осетинскихъ построекъ составляютъ тѣ, которыя сложены изъ мелкихъ неотесанныхъ камней, безъ всякаго цемента, мѣсто котораго замѣняетъ сухая земля, насыпаемая въ промежутки между камнями для защиты отъ внѣшняго воздуха. Этому типу построекъ неизвѣстны тѣ башни, которыми украшены галуаны. Въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ удержался лѣсъ, мѣсто

*) Reinegg's, т. I. стр. 217.
**) Кавказъ, 1879 г. № 39 и 40.

каменныхъ стѣнъ занимаютъ деревянныя; но и въ этомъ случаѣ мы не видимъ сооруженія какихъ либо башенъ, очевидно по недостатку потребности въ нихъ *).

Первый типъ построекъ обыкновенно встрѣчается на горныхъ возвышенностяхъ. Осетинскій галуанъ, подобно феодальному замку, гнѣздится въ недоступныхъ мѣстахъ, самой природою созданныхъ для обороны. Иное дѣло постройки втораго вида; онѣ лежатъ обыкновенно скученно, не защищенныя одна отъ другой, и при томъ, какъ общее правило,— у подошвы горъ, въ долинахъ, по берегамъ протекающихъ черезъ нихъ рѣкъ. Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ раннихъ путешественниковъ. Штедера въ томъ числѣ, и Рейнекса высказать предположеніе, что Осетины жили первоначально на горныхъ покатостяхъ, и только современемъ переселились внизъ, въ долины и ущелья.

Познакомимся теперь съ внутреннимъ расположеніемъ отдѣльныхъ частей осетинскаго *кау*, или двороваго поселенія. Главную часть послѣдняго составляетъ такъ наз. *хадзаръ*, о которомъ такъ часто упоминается въ Нартскихъ сказаніяхъ **). Этотъ *хадзаръ* отличается отъ прочихъ построекъ значительностью своихъ размѣровъ; такъ какъ живущія во дворѣ семьи проводятъ въ немъ большую часть дня, то величина его обыкновенно отвѣчаетъ чи-

*) Стр. 69 и слѣд.

**) См. напр., сказаніе о Нартѣ-Хамыцѣ; Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ 1876 г., выпускъ 9-ый.

слу живущихъ во дворѣ лицъ: чѣмъ семья больше, тѣмъ онъ просторнѣе, и наоборотъ. *Хадзаръ* одновременно—и кухня и столовая. Почти цѣлый день происходитъ въ немъ стряпня, за исключеніемъ часовъ, отведенныхъ для завтрака, обѣда или ужина. Въ эти часы чередуются въ *хадзарѣ* старшіе изъ мужчинъ, затѣмъ холостая молодежь, старшія женщины и напослѣдокъ младшія. Семья никогда не обѣдаетъ вся вмѣстѣ и не ужинаетъ и старикамъ всегда принадлежатъ лучшіе куски, а потому и первая очередь въ принятіи пищи. Внутреннее устройство *хадзара* представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Посреди комнаты расположенъ очагъ. т. е. имѣется четырехъ-угольное отверстіе въ крышѣ для выхода дыма; подъ нимъ съ деревянной перекладины спускается желѣзная цѣпь, такъ наз. *рахисъ*, къ которой привѣшивается мѣдный котелъ для варки пищи. По правую сторону отъ очага стоитъ длинная деревянная скамья, вышиною до колѣнъ, которую занимаютъ всегда одни только мужчины, отнюдь не женщины—свои или чужія. Такая же скамья по лѣвую сторону предоставляется въ исключительное пользованіе женщинъ. Пища подается на невысокомъ трехножномъ столикѣ, обыкновенно круглой формы, извѣстномъ Осетинамъ подъ наименованіемъ *финъ*. Знакомство съ этими частностями необходимо, какъ мы скоро увидимъ, для пониманія той роли, какую *хадзаръ* играетъ въ семейномъ культѣ Осетинъ. Къ *хадзару* или главной саклѣ пристраивается рядъ помѣщеній для отдѣльныхъ семей, входящихъ въ составъ двора, или такъ называемыхъ *цатъ* (спальни). Задумавъ же-

ниться, молодой человѣкъ, говоритъ г. Кокіевъ. долженъ предварительно обезпечить себѣ помѣщеніе, иначе не найти ему невѣсты. Въ нѣсколько дней, благодаря дружной помощи со стороны не только членовъ двора, но и постороннихъ, помѣщеніе это бываетъ готово. Ставится оно обыкновенно въ отдаленномъ углу двора, такъ какъ обычай заставляетъ мужа входить къ женѣ не иначе. какъ тайно, избѣгая наблюденія со стороны прочихъ членовъ двора. Въ каждомъ дворѣ столько отдѣльныхъ помѣщеній, расположенныхъ по возможности вдали одно отъ другаго, сколько имѣется въ немъ женатыхъ, считая въ томъ числѣ и родителей, впрочемъ лишь въ томъ случаѣ, если послѣдніе продолжаютъ еще брачное сожительство. Холостая молодежь не имѣетъ отдѣльныхъ спалень; она почуетъ обыкновенно на работѣ или въ дорогѣ, на дворѣ или въ кунацкой. Послѣдняя, т. е. помѣщеніе для гостей—расположена обыкновенно около воротъ двора, поодаль отъ прочихъ построекъ. Если гость не кровный родственникъ, ему нѣтъ мѣста ни въ *хадзарѣ*, ни въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ *), отводимыхъ каждой парѣ въ отдѣльности; его принимаютъ только въ кунацкую, двери въ которую никогда не запираются, и куда поэтому могутъ заходить и заѣзжать во всякое время дня и ночи всѣ странники, каковъ бы ни былъ характеръ отно-

*) Вотъ почему въ нартскихъ сказаніяхъ, какъ напр. въ сказаніи о Нартѣ-Урызмагѣ, приглашеніе женою гостя въ хадзаръ считается равнозначительнымъ готовности ея вступить съ нимъ въ связь. См. сбор. свѣд. о Кавк. горцахъ, вып. 9-ый.

шеній ихъ къ тому двору, у котораго они ищутъ гостепріимства *).

Познакомившись съ устройствомъ Осетинскаго двора, мы остановимся въ настоящее время на характеристикѣ того значенія, какое онъ имѣетъ, во первыхъ, какъ религіозный, во вторыхъ, какъ имущественный союзъ. Извѣстно, какую роль игралъ очагъ въ домашнемъ культѣ — одинаково Индусовъ, Грековъ и Римлянъ. Извѣстно, какое мѣсто принадлежитъ ему въ свадебномъ ритуалѣ, въ жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ главою семьи въ честь умершихъ предковъ, и вообще во всѣхъ торжественныхъ дѣйствіяхъ, отправляемыхъ семьею или отъ ея имени, такъ напр., при усыновленіяхъ, присягахъ или при укрывательствѣ избѣгающихъ правосудія преступниковъ. Съ тѣмъ же культомъ домашняго очага встрѣчаемся мы и въ Осетіи. Очагъ, читаемъ мы 11-мъ номерѣ „Терскихъ Вѣдомостей“ за 1868 г., доселѣ считается у Осетинъ священнымъ мѣстомъ. На немъ постоянно поддерживается огонь, при чемъ забота о послѣднемъ въ особенности падаетъ на женщинъ. До сихъ поръ между Осетинками считается дурнымъ пожеланіемъ. своего рода бранью, слѣдующая фраза: „чтобъ у тебя огонь потухъ“. Въ глазахъ Осетина такое выраженіе равнозначительно слѣдующему: „чтобъ у тебя семья перевелась“. Не только очагъ считается предметомъ семейнаго культа, но имъ же слѣдуетъ признать и висящую надъ нимъ цѣпь, къ которой

*) Ibid, стр. 78 и 79.

привѣшенъ чугунный котелъ для варки пищи. Важнѣйшіе акты домашней жизни происходятъ въ Осетіи у очага и связаны съ прикосновеніемъ къ цѣпи. Священный характеръ послѣдней выступаетъ изъ строго поддерживаемаго обычаемъ запрещенія дотрогиваться до нея безъ необходимости, а также изъ того, что прикосновеніе къ цѣпи ставится въ обязанность, какъ при произнесеніи присяги, такъ и въ брачномъ ритуалѣ. Желаетъ ли Осетинъ сдѣлать безспорнымъ данное имъ на судѣ показаніе, онъ хватается за цѣпь, произнося при этомъ: клянусь этимъ пречистымъ золотомъ „Саффы“; Саффа въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Осетинъ играетъ, повидимому, роль Вулкана; это небесный кузнецъ, кующій домашнія цѣпи. *) Точно также, при вступленіи въ замужество, разрывъ съ домашнимъ культомъ собственной семьи и пріобщеніе къ тому, котораго придерживается семья мужа, выражается невѣстою и ея шаферомъ въ дѣйствіяхъ, въ которыхъ цѣпь опять таки играетъ главную роль. Кинжаломъ своимъ шаферъ ударяетъ о цѣпь въ домѣ невѣсты, предварительно обведши ее три раза вокругъ послѣдней. То-же троекратное обхожденіе и прикосновеніе невѣсты рукою къ цѣпи повторяется въ домѣ мужа, при первомъ посѣщеніи ею послѣдняго, въ такъ наз. невѣсткину ночь, обыкновенно слѣдующую на третій или четвертый день

*) Указанія на этотъ счетъ даютъ намъ народныя сказанія Осетинъ.

послѣ свадьбы *). Въ свою очередь, и убѣгающій отъ преслѣдованія преступникъ считаетъ себя безопаснымъ только тогда, когда ему удалось обвить вокругъ шеи домашнюю цѣпь того двора, въ которомъ онъ ищетъ убѣжища; этимъ дѣйствіемъ онъ какъ-бы пріобщаетъ себя къ домашнему культу, какъ-бы становится подъ защиту тѣхъ предковъ, поклоненіе которымъ связано, какъ мы увидимъ ниже, съ культомъ надъ-очажной цѣпи **).

Неудивительно послѣ этого, если похищеніе домашней цѣпи или простое выбрасываніе ея изъ дому чужеродцемъ считается Осетинами дѣйствіемъ, необходимо требующимъ кровнаго возмездія. Принять выкупъ въ этомъ случаѣ признается позоромъ. Почитаніе цѣпи не устраняетъ вполнѣ культа замѣненнаго ею домашняго очага. Доселѣ Осетинъ, совершая жертвенныя приношенія, бросаетъ въ огонь первый кусокъ или первыя капли крови. Всякое жертвенное животное, по его убѣжденію, должно коснуться огня, чтобы быть пріятнымъ Богу ***).

---

*) „Кавказъ," № 39: шаферъ (кухилкатели) подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и вмѣстѣ съ нею обходитъ три раза вокругъ огня и при каждомъ обходѣ бьетъ шапкою по цѣпи, на которой виситъ надъ огнемъ котелокъ гоміи".

**) „Кавказъ" 1850 г., № 94-ый: Если кто войдетъ въ жилище значительнаго лица и обовьетъ кругомъ шеи цѣпь, которая обыкновенно виситъ для котла надъ очагомъ . . . . . , онъ находитъ покровительство и заступничество.

***) Кокіевъ, стр. 85.

Извѣстно, что культъ домашняго очага всюду, гдѣ онъ встрѣчается, стоитъ въ тѣсной связи съ культомъ предковъ. Причина тому лежитъ несомнѣнно въ тѣхъ воззрѣніяхъ, какихъ на загробную жизнь придерживается древній человѣкъ. Признавая за мертвецами тѣ же потребности, что и за живыми, допуская необходимость для нихъ пищи и питья, древній человѣкъ, и въ частности древній Арій, видитъ въ поднесеніи имъ этой пищи способъ постояннаго общенія живущихъ поколѣній съ тѣми, которыя отошли уже въ вѣчность; но наглядным доказательствомъ принятія мертвецами предлагаемыхъ имъ яствъ является поглощеніе послѣднихъ ихъ огнемъ *). Вотъ почему сожженіе жертвеннаго животнаго или части его и возліяніе на пылающій огонь опьяняющихъ напитковъ одинаково встрѣчается, какъ въ индусскомъ, такъ и въ греческомъ или римскомъ ритуалѣ. Всѣ тѣ болѣе или менѣе отрывочные факты, на которыхъ мы строимъ наше заключеніе о тѣсной связи между культомъ очага и культомъ предковъ, находятъ себѣ вполнѣ аналогичныя явленія въ современномъ быту Осетинъ. Матерьялистическое воззрѣніе ихъ на будущую жизнь наивно высказывается въ той рѣчи, какую, по обычаю, обязанъ держать покойнику одинъ изъ родственниковъ, присутствующихъ при погребеніи: „Выслушавъ твою искреннюю исповѣдь, всеправедный и многомилостивый Барастыръ (своего рода Плутонъ, начальникъ надъ мертвецами), приметъ тебя въ

*) Ср. Фюстель-де-Куланжъ, La cité antique, кн. I гл. II.

свое лоно, и ты будешь вѣчно наслаждаться благами рая: конь твой будетъ пастись около тебя, а яства твои и напитки, какихъ не имѣлъ ни одинъ земной царь, будутъ день ото дня увеличиваться, возбуждая тѣмъ зависть въ другихъ умершихъ, не имѣющихъ такихъ удовольствій или по грѣхамъ своимъ, или по бѣдности оставшихся въ живыхъ родственниковъ, которые, будучи не въ силахъ сдѣлать нужнаго числа поминокъ, заставляютъ своихъ умершихъ питаться или милостынею, или воровскими крохами" *). Въ послѣднихъ словахъ наглядно сказывается то воззрѣніе, что благосостояніе умершихъ предковъ зависитъ отъ количества доставляемыхъ имъ потомками пищи и питья; вотъ почему, озабоченные тѣмъ, чтобы покойникъ во время путешествія своего въ загробный міръ не испытывалъ голода и жажды, родственники снабжаютъ его бутылкой араки и чуреками или хлѣбными лепешками, первая разбивается о камень и льется на могилу, вторыя бросаютъ на сторону, причемъ произносятся слѣдующія слова: „эта пища и это питье да останутся неистощимыми для тебя, пока ты не достигнешь рая (дзснета) **. Опасеніе, что покойнику нечего ѣсть на томъ свѣтѣ, преслѣдуетъ Осетина въ теченіи цѣлаго года, слѣдующаго за смертью его близкаго родственника. Еженедѣльно, по пятницамъ, при закатѣ соли-

*) Суевѣрія и предразсудки Осетинъ, статья Гатіева, стр. 10, т. 9-го сб. свѣд. о кавк. горцахъ.

**) Миллеръ. Осетинскіе Этюды, ч. I., стр. 295.

ца вдова ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собой явства и напитки. Спустя недѣлю послѣ Новаго года, совершается спеціальная поминка по покойникѣ, при чемъ печется исполинскій хлѣбъ такихъ размѣровъ, что его хватитъ одному человѣку на цѣлый мѣсяцъ. Скрестивши двѣ палки, покрываютъ ихъ одеждой покойника, на которую навѣшиваютъ его оружіе; сдѣланное такимъ образомъ чучело сажаютъ на особо приготовленную для него скамейку, вокругъ которой раскладываются любимые предметы покойнаго; передъ скамьей ставятъ кашу и бутылку араки, спеціальное угощеніе для покойнаго. На нѣсколько минутъ собравшаяся семья покидаетъ саклю, чтобы дать покойнику время спокойно вкусить пищу; дѣлается это съ цѣлью соблюсти обычай, по которому старшіе должны принимать пищу отдѣльно отъ младшихъ. *) Чѣмъ у мусульманъ является поминка въ недѣлю, слѣдующую за Новымъ годомъ, тѣмъ у христіанъ—пятница 6-й недѣли Великаго поста. Вся разница въ томъ, что, вмѣсто скоромныхъ блюдъ, чучелу, изображающему мертвеца, предлагаются блюда постныя. Одинъ изъ стариковъ или одна изъ старухъ, провозгласивъ тостъ аракомъ или бузою (пивомъ), высказываетъ при этомъ слѣд. пожеланіе: „Да будетъ онъ (покойникъ) свѣтелъ, свѣтла да будетъ и его могила, да будетъ онъ славенъ между мертвыми; пусть никто изъ нихъ не обнаружитъ своей воли и власти надъ его яствами;

---

*) Газ. „Кавказъ“, 1850 г., № 7-ой, Осетинскій обрядъ сидѣнія мертвецовъ „Марти бадани бонъ“ Николая Берзенова.

и какъ они стоятъ теперь передъ нами, такъ пребудутъ на вѣки вѣковъ и передъ нимъ; умножаясь, да умножатся они до той поры, пока съ горъ будетъ катиться камень и на степи колесо, не плѣснѣя лѣтомъ и не замерзая зимою; по своей доброй волѣ да дѣлится онъ ими съ тѣми изъ мертвыхъ, которые не имѣютъ пищи"! *)

Тѣмъ-же сознаніемъ необходимости кормить мертвыхъ объясняются и тѣ многочисленныя поминки, которыя, по приблизительному вычисленію, обходятся каждому двору не менѣе двухъ тысячъ р. въ годъ и ведутъ нерѣдко къ совершенному его раззоренію. У христіанъ число ихъ не менѣе 10 въ годъ, у магометанъ—7, при чемъ нѣкоторыя у тѣхъ и другихъ длятся по нѣсколькудней. **) На поминки, говоритъ В. Миллеръ, смотрятъ, какъ на кормленіе мертвыхъ, говоря, что пища, которую ѣдятъ на поминкахъ, не идетъ въ пользу съѣвшаго, но его сила переходитъ къ мертвому, такъ что плотно поѣвшій на поминальной пирушкѣ, придя домой, имѣетъ право спросить себѣ обычный обѣдъ. Нельзя болѣе оскорбить Осетина, говоритъ въ заключеніе названный писатель, какъ сказавъ ему, что его мертвые голодаютъ. ***) Но мертвые, подобно живымъ, нуждаются не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ топливѣ. Вотъ почему на Новый годъ, или вѣрнѣе, въ предпослѣднюю пятницу въ декабрѣ, хозяинъ дома

*) См. Гатіева, стр. 14.
**) См. Адаты кавк. горцевъ, т. II, стр. 53—4.
***) Осетинскіе этюды. Ч. II, глава о религіи Осетинъ.

раскладываетъ на дворѣ пучки соломы, по числу умершихъ членовъ семьи и зажигаетъ ихъ со словами: „Будьте свѣтлы наши мертвые, доля вашего огня да не потухнетъ“! При этомъ имъ руководитъ вѣрованіе, что онъ такимъ образомъ снабжаетъ мертвыхъ новымъ огнемъ на наступающій годъ. *) Изъ всего сказаннаго нельзя не вывести того заключенія, что, подобно древнимъ Индусамъ, Грекамъ и Римлянамъ, Осетины уподобляютъ загробную жизнь земной. Это уподобленіе выступаетъ у нихъ не въ одномъ лишь фактѣ кормленія мертвецовъ ихъ потомками, но и въ той заботливости, съ которой Осетинъ снабжаетъ покойника при опущеніи тѣла его въ могилу всѣмъ необходимымъ ему въ будущей жизни. Отсюда обрядъ—одѣванія мертвеца въ лучшія его платья. На вопросъ о томъ, зачѣмъ одѣваете вы мертвого пышно, Осетины обыкновенно отвѣчаютъ, что, если въ этомъ мірѣ покойникъ по бѣдности не могъ одѣваться прилично, то пусть хоть теперь одѣнется, чтобы не было стыдно на томъ свѣтѣ показаться умершимъ людямъ. Въ настоящее время Осетины, очевидно подъ вліяніемъ мусульманства и христіанства, не кладутъ болѣе съ мертвецомъ ничего, кромѣ упомянутой уже мною пищи. Не такъ было въ прежніе годы, насколько можно судить изъ раскопокъ, сдѣланныхъ мною и Всеволодомъ Миллеромъ въ мѣстностяхъ, нѣкогда занятыхъ Осетинами. Оружіе и украшенія, уздечки для лошади, домашняя утварь, и въ частности

*) Ibid. стр. 268.

трехъ-ножный столикъ (фингъ),—все это и многое другое приходилось намъ встрѣтить и при раскопкахъ чегемскаго кладбища и въ тѣхъ пещерахъ, которыя нынѣшнимъ лѣтомъ были изслѣдованы мною въ окрестностяхъ аула Хассаутъ. Извѣстно, что опасеніе оставить мертвеца безъ жены въ будущей жизни было причиной возникновенія въ Индіи чудовищнаго обычая сожиганія вдовъ. Огонь, служащій средствомъ передачи покойнику пищи, и въ этомъ отношеніи долженъ былъ оказать ему туже услугу. О сожиганіи вдовъ въ Осетіи, разумѣется, нѣтъ и помину *). Но въ ней доселѣ практикуется одинъ обрядъ, въ основѣ котораго лежитъ тотъ-же процессъ мышленія; я разумѣю обрѣзаніе косы вдовою и передачу ея покойнику. Подошедши къ гробу, вдова съ помощью родственницъ отрѣзаетъ косу и кладетъ ее на грудь мужа, свидѣтельствуя тѣмъ искреннее свое желаніе принадлежать мужу и на томъ свѣтѣ. Осетины убѣждены въ томъ, что вторичный бракъ не помѣшаетъ вдовѣ вернуться къ первому мужу въ будущей жизни. Въ погребальномъ ритуалѣ убійство коня надъ могилою покойника составляетъ, какъ извѣстно, явленіе довольно обычное **). Отъ этого обряда, общаго по видимому всѣмъ арійскимъ народностямъ, сохрани-

*) Любопытенъ однако тотъ фактъ, что въ своихъ сѣтованіяхъ о покойникѣ мужѣ вдова постоянно употребляетъ фразу: „и да истрескаюсь и сгорю.“ Ужъ не видѣть-ли въ ней указаніе на дѣйствительный фактъ, слѣдовавшій для вдовы за смертью ея супруга? См. Гатіевъ, стр. 4.

**) См. Котляревскаго, Погребальные обычаи.

лось только участіе коня въ погребальной церемоніи; старшій родственникъ ведетъ за собою лошадь покойнаго; названіе же, какимъ Осетины обозначаютъ его „бахъ Фальдисагъ", въ буквальномъ переводѣ — посвящающій лошадь, а также высказываемая въ надгробной рѣчи увѣренность въ томъ, что мертвецъ на своемъ конѣ проскачетъ невредимо черезъ мостъ, отдѣляющій рай отъ ада, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на первыхъ порахъ слѣдовала въ Осетіи прямая передача лошади покойному, вѣроятно путемъ закланія ея на его могилѣ. Въ настоящее время дѣло обходится нанесеніемъ коню трехъ ударовъ косою, которую вдова беретъ съ груди покойника и передаетъ бахъ - фалдисагу или посвятителю коня, со словами: „вотъ и плеть для покойника". Нанося коню удары, родственникъ произноситъ: „да будете вы оба, конь и плеть, посвящены одному покойнику" *).

Отожествленіе будущей жизни съ настоящей приводитъ Осетинъ къ убѣжденію, что покойники въ загробной жизни продолжаютъ печься объ ихъ нуждахъ и всячески заботятся о благосостояніи семьи.

Въ народныхъ сказаніяхъ часто встрѣчаются разсказы о томъ, какъ тотъ или другой мертвецъ выпрашиваетъ у Барастыра или начальника надъ мертвыми позволеніе повидаться съ земными родственниками. Заручившись такимъ предварительнымъ разрѣшеніемъ, онъ отправляется на свиданіе съ

*) В. Миллеръ, Осет. этюды, т. II, стр. 295.

ними, предпринимаетъ совмѣстно походы за добычей и при разставаніи отдаетъ безвозмездно собственную долю, открывая на прощаніе, что онъ ихъ родственникъ. *) Изъ тѣхъ-же сказаній видно, что души покойниковъ могутъ оставаться на землѣ только до восхода солнца, почему къ этому времени онѣ и спѣшатъ вернуться въ свою загробную обитель. Чтобы вступить въ общеніе съ ними, Осетины выбираютъ для этого вечеръ: всѣ семейныя торжества, на которыхъ ожидается появленіе покойника, происходятъ при зажженныхъ свѣчахъ. Въ теченіи цѣлаго года вдова продолжаетъ ждать ночныхъ посѣщеній мужа; съ этою цѣлью она каждый вечеръ стелетъ для мужа постель, ставитъ подъ его кровать тазъ и мѣдный кувшинъ съ водою, зажигаетъ цѣлую свѣчу и сидитъ, ожидая прихода мужа до той поры, когда запоютъ пѣтухи; вставая съ постели поутру, она, взявъ тазъ, кувшинъ съ водою, утиральникъ, мыло и прочее, несетъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ при жизни обыкновенно умывался ея мужъ и стоитъ тамъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, какъ будто подаетъ умываться **).

Имѣя возможность входить въ непосредственное общеніе съ живущими, предки невидимо присутствуютъ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, оказываютъ помощь и поддержку во всѣхъ семейныхъ предпріятіяхъ. Не удивительно поэтому, если об-

*) См. сказанія о безъимянномъ сынѣ Урызмага.
**) Миллеръ, стр. 296.

ращеніе къ нимъ, призывъ ихъ къ покровительству, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ только къ свидѣтельствованію однообразно встрѣчается во всѣхъ тѣхъ торжественныхъ актахъ, которые сопровождаютъ собою рожденіе или женитьбу, а также дачу показаній на судѣ, въ качествѣ обвиняемаго или присяжника. Три дня спустя послѣ родовъ, подъ цѣпь домашняго очага приносятъ отдѣльно ребенка, колыбель съ пеленками и три *чирита* или хлѣбца для Сафы, бога охранителя домашней цѣпи, а также немного *араки* для него-же. Старшая во дворѣ женщина, держа *чирита* въ рукахъ, произноситъ слѣд. молитву: „Уäлартъ Сафа!, (что значитъ въ переводѣ: Сафа, стоящій надъ пламенемъ) ребенокъ да будетъ твоимъ гостемъ! Домашній патронъ, дай ему свою милость, пошли ему счастье!“ Кромѣ чиритъ Сафѣ приготовляются еще особыя *чирита* домашнему духу — домовому или такъ наз. Бундоръ. При вступленіи въ бракъ, слѣдуетъ не только троекратное обхожденіе съ шаферомъ вокругъ домашняго очага и прикосновеніе рукою къ надочажной цѣпи, но и произнесеніе старшимъ изъ присутствующихъ слѣд. молитвы: „Уалартъ Сафа! прими невѣсту подъ свое покровительство,“ и такъ далѣе. За этимъ обращеніемъ къ Сафѣ, слѣдуетъ обращеніе и къ домовому или такъ наз. Бунатихидсау: „И тебѣ, Бунатихидсау,—говоритъ произносящій молитву,—усердно молимся. Не отними своей милости, защиты и покровительства отъ возросшей въ твоемъ лонѣ молодой невѣсты, охраняй ее и помогай ей во всѣхъ трудныхъ минутахъ ея жизни,

путяхъ и сидѣніяхъ" *) И въ другія торжественныя минуты жизни, какъ напр. при дачѣ показаній на судѣ, Осетинъ обращается къ домашнимъ божествамъ и, въ частности, къ не разъ уже упомянутому нами Сафѣ, который, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, стоитъ по воззрѣніямъ Осетинъ въ тѣсной связи съ домашнимъ культомъ. „Клянусь этимъ пречистымъ золотомъ Сафы," говоритъ Осетинъ, становясь передъ очагамъ и прикасаясь рукою къ надочажной цѣпи—рахисъ. Но не одного Сафу призываютъ Осетины въ свидѣтели дѣлаемаго ими показанія. Каждый дворъ имѣетъ своихъ спеціальныхъ ларовъ; ими считаются обыкновенно славнѣйшіе изъ предковъ, лица, оставившія по себѣ наилучшую память. Этихъ-то лицъ и берутъ Осетины въ свидѣтели дѣлаемыхъ ими заявленій.

Совершаемый при этомъ обрядъ, по словамъ Шанаева, состоитъ въ томъ, что потерпѣвшій подходитъ публично къ лицу, заподозрѣнному имъ въ преступленіи, и требуетъ отъ него, чтобы онъ протянулъ ему руку правдивую такого-то изъ его покойниковъ, имя котораго при этомъ произносится потерпѣвшимъ, на что заподозрѣнный обязанъ отвѣтить: „вотъ тебѣ правдивая рука покойника", и протянуть обвинителю руку **). Состоя въ постоянномъ общеніи съ живущими, мертвецы, смотря по тому, исполняютъ ли потомки свои обязательства

*) См. Гатіевъ, Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, т. 9, стр. 10.

**) Джантемиръ Шанаевъ. Присяга у Осетинъ, сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, т. VII, стр. 18.

по отношенію къ нимъ производствомъ въ ихъ пользу поминокъ и приношеній пищею и питьемъ,— или нѣтъ, то покровительствуютъ имъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, то оказываютъ имъ явное сопротивленіе. Если души мертвыхъ могутъ покидать свои жилища по ночамъ, то, согласно воззрѣніямъ Осетинъ, и души живыхъ во время сна не находятъ препятствія къ оставленію ими каждой своего тѣла. Подобно мертвецамъ, онѣ, кто на коняхъ, кто на скамьяхъ, уносятся на лугъ, посвященный мертвымъ и извѣстный подъ наименованіемъ *курисъ*. На этомъ лугу, думаютъ они, растутъ сѣмена всего произростающаго на землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмена счастья и несчастья. Лугъ этотъ ревниво охраняется мертвецами; только заслужившія передъ ними души безнаказанно могутъ вернуться домой, захвативши съ собою нужное имъ число зеренъ— залогъ прекраснаго урожая и благоденствія въ теченіи ближайшаго года. Другія же возвращаются, покрытыя ранами, похожими на черныя пятна и полученными отъ стрѣлъ, брошенныхъ въ нихъ мертвецами. Средствъ лѣченія противъ этихъ ранъ не имѣется; иногда онѣ проходятъ сами собой, иногда же раненый, пробудившись отъ сна, начинаетъ ощущать боль въ той или другой части тѣла и послѣ долгихъ мученій умираетъ *).

Такое ночное путешествіе на *курисъ* Осетины пріурочиваютъ къ опредѣленному дню въ году, обыкновенно къ Новому году. Джантемиръ Шана-

*) Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ, т. IV, стр. 26.

евъ передаетъ то же сказаніе въ нѣсколько видоизмѣненной и очевидно позднѣйшей формѣ. Мертвецы по прежнему являются въ немъ виновниками земныхъ благъ, урожаевъ и всякаго рода благоденствій. Души живыхъ ищутъ у нихъ сѣмянъ для посѣвовъ, но вмѣсто того, чтобы пріурочить къ волѣ предковъ наступленіе или ненаступленіе семейнаго довольства, сказаніе, передаваемое Шанаевымъ, связываетъ его съ борьбою Осетинъ съ Кабардинцами. Эта борьба, дающая содержаніе осетинской жизни на землѣ, продолжается и въ области сновидѣній. За сѣменами души скачутъ ночью къ Татартубу, мѣсту одинаково священному въ глазахъ обѣихъ націй и расположенному немного ниже Николаевской станицы. Предводительствуемыя своими божествами, оба ополченія душъ: кабардинское и осетинское, начинаютъ здѣсь страшную борьбу изъ за горсти хлѣбныхъ зеренъ. Послѣ продолжительнаго сраженія одна изъ сторонъ уступаетъ другой. Та изъ нихъ, которая осталась побѣдительницей, съ радостью хватаетъ въ свои руки снопъ хлѣба, выбиваетъ изъ него горсть зеренъ и разсыпаетъ послѣднія въ направленіи своего края. Это значитъ, что та сторона, которой досталась горсть хлѣбныхъ зеренъ, отвоевала себѣ у противника хорошій урожай въ ближайшемъ году *).

Въ этой позднѣйшей редакціи сказаніе уже теряетъ то значеніе чего-то непосредственно связаннаго съ домашнимъ культомъ съ какимъ оно

*) Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ, т. III, стр. 27.

является въ первой его передачѣ. Сопоставленіе обѣихъ, какъ нельзя лучше показываетъ тотъ путь, какимъ народныя легенды чисто религіознаго характера получаютъ со временемъ несвойственную имъ на первыхъ порахъ историческую окраску, и какъ затемняется со временемъ въ народномъ представленіи источникъ ихъ первоначальнаго происхожденія.

Подобно другимъ народамъ, придерживающимся семейнаго культа, Осетины дорожатъ семейными и родовыми усыпальницами. Названіе тѣмъ и другимъ *запацы*. Въ представленіяхъ народа могилы предковъ считаются священными мѣстами. И послѣ смерти родственникъ желаетъ пребывать по ближе къ своему потомству, чтобы ежечасно заботиться о его нуждахъ. Выраженіе: „чтобъ ты не попалъ въ свою могилу,“ считается поэтому въ Осетіи тяжкимъ видомъ обиды. Съ другой стороны, исходящія поколѣнія дорожатъ тѣмъ, чтобы покойники лежали близко къ нимъ въ семейныхъ усыпальницахъ, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что Туальтцы, переселяясь изъ Грузіи, уносили вмѣстѣ съ собою и своихъ мертвыхъ *). Осетинъ не даромъ дорожитъ ежечаснымъ присутствіемъ мертвецовъ вблизи занятаго имъ жилища. Увѣренность въ томъ, что блага міра даются покойниками, заставляетъ его обращаться къ послѣднимъ съ постоянными жалобами на удручающія его несчастія. Ни одно семейное торжество, на которомъ мертвецы счи-

*) Терскія Вѣдомости, 1868 г. № 11.

таются незримо присутствующими, не обходится безъ сѣтованій на постигшія семью бѣдствія и обращенной къ покойникамъ мольбы освободить ее на будущее время отъ ихъ повторенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Осетіи эти покойники выдвигаютъ изъ своей среды одного, наиболѣе славнаго своими дѣяніями при жизни, около котораго обыкновенно и сосредоточивается семейный культъ. Такимъ является въ Кани, во владѣніяхъ Шанаева, такъ называемый Ногдзуаръ, что въ переводѣ значитъ „новый святой," въ Алагирскомъ же ущельи, а также у всѣхъ вообще Нарцевъ такъ называемый Хетаджидзуаръ. Въ Какодурѣ, въ горахъ, самымъ почитаемымъ изъ всѣхъ божествъ считается Тбауацилла; это божество домашнее, отъ котораго, по народнымъ вѣрованіямъ, зависитъ изобиліе и достатокъ *).

Фамильныя сказанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя изъ названныхъ божествъ были вполнѣ историческими лицами; такимъ, напримѣръ, былъ Хетагъ, родоначальникъ семьи Хетагуровыхъ въ Нарахъ и виновникъ поклоненія такъ называемому Хетаджидзуару. Преданіе считаетъ его выходцемъ изъ-за Кубани, покинувшимъ свое старинное пепелище по причинѣ ссоры съ братьями. Оно разсказываетъ о немъ много чудеснаго, не какъ о воинственномъ богатырѣ, а какъ о праведномъ богобоязненномъ человѣкѣ. За его пре-

*) Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, ч. III, осетинскія народныя сказанія Шанаева, стр. 27 и 39.

красныя свойства божество Хидсау посылало ему не разъ неожиданную защиту. Такъ, напримѣръ, во время погони за нимъ братьевъ, когда ему не оставалось болѣе никакой надежды на спасеніе, и онъ уже думалъ о томъ, чтобы передать себя въ ихъ руки, послышался ему голосъ изъ лѣсу, лежащаго въ окрестностяхъ Суадага, нынѣ не существующаго больше аула: „Въ лѣсъ, Хетагъ, въ лѣсъ“! Изнемогая отъ усталости, Хетагъ прокричалъ въ отвѣтъ: „Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ, а пускай лѣсъ подоспѣетъ на помощь къ Хетагу“. И что же? Откуда ни возьмись, окружаетъ Хетага лѣсъ. Легенда говоритъ, что и теперь еще лѣсокъ этотъ имѣетъ тотъ самый видъ, что и въ моментъ его первоначальнаго появленія: со всѣхъ сторонъ окружаетъ его непроходимая глушь, самъ же онъ какъ бы остановился въ ростѣ. Въ глазахъ Осетинъ онъ считается все еще принадлежащимъ Хетагу; вотъ почему, убитая въ немъ дичь должна быть съѣдена на мѣстѣ, отнюдь не унесена домой, и то же надо сказать о плодахъ, ягодахъ, медѣ, и т. д., встрѣчающихся въ изобиліи въ этомъ лѣсу. Если вспомнить сказанное выше о томъ, что принятая при поминкахъ пища идетъ, по воззрѣніямъ Осетинъ, впрокъ покойнику, то понятнымъ становится источникъ такого запрещенія. Все, найденное въ лѣсу Хетага, должно идти на устройство ему поминокъ, дабы душа его не оставалась безъ пищи и питья въ будущей жизни. Какъ патронъ жителей Нарскаго и Алагирскаго ущелій, Хетагъ считается заступникомъ послѣднихъ, какъ передъ добрыми, такъ и передъ злыми духами. Онъ

старается о водвореніи въ своемъ краѣ спокойствія, здравія, богатства, урожая, и т. п.

Съ тѣмъ-же хакрактеромъ—духа покровителя семьи Шанаевыхъ и всѣхъ, кто состоялъ отъ нихъ въ той или другой зависимости, выступаетъ передъ нами и упомянутый уже выше Ногдзуаръ. Въ ходячихъ о немъ легендахъ говорится о заступничествѣ имъ жителей аула Кани, при посѣщеніи послѣдняго бурею и пораженіи громомъ его стада. Благопріятный Шанаевымъ, Ногдзуаръ, какъ всякій домашній богъ, является неумолимымъ противникомъ враждебныхъ имъ родовъ. Осетины вѣрятъ, что истребленіе семейства Кусовыхъ произошло не безъ его участія, такъ какъ оно было предсказано имъ почти за годъ, во время чуднаго его появленія верхомъ на оленѣ назначенному для завѣдыванія его культомъ *дзуари-ляу* или старостѣ церковному *).

Изобилія и достатка ждутъ также отъ Тбауцилла жители Какодура, которые совершаютъ въ его честь такія-же точно жертво-приношенія, какія дѣлаются въ честь Хетага или Ногдзуара жителями Алагира, Наръ и Кани.

Изъ тѣхъ свѣдѣній, какія на этотъ счетъ сообщаются въ особой запискѣ о божествахъ почитаемыхъ осетинами, приложенной г. Шанаевымъ къ его сборнику осетинскихъ легендъ и сказаній, видно, что въ день празднованія Тбауцилла каждый дворъ зарѣзываетъ барана для совершенія въ его честь

*) Ibid. стр. 34.

особаго рода поминокъ. Чѣмъ Тбауциллы является въ Какодурѣ, тѣмъ Дзири и Дзившеи—дзуаръ въ Куртадинскомъ ущельи, а Фарниджидауегъ въ Ганальгомѣ. Упоминая объ этихъ божествахъ, мы далеко не перечислили всѣхъ тѣхъ, источникомъ почитанія которыхъ является домашній культъ, культъ предковъ. Каждая семья и основанный ею аулъ, имѣя своихъ предковъ, празднуетъ и своихъ особыхъ боговъ, что однако не мѣшаетъ тому, что всѣ одинаково чествуютъ еще, такъ сказать, генерическое представленіе о домашнемъ геніи, покровителѣ и защитникѣ семьи, который подъ названіемъ Бунатихидсау во многомъ напоминаетъ нашего домового. Вотъ какія подробности передаетъ о культѣ его В. Миллеръ въ своихъ осетинскихъ этюдахъ.

Мѣстопребываніемъ осетинскаго домоваго считаютъ кладовую—кабицъ. Домовой можетъ принимать различный видъ, представляться мальчикомъ, уродливой женщиной съ клыками, бѣлымъ барашкомъ и т. п. Но видѣть его могутъ только знахари въ ночь подъ Новый годъ. Когда празднуется свадьба, невѣстѣ испрашивается покровительство домоваго, такъ какъ имѣется въ виду, что покидая дворъ родителей, онъ переходитъ подъ защиту новаго домоваго, — домоваго семьи своего мужа, чѣмъ легко можетъ разгнѣвать патрона роднаго двора. Бунатихидсау ближе другихъ духовъ къ женщинамъ, какъ видно изъ того, что имъ не запрещено произносить его имени; прочихъ-же духовъ онѣ могутъ называть только условными, описательными наименованіями. Во второй день рождественской недѣли устраиваютъ Осетины празднество

въ честь домоваго, пекутъ хлѣбъ изъ лучшей пшеницы, варятъ лучшее мясо и вмѣстѣ съ пивомъ и водкой ставятъ для него въ пустую комнату или чуланъ, считая за особенное счастье для дома, если что-нибудь изъ поставленнаго будетъ съѣдено или выпито, разумѣется, кѣмъ либо изъ людей украдкой *).

На ряду съ Бунатихицау, въ связи съ домашнимъ культомъ, культомъ предковъ, стоитъ повидимому у Осетинъ и поклоненіе Сафѣ, чудесному кузнецу, давшему образецъ для существующихъ на землѣ цѣпей, и продолжающему творить ихъ на небѣ и по настоящее время. Связь домашней цѣпи съ семейнымъ очагомъ, а послѣдняго съ культомъ предковъ, по всей вѣроятности, причина тому, что и этотъ, такъ-сказать, осетинскій Вулканъ, сдѣлался своего рода домашнимъ богомъ, покровительство котораго Осетинъ призываетъ на голову своихъ дѣтей, а также на голову невѣсты во время троекратнаго обхожденія ею съ шафероmъ домашняго очага **).

Общій, какъ мы сказали, всѣмъ индо-европейскимъ народностямъ, домашній культъ Осетинъ представляетъ ближайшее сходство съ тѣмъ, какимъ иранскія народности, и въ числѣ ихъ Персы, окружали души покойниковъ, или такъ называемые *фраваши*. Вторая часть Зендъ-Авесты представляетъ, быть можетъ, лучшій комментарій къ тому,

*) Осетія, Александра Яновскаго, въ Обозрѣніи россійскихъ владѣній за Кавказомъ, т. II. 1836 г.

**) В. Миллеръ, стр 253, 248.

что сказано было нами о почитаніи мертвыхъ Осетинами. Взаимныя отношенія живущихъ поколѣній и усопшихъ, поддерживаемыя со стороны первыхъ постоянными жертвоприношеніями, а со стороны вторыхъ непрекращающимся заступничествомъ и попечительствомъ, выступаютъ въ отдѣльныхъ статьяхъ Зендъ-Авесты съ тою наивностью и внѣшней пластичностью, какая характеризуетъ собой вообще произведенія подобнаго рода. Священная книга Персовъ изображаетъ передъ нами души покойниковъ постоянно озабоченными одной мыслью: Кто будетъ почитать насъ и прославлять насъ? Кто принесетъ намъ жертвы? Кто заготовитъ для насъ достаточно пищи, дабы мы никогда не чувствовали въ ней нужды"! Совершающаго жертвоприношенія фраваши благословляютъ въ слѣдующихъ словахъ: „Да будутъ всегда въ его жилищѣ стада животныхъ и людей! да обладаетъ онъ кроткой лошадью и крѣпкой колесницей! да будетъ въ его семьѣ человѣкъ, знающій почитать Бога и управлять въ собраніи народа, опытный въ жертвоприношеніяхъ" и т. д.! Довольные потомствомъ, не оставляющимъ ихъ безъ пищи, фраваши спѣшатъ ему на помощь: въ сраженіяхъ они борятся за одно съ нимъ, защищая каждый свое прежнее жилище; они же ближайшіе виновники урожаевъ, посылающіе обиліе водъ каждый своему роду, мѣстечку, городу или странѣ, съ пожеланіемъ имъ рости и богатѣть. Здоровье и болѣзни точно также лежатъ въ ихъ власти. Ихъ злоба страшна тѣмъ, говоритъ Зендъ-Авеста, которые оскорбляютъ ихъ. Составитель Зендъ-Авесты уподобляетъ фравашей

снабженнымъ хорошими крыльями птицамъ, которыя спѣшать на помощь къ тому, кто не только не причинилъ имъ никакой обиды, а, напротивъ, обрадовалъ ихъ обильными жертвоприношеніями. Въ эпитетахъ, которыми Зендъ-Авеста *) сопровождаетъ терминъ фраваши, выступаютъ всѣ тѣ свойства, какими персы надѣляли въ своемъ воображеніи души умершихъ предковъ. Они щедры, они мужественны, они милосердны, могущественны, сильны и вмѣстѣ съ тѣмъ легки, какъ воздухъ. Не тѣ же ли это свойства, какими обладаютъ въ глазахъ Осетинъ души усопшихъ предковъ, нерѣдко уподобляемыя ими, по словамъ священника Гатіева, падучимъ звѣздамъ, точь въ точь, какъ это имѣетъ еще мѣсто въ Малороссіи, гдѣ, смотря на полетъ звѣзды, доселѣ говорятъ: человѣкъ умеръ, душа его улетѣла. Въ Осетинской фразеологіи мѣсто души занимаетъ *дзуаръ*, этотъ духъ покровитель, и Осетины говорятъ: — „дзуаръ пролетѣлъ“, обозначая тѣмъ паденіе звѣзды **).

Осетинскій дворъ, или, что то же, семейная община, является не однимъ только религіознымъ союзомъ: это вмѣстѣ съ тѣмъ и союзъ имущественный, община совладѣльцевъ, тѣмъ существенно отличающаяся отъ обыкновенныхъ видовъ совладѣнія, что

*) The sacred books of the East, Zend-Avesta, ч. II, переводъ Дарместетера; книга 13. Farvardin yast, II,21; III, 27; IV, V, VI, VII, XI, XII, XIII, XXII.

**) „Терск. Вѣдом.“, 1868 г. № 4.

участники въ ней — родственники *), что совмѣстное владѣніе ихъ связано съ эксплоатаціей общаго имущества общими средствами, и что потребленіе доставляемаго имъ дохода производится также сообща. Осетинскій дворъ въ разныхъ мѣстностяхъ Осетіи представляетъ собою группу лицъ въ 20, 40, 60, и даже 100 человѣкъ, или около того. Лица эти имѣютъ во главѣ себя обыкновенно старшаго по возрасту; при болѣзни-же или неспособности послѣдняго завѣдывать общимъ достояніемъ,—обыкновенно то лицо, на котораго укажетъ старшій, или-же то, которое слѣдуетъ за нимъ въ порядкѣ старшинства. Объ избраніи старѣйшины, однохарактерномъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ средѣ южныхъ славянъ, рѣдко когда приходится слышать. Названіе, которымъ Осетины обыкновенно обозначаютъ старшаго — *хицау*, что значитъ — начальникъ, хозяинъ, или *унафаганаг* — въ переводѣ—управитель. Лицо, стоящее во главѣ двора, считается его представителемъ во всѣхъ сношеніяхъ съ семейной общиной, съ ея сосѣдями и властями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завѣдыватель всѣми интересами семьи, не только экономическими, но и религіозно-нравственными: блаженство предковъ въ будущей жизни, честь семьи въ смыслѣ отомщенія наносимыхъ ей обидъ, и преступле-

*) „Доброе дѣло,—гласитъ одна осетинская пословица,—сладостная жизнь родственниковъ другъ съ другомъ. „См. Bulletin de l'académie des sciences de S.-Petersbourg, 1862, 19 сентября,—Ossetische Sprichvörter von A. Schifner.

ній, совершенныхъ надъ кѣмъ-либо изъ ея членовъ, снабженіе ея всѣмъ необходимымъ, увеличеніе семейнаго достоянія путемъ покупки или обмѣна, накопленіе запасовъ и приращеніе капитала, а также отчужденіе, въ случаѣ нужды, семейнаго достоянія—одинаково ввѣряются его попеченію. Хицау или старѣйшина далеко не стоитъ однако внѣ всякаго контроля со стороны отдѣльныхъ членовъ семьи. Послѣдняя ежечасно наблюдаетъ за его дѣйствіями; производимые имъ акты отчужденія и совершаемые имъ займы пріобрѣтаютъ обязательную силу не иначе и не раньше, какъ подъ условіемъ молчаливаго одобренія ихъ всѣми и каждымъ изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Разъ послѣдуетъ открытый протестъ и виновникомъ его будетъ кто либо изъ родственниковъ, сдѣлка считается недѣйствительной, и договаривающіяся стороны ставятся другъ къ другу въ то самое положеніе, какое они занимали до момента ея совершенія.

Подобно тому, какъ въ сербской и вообще южно-славянской семьѣ, а также въ семьѣ великорусской, на ряду, съ домачиномъ, или гловаремъ и на́большимъ встрѣчается и такъ наз. дома́чиха или старѣшиха, въ русской семьѣ—большуха, такъ точно въ Осетіи на ряду съ хицау мы находимъ и, такъ наз., авсинъ,—въ буквальномъ переводѣ—тетку. Женщина эта стоитъ во главѣ всей женской половины двора; въ ея рукахъ сосредоточивается завѣдываніе кладовой и кухней, заготовленіе припасовъ для всей семьи, храненіе ключей. Обыкновенно мѣсто авсинъ занимаетъ старшая во дворѣ: мать или жена хицау, а, по смерти послѣдняго,

нерѣдко и его вдова. Преимущественное положеніе, занимаемое обоими, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ освобожденіе ихъ отъ полевыхъ и домашнихъ работъ. Мытье бѣлья, починка одежды, какъ и приготовленіе пищи падаетъ на младшихъ женщинъ двора, которыя и распредѣляютъ эти занятія между собою и при выполненіи ихъ соблюдаютъ извѣстную очередь.

Въ составъ семейнаго имущества входитъ одинаково—какъ недвижимость, такъ и движимость. Въ отличіе отъ тѣхъ порядковъ, какихъ придерживается въ этомъ отношеніи великорусскій или юго-славянскій обычай, осетинское право признаетъ за каждымъ изъ членовъ двора обязанность дѣлиться съ другими всѣми своими заработками; оно не различаетъ еще того, пріобрѣтены ли эти заработки съ помощью или безъ помощи семейнаго капитала. Тогда какъ въ Индіи напр. этотъ вопросъ прежде всего ставится судами, которые соотвѣтственно признаютъ военную добычу или продукты охоты личнымъ достояніемъ каждаго, а по отношенію къ такимъ заработкамъ, напр., какъ жалованье, получаемое танцовщицей, принимаютъ въ расчетъ полученіе ею воспитанія на собственный счетъ или на счетъ семьи, — осетинскіе обычаи равно признаютъ обязанность передачи въ семейную казну всѣхъ видовъ личныхъ пріобрѣтеній. Если священникъ, напр., или офицеръ русской службы, не дѣлятся со своими родственниками получаемымъ ими жалованьемъ, то потому лишь, что не живутъ съ ними въ одномъ дворѣ. Имѣй мѣсто такое сожительство, и участвующіе въ немъ обязательно

были-бы призваны къ производству соотвѣтственныхъ платежей, что и встрѣчается въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда поступившіе въ мѣстные гарнизоны Осетины не разрываютъ связи съ прежнимъ дворомъ. Эта черта осетинскихъ обычаевъ указываетъ на архаическій характеръ послѣднихъ, на крѣпость, еще недавно отличавшую ихъ кровную организацію. Чѣмъ устойчивѣе послѣдняя, тѣмъ сильнѣе чувство солидарности и тѣмъ слабѣе проявленія имущественнаго индивидуализма. *) Тѣмъ не менѣе и ранѣе серьезнаго воздѣйствія русскихъ порядковъ на осетинскіе, и въ этомъ, на кровномъ началѣ построенномъ обществѣ, стало проявляться стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ. Языкъ, этотъ вѣрный выразитель самопроизвольно развивающихся въ обществѣ движеній, отмѣтилъ наступленіе въ Осетіи эры индивидуализма въ слѣдующей пословицѣ: „Кто не подходитъ другъ къ другу, для того лучше раздѣлиться“. Въ другой, столь-же обще-употребительной поговоркѣ указываются и ближайшіе поводы къ семейнымъ раздѣламъ, поводы, однохарактерные съ тѣми, какіе могутъ быть отмѣчены въ великорусской крестьянской семьѣ: я разумѣю ссоры между золовками, о которыхъ Осетины говорятъ: „золовки по природѣ своей сварливы“. Разумѣется, не въ сварливости золовокъ причина раздѣловъ, она въ свою очередь порожденіе вполнѣ понятнаго

*) Большинство изложенныхъ здѣсь фактовъ является результатомъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ во время его поѣздки въ Осетію.

стремленія каждой малой семьи удержать въ личномъ обладаніи продукты собственнаго труда. Не даромъ-же пряжа является повсюду, а въ томъ числѣ и въ Осетіи, однимъ изъ первыхъ объектовъ индивидуальнаго присвоенія, и получаемый отъ продажи или обмѣна ея доходъ поступаетъ, какъ общее правило, въ личное распоряженіе не старшей въ семьѣ женщины, а самой пряхи и ея мужа.

Имущественныя отношенія Осетинъ.

Сравнительная исторія права считаетъ въ числѣ своихъ основныхъ выводовъ то положеніе, что эпохѣ развитія частной собственности предшествовалъ періодъ широкаго господства совмѣстнаго владѣнія въ рукахъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ крови. Эта общая собственность принимала одновременно двоякаго рода форму: родоваго и семейнаго владѣнія. Существованіе того и другаго не препятствовало возникновенію съ древнѣйшихъ временъ первыхъ зачатковъ частной собственности, сперва на одну лишь движимость, ранѣе всего на оружіе и одежду, позднѣе и на недвижимость, пріобрѣтенную путемъ примѣненія личнаго труда въ формѣ заимки, или первоначальнаго обращенія земли подъ обработку. Эти различныя стороны древнѣйшаго права собственности могутъ быть отмѣчены и въ современномъ намъ быту Осетинъ: со времени русскаго владычества—въ болѣе или менѣе вымирающей формѣ, до этой же эпохи, насколько можно судить изъ отзывовъ путешественниковъ,—какъ вполнѣ жизненное начало.

Въ предшествующей главѣ мы имѣли уже случай замѣтить, что семейная община въ Осетіи яв-

ляется однимъ изъ субъектовъ имущественныхъ правъ. Въ настоящее время остановимся подробнѣе на разсмотрѣніи ея имущественнаго положенія.

Нераздѣльнымъ достояніемъ семьи признается въ Осетіи одинаково движимая и недвижимая собственность: пахатныя земли, защищенные оградою сѣнокосы, рѣдко когда лѣса, какъ состоящія въ общемъ владѣніи односельчанъ, подчасъ даже жителей нѣсколькихъ сосѣднихъ ауловъ, наконецъ пастбищъ. Изъ общаго правила о принадлежности способной къ обработкѣ земли совокупности составляющихъ дворъ семей встрѣчаются исключенія двоякаго рода: нѣкоторые участки состоятъ въ частной собственности, на другіе предъявляетъ свои права цѣлый родъ. Я знаю дворы, говоритъ г. Пфафъ, въ которыхъ примѣрно одинъ участокъ земли—частная собственность, другой состоитъ во владѣніи какой-либо семьи, третій—во владѣніи всего двора, а надъ четвертымъ дворъ признаетъ верховное владѣніе цѣлаго рода, не говоря уже о пастбищахъ, которыя, какъ сказано, всегда носятъ характеръ общинно-сельскаго имущества *). Изъ движимой собственности: продукты сельскаго хозяйства, рабочій скотъ и лошади, домашняя и въ частности кухонная утварь, надочажная цѣпь, мѣдные котлы для варки пищи и т. п., а также предметы роскоши, какъ напр., сдѣланные семьѣ цѣнные подарки, положимъ, серебряныя или позолоченныя вазы, и рядомъ съ ними накопленные ею капиталы, обыкно-

*) Сб. св. о Кавказѣ, т. II, стр. 289.

венно хранимые въ формѣ непроизводительно лежащихъ въ сундукахъ серебряныхъ монетъ. Хозяйственныя сооруженія, какъ напр., мельницы или сыроварни, амбары, конюшни, загоны для скота, и отдѣльныя составныя части усадьбы, въ числѣ ихъ—хадзаръ т. е. общая столовая и кухня, а также купацкая, считаются по обычаю общимъ достояніемъ семьи. Что же касается до помѣщеній, занимаемыхъ малыми семьями, живущими совмѣстно въ одномъ дворѣ, то они состоятъ въ частномъ пользованіи послѣднихъ. Семейную собственность наконецъ составляютъ проведенныя для орошенія полей канавы, устраиваемыя дворомъ пасѣки и т. п.

Далеко не всѣ изъ перечисленныхъ нами предметовъ одновременно вошли въ составъ отличной отъ родовой—дворовой собственности. Земля и право пользованія ею и понынѣ носитъ еще отпечатокъ своего первоначальнаго родоваго характера. Мы сказали уже, что на нѣкоторые ея участки доселѣ предъявляютъ притязанія всѣ дворы одного и того же рода. Но это далеко не единственное указаніе на то, что субъектомъ права собственности на нее на первыхъ порахъ является цѣлый родъ, и что отдѣльнымъ дворамъ принадлежало лишь право временнаго пользованія ею. Всюду, гдѣ дворовая собственность образовалась путемъ выдѣленія извѣстныхъ участковъ родовой земли въ пользу отдѣльныхъ дворовъ, родъ въ полномъ своемъ составѣ сохранилъ право на наслѣдованіе такъ называемаго выморочнаго имущества, т. е. того, которое осталось безъ собственника за совершеннымъ вымираніемъ того или другаго рода. Отсюда

наслѣдованіе „Гентилей“ въ древнемъ римскомъ правѣ, упоминаемое еще Гаемъ, отсюда права аллеманской „Vrund“, т. е. всей совокупности родственниковъ вступить одновременно въ обладаніе собственностью вымершей семьи; отсюда же возвращеніе у Ирландцевъ дворовой собственности, или такъ называемая „orba“, въ случаѣ отсутствія наслѣдника, къ тому первоначальному источнику, изъ котораго она вышла, т. е. къ роду, и занесеніе ея на этомъ основаніи въ число участковъ, остающихся въ нераздѣльномъ обладаніи всѣхъ, даже отдаленнѣйшихъ родственниковъ или такъ называемой „coibhne“. То-же наслѣдованіе всего рода въ выморочной землѣ отдѣльнаго двора встрѣчаемъ мы и у Осетинъ—обстоятельство, которое не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что у нихъ источникомъ дворовой собственности была собственность родовая, и что первая, прежде, чѣмъ сдѣлаться безповоротной, была не болѣе, какъ временнымъ владѣніемъ. Къ тому же заключенію приводитъ насъ и та любопытная черта современныхъ осетинскихъ порядковъ, которая всего лучше можетъ быть передана нѣмецкимъ терминомъ Flurzwang, и которая, хотя и извѣстна быту нашего крестьянства, тѣмъ не менѣе не носитъ у насъ особаго обозначенія. Подъ Flurzwang, какъ извѣстно, слѣдуетъ понимать не только обязательное сохраненіе разъ навсегда установившагося сѣвооборота, но и точное соблюденіе правила о срокахъ производства сельскохозяйственныхъ работъ, дѣлающее возможнымъ одновременное поступленіе частныхъ участковъ подъ общинный выгонъ, по снятіи съ нихъ годовыхъ уро-

жаевъ. Работами Гансена и Маурера вполнѣ установленъ тотъ фактъ, что источникомъ происхожденія Flurzwang'а является начало общиннаго владѣнія и только временнаго поэтому пользованія отдѣльными дворами принадлежащей имъ сообща землей. Примѣръ нашихъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ, при которыхъ общинное пользованіе связано съ строгой регламентаціей сѣвооборота и сроковъ производства сельско-хозяйственныхъ работъ, времени и способа пользованія общинными угодьями,— только подтверждаетъ эту догадку, давая тѣмъ самымъ ключь къ объясненію многихъ, частью исчезнувшихъ, частью уцѣлѣвшихъ доселѣ чертъ средневѣковаго хозяйства, какъ напр. существованія въ Англіи особой категоріи земель такъ наз. „Lamas-lands," получившихъ свое названіе отъ того, что къ пользованію ими, какъ общимъ пастбищемъ, односельчане допускаются лишь съ того дня въ году, который въ народномъ календарѣ извѣстенъ подъ наименованіемъ lamas-day, *) а также обязательный выходъ въ средніе вѣка всѣхъ крестьянъ одного и того же помѣстья на такъ наз. lovebones для производства сельско-хозяйственныхъ работъ въ разъ навсегда установленные обычаемъ сроки. Указывая на принадлежность частныхъ владѣній въ прежнее время къ числу общин-

*) Въ противность Нассе, Биркбекъ доказываетъ, что подъ lamas-lands разумѣлись не пахаты, а луга, срокъ кошенія которыхъ наступалъ 5-го августа, согласно нашему календарю, или 1-му, согласно календарю Саксонскому Historical sketch of the distribution of land in England, 1885 г.; стр. 19.

ныхъ, Flurzwang своимъ происхожденіемъ обязанъ, на мой взглядъ, факту производства на первыхъ порахъ сельско-хозяйственныхъ работъ совмѣстно и на общій счетъ всею совокупностью родовыхъ сочленовъ, примѣръ чему представляютъ упоминаемые Цезаремъ Свевы, въ средѣ которыхъ половина населенія ежегодно посвящала себя общинной запашкѣ и уборкѣ хлѣба сообща съ тѣмъ, чтобы въ ближайшій за тѣмъ годъ перейти въ ряды ратниковъ и дать этимъ послѣднимъ въ свою очередь возможность стать временными земледѣльцами. Въ позднѣйшей своей формѣ Flurzwang налагаетъ равныя обязательства на всѣ и каждый изъ дворовъ, входящихъ въ составъ одного селенія, независимо отъ того, существуетъ-ли какая-либо родственная связь между этими дворами, или нѣтъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ перенесенія на сельскую общину той экономической регламентаціи, которая впервые возникла въ средѣ родовыхъ сообществъ. Такой переносъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ унаслѣдованіи сельской общиной многихъ сторонъ юридическаго быта рода: о переходѣ, напримѣръ, права предпочтительной покупки родственниковъ въ право предпочтительной покупки сосѣдей, родоваго выкупа—въ сельскій выкупъ, родоваго наслѣдованія—въ наслѣдованіе сосѣдей или vicin'овъ и т. п.

Осетинское обычное право представляетъ намъ существованіе бокъ о бокъ обоихъ видовъ Flurzwang: родоваго и сельскаго. Говоря это, я хочу сказать, что обязательное соблюденіе сроковъ въ сѣвооборотѣ, сельско-хозяйственныхъ работахъ и

правахъ пользованія, встрѣчается въ Осетіи какъ въ тѣхъ общинахъ, которыя по одинаковому праву могутъ быть названы родовыми, такъ и въ тѣхъ, которыя утратили уже первоначальную чистоту своего состава, благодаря позднѣйшему поселенію въ ихъ средѣ большаго или меньшаго числа чужеродцевъ. Объ осетинскомъ Flurzwang мы находимъ слѣдующія любопытныя подробности въ запискахъ объ Осетіи, появившихся въ газетѣ „Кавказъ“ въ 1850 г. „Никто изъ Осетинъ, говоритъ авторъ этихъ записокъ, не смѣетъ произвольно начать покоса, пока не настанетъ іюль мѣсяцъ, и всѣ жители деревни и околодка не соберутся на праздникъ, называемый *ашенекъ*, на которомъ, послѣ долгаго совѣщанія, старики рѣшаютъ, пришла-ли пора косить, или нѣтъ *)“. Опредѣленные сроки существуютъ и для пахоты. Въ южной Осетіи, какъ видно изъ описанія г. Фларовскаго, обработка земли плугомъ происходитъ ежегодно въ четыре различныхъ періода: весною—въ теченіи 15 дней—періодъ, извѣстный подъ названіемъ *цзанъ-хули*; лѣтомъ—въ два различные срока — одинъ—въ 40 дней, другой—въ 13, наименованіе первому—*анеуми*, второму—*уцеля*; наконецъ осенью—въ теченіи 17 дней или, такъ наз., *шемодъ-гомо*. **). Приведенные сроки встрѣчаются, впрочемъ, не у однихъ только Осетинъ, но вообще у всѣхъ жи-

*) Газ. „Кавказъ“, 1850 г., № 94.

**) Описаніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, т. II, стр 60, Горійскій уѣздъ.

телей Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, а это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что та опредѣленность и неизмѣнность разъ навсегда установленныхъ сроковъ и числа дней, которая характеризуетъ собою всякую болѣе или менѣе искусственную регламентацію, обязана своимъ происхожденіемъ болѣе развитому, грузинскому праву. Она выработалась, вѣроятно, независимо отъ общаго хода законодательства въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ Грузіи, расположенныхъ въ Горійскомъ и Душетскомъ уѣздахъ, и удержана была входившимъ въ составъ ихъ населеніемъ, въ томъ числѣ и Осетинами. Что касается до нагорной Осетіи, то по климатическимъ и ореографическимъ условіямъ, занятіе земледѣліемъ является здѣсь подспорнымъ занятіемъ, производимымъ лишь на протяженіи небольшихъ участковъ, освобожденныхъ отъ камней и искусственно орошаемыхъ. Не будучи общимъ явленіемъ, земледѣліе не подлежитъ здѣсь по этой причинѣ той строгой регламентаціи, какой оно подчинено на южныхъ склонахъ Кавказскаго хребта. Что-же касается до тѣхъ ауловъ, которые расположены на сѣверной плоскости, то устроенные по образцу казацкихъ станицъ, на началѣ общиннаго владѣнія—они унаслѣдовали отъ послѣднихъ и связанную съ аграрнымъ коммунизмомъ сельскохозяйственную регламентацію.

Мы находимъ въ Осетіи не только слѣды совмѣстнаго производства нѣкогда сельско-хозяйственныхъ работъ, но и живые образцы такого порядка въ обычаѣ сосѣднихъ дворовъ складываться между собою и восполнять недостатокъ каждаго въ ин-

вентарѣ или въ рабочихъ путемъ взаимной ссуды того и другаго. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этому любопытному явленію, связанному въ южной Осетіи съ фактомъ производства оранки тяжелыми плугами съ многоголовою упряжью. Въ настоящее же время укажемъ на то послѣдствіе Осетинскаго Flurzvang'a, что съ нимъ связана возможность одновременнаго пользованія нивами и сѣнокосами, какъ пастбищемъ, по окончаніи на нихъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Эта черта, съ которой мы встрѣчаемся на протяженіи всей средневѣковой Европы, и которая доселѣ удержалась далеко не въ одной Франціи, гдѣ она извѣстна подъ наименованіемъ vaine-pâture, въ свою очередь можетъ служить вѣрнымъ указателемъ тому, что подлежащія ей земли нѣкогда составляли общинную собственность *). Не даромъ же обычное право англійскихъ помѣстій преслѣдуетъ частныхъ лицъ за возведеніе загородей, какъ явнаго нарушенія всѣмъ безразлично принадлежащаго права свободнаго выпаса. Тѣсная связь послѣдняго съ общиннымъ характеромъ собственности наглядно выступаетъ въ такихъ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Россіи, общинное землевладѣніе является еще вполнѣ жизненнымъ фактомъ. Указывая на то, что общинный выпасъ встрѣчается и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, изслѣдователи нашихъ сельско-хозяй-

*) Въ горахъ, говоритъ г. Красницкій, выгонныя мѣста составляли общую собственность цѣлаго общества или одного аула. Такой порядокъ поземельнаго владѣнія, замѣчаетъ онъ, встрѣчается подчасъ и теперь. См. Кавказъ, 1865 г., № 33.

ственныхъ порядковъ упускаютъ изъ виду, что въ такомъ фактѣ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ пережитокъ, какъ уцѣлѣвшую черту нѣкогда присущаго этимъ землямъ характера общинной собственности. Въ Осетіи только небольшое число расположенныхъ въ горахъ пахатныхъ участковъ, каждый разъ тщательно огораживаемыхъ камнями или заборами впервые обращающимъ ихъ подъ обработку дворомъ, не подлежатъ общинному выпасу,—далеко, впрочемъ, не всегда, а только въ случаѣ пользованія ими, какъ пастбищемъ для домашняго скота, что, разумѣется, возможно только подъ условіемъ близости ихъ къ усадьбѣ. Всѣ же остальные, послѣ уборки хлѣба и сѣна, поступаютъ въ общинное пользованіе и остаются въ немъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время весенней пахоты, и собственники не вступятъ снова въ исключительное обладаніе принадлежащими имъ участками.

Общественный характеръ, какимъ на ряду съ землевладѣніемъ, отличалось и сельско-хозяйственное производство, проникалъ и въ область потребленія. Не далѣе, какъ въ 50-мъ году авторъ Записокъ объ Осетіи считалъ возможнымъ внести въ свои любопытныя замѣтки и слѣдующую интересную подробность. Каждый Осетинъ, нуждающійся въ сѣнѣ, воленъ брать его изъ любаго стога. Такое пользованіе возможно было, однако, лишь подъ условіемъ установленія извѣстныхъ правилъ, цѣлью которыхъ было введеніе его въ извѣстныя границы и устраненіе возможности злоупотреблять имъ со стороны наиболѣе зажиточныхъ лицъ, т. е. владѣльцевъ большихъ стадъ. Правила эти явились

какъ бы дополненіемъ къ тѣмъ, которыя опредѣляли порядокъ общиннаго пользованія угодьями. Послѣднее наступаетъ, какъ мы видѣли, не ранѣе уборки хлѣба и сѣна и продолжается до наступленія весны. Съ весною, благодаря поступленію земель подъ обработку, скотъ остается безъ корма; необходимо доставить ему послѣдній, но средствомъ къ тому, пока не подрастетъ трава на пастбищахъ, можетъ быть только прокормъ его сѣномъ. Вотъ почему съ этого только времени допускается общественное пользованіе стогами, причемъ каждому предоставляется брать то количество сѣна, въ какомъ онъ нуждается. „Когда голосъ кукушки начнетъ оглушать лѣса, оповѣщая о наступленіи весны, говоритъ авторъ Записокъ объ Осетіи, каждый Осетинъ, нуждающійся въ сѣнѣ, воленъ брать его изъ любаго стога; но, если онъ, не дожидаясь крика кукушки, стянетъ у сосѣда клокъ сѣна, то платитъ за него въ три-дорога“ *).

Аграрный коммунизмъ, отличавшій собою нѣкогда родовыя сообщества Осетинъ, доселѣ присущъ ихъ семейнымъ общинамъ. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, говоритъ г. Пфафъ, ведется общественное хозяйство, жатва принадлежитъ всему обществу. Пользованіе запасами происходитъ въ формѣ заготовленія пищи для всѣхъ жителей двора и раздачи каждому изъ его членовъ продуктовъ общей пряжи и тканья. Въ другихъ дворахъ общинное пользованіе успѣло уже уступить мѣсто частному. Принадлежащая

*) Газ. Кавказъ, 1850 г. № 94.

имъ земля ежегодно дѣлится между составляющими ихъ семьями; каждая воздѣлываетъ свою часть и беретъ себѣ всецѣло получаемый съ нея урожай *).

Тогда какъ земельная собственность все еще носитъ въ Осетіи, какъ видно изъ сказаннаго, черты родовой, — собственность на усадьбу и ея составныя части распредѣляется уже между дворомъ, какъ цѣлымъ, и входящими въ составъ его малыми семьями.

Сравнительная исторія права указываетъ на то, что усадьба въ древнѣйшій періодъ исторіи не считалась недвижимой, а наоборотъ движимой собственностью, и что поэтому процессъ индивидуализаціи, начавшійся съ послѣдней, коснулся и усадьбы задолго до момента аппропріаціи земли въ частную собственность. Чтобы не умножать примѣровъ, я укажу только на фактъ господства такого именно воззрѣнія на усадьбу во многихъ памятникахъ древне-германскаго права **). Недалѣе какъ въ XVII в. такое воззрѣніе защищается еще тѣмъ соображеніемъ, что все подлежащее уничтоженію огнемъ по этой именно причинѣ и должно быть признано движимой собственностью ***). Этимъ воззрѣніемъ на

*) См. Сб. Св. о Кавказѣ, т. II, стр. 290.

**) См. Stobbe, Beiträge zur Geschichte des Deutschen Rechts, гр. 62 и слѣд.; а также его-же Hanabuch des Deuschen Privatrechts, т. I, стр. 523.

***) Berichten die Schöpfen, dass im Gericht Dreindenbach alle Läne, was die Fackel oder Brand hinweg nehmen, vor Fahrnis gehalten, und erkannt würde massen solches alt Herkommens: cbid стр. 523, прим. 10.

домъ, какъ на движимую собственность, только и можно объяснить причину, по которой, не разрѣшая захвата недвижимости, какъ состоящей въ общей собственности, древне-ирландское право въ то же время допускаетъ захватъ всего того, что можетъ быть унесено изъ составныхъ частей усадьбы *). Если хадзаръ или общая кухня и столовая, а также кунацкая, неизмѣнно считаются общей собственностью всего двора, то тѣ отдѣльныя пристройки, которыя дѣлаются къ общей саклѣ на случай вступленія въ бракъ отдѣльныхъ членовъ двора, считаются собственностью занимающей ихъ семьи и даже могутъ сдѣлаться со стороны ея предметомъ отчужденія. Этимъ объясняется возможность такихъ фактовъ, какъ указываемый Пфафомъ примѣръ принадлежности каждаго изъ трехъ этажей одного и того же дома различнымъ владѣльцамъ. Однохарактерное явленіе представляетъ намъ средне-вѣковое германское право, которое, въ отличіе отъ римскаго, не требовало въ этомъ случаѣ раздѣленія отдѣльныхъ частей дома вертикальной стѣной и допускало право частной собственности на отдѣльный этажъ и даже на отдѣльную комна-

*) См. Ancient-laws т. I, стр. 123, Senchus Mor'a, въ которой говорится о конфискаціи у неисправнаго плательщика истцомъ всего, что дѣлаетъ возможнымъ пріобрѣтеніе имъ хорошаго жилища (for providing him a proper house). Другіе примѣры воззрѣнія на жилище, какъ на движимость, можно найти у Зибера, въ его сочиненіи Первобытная экономическая культура.

ту *) Эта возможность отчужденія отдѣльныхъ частей дома, въ феодальную эпоху, съ момента соединенія съ собственностью политическихъ правъ повела къ тому, что лица занимавшія различные этажи и одного того же дома тянули къ разнымъ подсудностямъ, такъ какъ являлись, въ силу занятія ими каждымъ своего этажа, вассалами различныхъ феодальныхъ сеньеровъ, собственниковъ этихъ этажей **).

Хозяйственныя постройки, какъ общее правило, считаются достояніемъ всего двора; но ничто не мѣшаетъ, конечно, сооруженію частнымъ лицомъ, входящимъ въ его составъ, частной клуни или амбара на собственной его землѣ, или на землѣ, принадлежащей всему двору; въ послѣднемъ случаѣ, не иначе, какъ съ его согласія послѣдняго.

Переходя отъ недвижимой собственности къ движимой, мы и по отношенію къ ней должны установить извѣстныя различія: Не всѣ виды ея одновременно перестали быть предметами общей собственности, если не цѣлаго рода, то той вѣтви его, члены которой жили совмѣстно въ одномъ дворѣ. Мнѣніе, что движимая собственность исконно составляла

---

*) Ez soll nicht mehr, vie früher es oft geschehen,—постановляетъ Frankfurter Reformation,—ein Haus inter mehrere Erbe in der Veise geteilt verden, dass einem theyl unden der Käller, dem andern das erst, viederumb dem andern das zveyt oder Oberst Stockverk". См. Stobbe, Handbuch des deutschen Pri. vatrechts, т. II, стр. 56, 57

**) См. Boutaric, Les origines de la feodalité en France, глава объ иммунитетахъ.

предметъ частнаго присвоенія, не выдерживаетъ критики. Какъ этнографія, такъ и сравнительная исторія права не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такіе даже предметы, какъ пища или одежда—могли быть объектомъ общаго обладанія сожительствующихъ между собою малыхъ семей. Я имѣлъ уже случай обратить вниманіе на этотъ предметъ въ одномъ изъ прежнихъ моихъ сочиненій, и тѣ факты, какіе были приведены мною въ обоснованіе такого взгляда, въ послѣднее время значительно восполнены цѣлымъ рядомъ новыхъ примѣровъ, трудолюбиво подъисканныхъ г. Зиберомъ. Въ тѣхъ главахъ его сочиненія, которыя посвящены вопросу объ общей охотѣ, собранъ обильный матеріалъ для всесторонняго обоснованія той мысли, что примѣненіе общаго труда вело въ такой же мѣрѣ къ установленію общей собственности на движимость, какъ и на недвижимость, и что поэтому мясо и мѣхъ убитаго сообща звѣря принадлежали всей совокупности охотившихся на него семей. Къ такимъ же заключеніямъ приводитъ и изученіе тѣхъ порядковъ, какихъ придерживаются народы-рыболовы при уловѣ кита и большой морской рыбы. Результаты улова поступаютъ въ общую собственность всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе *).

Война, т. е. охота на людей, очевидно, ранѣе всѣхъ другихъ начинаетъ требовать затраты общаго

*) См. факты, сообщенные на этотъ счетъ Рашкомъ; The folktales of the Eskimo или передачу ихъ у Ковалевскаго: Общинное Земл., гл. I.

труда, а потому и результаты ея, т. е. добыча, будетъ ли ею скотъ, рабы или рабыни, становится предметомъ общаго присвоенія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что если можно говорить о такихъ предметахъ, которые на первыхъ же ступеняхъ общественности являются исключительно объектами частной собственности, то развѣ только объ оружіи, какъ неразрывно связанномъ съ примѣненіемъ къ его пріобрѣтенію личнаго труда. Но этимъ оружіемъ, какъ хорошо извѣстно, являются необдѣланные на первыхъ порахъ куски камня или кости, представляющіеся въ такомъ изобиліи, что присвоеніе ихъ всякимъ, нуждающимся въ нихъ, не можетъ встрѣтить препятствій или вызвать собою какія-либо столкновенія. Мы вправѣ сказать, поэтому, что древнѣйшей исторіи имущественныхъ отношеній не чуждо начало общинной собственности въ примѣненіи не только къ недвижимости, но и къ движимости. Но, говоря это, мы не хотимъ сказать, что современная этнографія или исторія права встрѣчается съ такими народностями, у которыхъ вовсе нельзя отмѣтить факта существованія индивидуальной собственности, а только то, что въ правѣ этихъ народностей сохранились переживанія того древнѣйшаго періода, при которомъ предметы первой необходимости, каковы пища и одежда, какъ пріобрѣтенныя общимъ трудомъ, составляли поэтому и общую собственность.

Такъ какъ нельзя, однако, допустить эпохи, въ которой, на ряду съ общей охотой на крупнаго звѣря, или совмѣстнымъ походомъ на врага, не встрѣчалось-бы примѣненія чисто-индивидуальнаго

труда при погонѣ за мелкой дичью, или при уловѣ рѣчной рыбы, а также при совершеніи наѣздовъ на чужеродцевъ, то не удивительно, если, на ряду съ общей собственностью, мы встрѣчаемся съ древнѣйшихъ временъ и съ зародышами частной, въ формѣ присвоенія каждымъ охотникомъ, рыболовомъ или воиномъ продуктовъ его личнаго труда. Послѣднее правило далеко не является, впрочемъ, столь неограниченнымъ, какимъ оно казалось мнѣ прежде, и какимъ продолжаетъ считать его г. Зиберъ. Живя общею жизнью со своими единокровными, все ровно, будутъ-ли ими материнскіе родственники, или родственники со стороны отца, получая отъ нихъ жилище, одежду, пищу, частный охотникъ, рыболовъ или воинъ, тѣмъ самымъ призванъ дѣлиться съ ними всѣми продуктами своего личнаго труда. Этой зависимостью каждаго отъ того кровнаго союза, въ средѣ котораго онъ проводитъ свою жизнь, объясняется причина, по которой непотребленные на мѣстѣ продукты личной охоты поступаютъ въ общее обладаніе всего двора, и малѣйшее уклоненіе отъ такого обязательнаго дѣлежа считается обычаемъ нарушеніемъ имущественныхъ правъ семейной общины, своего рода воровствомъ, понимая этотъ терминъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какой связывали съ furtum древніе Римляне.

Рѣшительное подтвержденіе всѣмъ высказаннымъ взглядамъ, и въ частности послѣднему, даетъ намъ и осетинское обычное право. Доставшіеся отъ предковъ ружья и старые клинки, доселѣ считаются въ Осетіи общимъ достояніемъ всей семьи и предо-

ставляются только въ частное пользованіе отдѣльнымъ ея сочленамъ. Самая одежда доставляется каждому его дворомъ. Слѣдующее описаніе обычаевъ, какихъ въ этомъ отношеніи придерживаются наши казацкія общины, вполнѣ приложимо и къ Осетинамъ. Матерьялъ для пряжи и тканья, говоритъ г. Харузинъ, раздаетъ женщинамъ старшая сноха или свекровь „паюшками“ со словами: „на вотъ тебѣ съ мужемъ“. Даютъ не по равной части, по той женщинѣ больше, у которой больше дѣтей *). Если матерьялъ для одежды доставляется дворомъ, то изготовленіе бѣлья, верхней одежды, шапки и другихъ принадлежностей туалета—падаетъ на обязанность жены, одинаково въ Осетіи и на Дону.

Приготовленіе пищи на общей кухней обыкновенно по очереди замужними женщинами одного и того-же двора, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ потребленіе сообща мяса убиваемаго охотниками звѣря. Такъ какъ уводъ чужаго скота является не болѣе, какъ однимъ изъ видовъ охоты, то и получаемая отъ него добыча считается собственностью всего двора, въ болѣе же отдаленную эпоху—и всего рода. Въ послѣднемъ убѣждаютъ насъ народныя сказанія Осетинъ, ихъ богатырскія или нартскія былины. Выводимые въ нихъ герои: Хамицъ, Созруко, Урызмагъ и другіе—сплошь и рядомъ дѣлятся со всѣмъ своимъ родомъ загнанными ими стадами. Для примѣра приведу слѣдующее сказаніе о старѣйшемъ изъ нихъ, Урызмагѣ. Возвращается онъ изъ годоваго балца.

*) Харузинъ, Свѣд. о казацкихъ общинахъ, стр. 226.

т. е. богатырскаго наѣзда на сосѣднія племена, и приказываетъ тотчасъ-же подѣлить загнанныя имъ стада по числу дворовъ. Когда дѣлежъ былъ оконченъ, Урызмагъ, продолжаетъ сказаніе, роздалъ партамъ всю свою добычу, оставивши себѣ равную съ прочими долю и сверхъ того лучшаго быка *). Такой-же равный дѣлежъ, согласно преданію, имѣлъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда добычею являлся не скотъ, а женщины. Въ сказаніи о Кауербекѣ мы находимъ на этотъ счетъ слѣдующія любопытныя данныя. Пока продолжается балцъ или отлучка Кауербека съ цѣлью добычи у непріятеля, во дворѣ отца, его подымаются нескончаемыя ссоры и несогласія. Старѣйшина во дворѣ и его братъ, а также оба оставшіеся въ домѣ сына—каждый день спорятъ между собою изъ за того, кому достанутся забранныя въ плѣнъ дѣвушки. Но вотъ Кауербекъ, дивнымъ образомъ исцѣленный отъ ранъ, нанесенныхъ ему братьями, возвращается въ родное пепелище, и первымъ дѣломъ по возвращеніи, раздать невѣстъ дядьямъ и братьямъ, согласно желанію каждаго. Недоставало невѣсты для отца, и партъ отправляется въ новый походъ и привозитъ изъ него ненаглядную красавицу, которую и отдаетъ въ жены своему родителю **).

То же начало личной принадлежности каждаго

---

*) См. Народныя сказанія кавказскихъ горцовъ Джантеміра Шапаева, в. III, Сб. св. о Кавк. Горцахъ, стр. 21.

**) Сб. св. о Кав. Горцахъ, вып. 9-й, сказаніе о Кауербекѣ, стр. 60 и слѣд.

отдѣльнаго индивида къ извѣстной семьѣ и роду имѣетъ своимъ послѣдствіемъ примѣненіе ко всѣмъ личнымъ заработкамъ того-же требованія о передачѣ ихъ въ общую казну, какое мы встрѣчаемъ на первыхъ порахъ по отношенію къ продуктамъ охоты и военной добычи. Въ памятникахъ древне-арійскаго права, и въ частности въ индусскихъ и кельтическихъ, какъ и въ обычаяхъ современныхъ намъ южныхъ Славянъ и Великороссовъ,—встрѣчаются уже многочисленныя исключенія изъ этого правила. Англо-индусскіе суды различаютъ, напр., сдѣланы-ли личныя пріобрѣтенія, благодаря содѣйствію личнаго капитала, или нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ освобождаютъ пріобрѣтателя отъ необходимости дѣлежа съ семьею. Согласно этому, индусскіе своды признаютъ личной собственностью браминовъ тѣ платежи, какіе дѣлаютъ въ ихъ пользу ученики, а также всѣ получаемые ими подарки, такъ какъ видятъ въ нихъ личный заработокъ, сдѣланный независимо отъ семейнаго капитала, путемъ занятія педагогической или религіозной дѣятельностью. На томъ-же основаніи тѣ-же своды включаютъ въ число предметовъ частной собственности захваченную у непріятеля кшатріемъ добычу и освобождаютъ воина отъ обязательства дѣлиться ею съ своими родственниками и однодворцами. Въ свою очередь, англо-индусскіе суды, примѣняя ту-же точку зрѣнія къ вызываемымъ жизнью новымъ: непредвидѣннымъ закономъ случаямъ, освобождаютъ, напримѣръ, танцовщицу отъ необходимости отдавать семьѣ получаемое ею жалованье, разъ ей удастся

доказать, что своему искуству она обучилась безъ помощи семейнаго капитала *).

Въ юго-славянскомъ правѣ захваченное воиномъ оружіе, какъ и получаемые священникомъ подарки, считаются уже личной собственностью, которой онъ не обязанъ дѣлиться ни съ кѣмъ **); но такіе порядки далеко не могутъ быть признаны древнѣйшими. Въ старые годы, говоритъ недавній изслѣдователь юго-славянскаго права, Фридрихъ Краузъ, отдѣльные члены двора не имѣли частной собственности: все, пріобрѣтаемое частнымъ лицомъ, становилось общимъ имуществомъ. Терминъ „особина", которымъ въ настоящее время обозначается частная собственность, въ прежніе годы обозначалъ лишь личныя качества или особенности того или другаго лица ***).

На мѣсто старыхъ порядковъ, по которымъ всѣ заработки поступали въ общую казну, явились новые, довольно однохарактерные съ тѣми, какіе мы встрѣчаемъ въ средѣ древнихъ Индусовъ. Сдѣланный на сторонѣ заработокъ, будетъ-ли имъ платежъ за требы или торговый барышъ, поступаетъ въ пользу частнаго лица въ томъ случаѣ, если предпринятый трудъ—результатъ его личнаго выбора. Вотъ почему, оставившій семью, по приказанію до-

*) Mayne, Hindu-law and Usage, глава о house community.

**) Demelic, e droit coutumier des Slaves mèridionaux d'après l'ouvrage de m-r Bogisi, отд. о семейной общинѣ.

***) Sitte und Brauch der süd Slaven, von d-r Friedriech Kraus, 1885 г. стр. 107.

мачина или главы семейной общины ради имущественныхъ пріобрѣтеній, передаетъ послѣдней всѣ свои заработки; напротивъ того, тотъ, кто ушелъ на отхожій промыселъ по собственной волѣ, ничего не обязанъ передать двору. На томъ же основаніи, подарки, дѣлаемые священнику по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ, поступаютъ исключительно въ его пользу. Но та сумма, которую онъ взимаетъ съ жителей, какъ жалованье, принадлежитъ всему двору. Очевидно, имѣется въ виду, что семейная община вправѣ регулировать занятія каждаго изъ ея членовъ, и что тотъ изъ нихъ, который поступитъ въ священники, можетъ сдѣлать это лишь съ ея согласія, на пользу не одному себѣ, но и всему двору.

Въ велико-русской семьѣ споры изъ за дѣлежа приносимыхъ коробейниками и прасолами заработковъ, и частое желаніе ихъ удержать послѣдніе всецѣло въ своихъ рукахъ—являются, какъ хорошо извѣстно, одной изъ причинъ семейныхъ раздѣловъ; предпочитаютъ отдѣлиться, чтобы удержать за собою неограниченное право на личные заработки. Въ казацкихъ общинахъ, какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ на этотъ счетъ г. Харузинымъ, при полномъ господствѣ еще начала семейнаго коммунизма, уже встрѣчается фактъ присвоенія женщинами въ свою пользу денегъ, получаемыхъ ими отъ продажи собственной пряжи. Во время зимы, говоритъ г. Тимошенковъ, шерсть прядутъ, ткутъ сукно и продаютъ затѣмъ все это гдѣ-нибудь на ярмаркѣ. Деньги вырученныя такимъ образомъ, —

„суконныя деньги“, женщины затрачиваютъ по собственому выбору *).

Исключеній, однохарактерныхъ съ перечисленными нами, осетинское право до эпохи чужеземныхъ воздѣйствій совершенно не знало. Военнополѣнный становился рабомъ всего двора; продукты его труда, какъ и труда женщинъ—единственныхъ работниковъ въ семьѣ, — поступали въ общую казну **). Г. Пфафъ ошибается, говоря о военной добычѣ, какъ о предметѣ, искони поступавшемъ въ частную собственность. Я показалъ уже выше, что въ народныхъ сказаніяхъ еще сохранилась память о совершенно иныхъ порядкахъ. Справедливо только одно, что нѣкоторые виды этой добычи, наряду съ нѣкоторыми изъ продуктовъ охоты, ранѣе всего сдѣлались предметами индивидуальнаго присвоенія. Такими надо считать найденное на врагѣ оружіе—шашку, кинжалъ, ружье, рога оленей и туровъ, пожалуй также, ихъ шкуры. Указаніе на послѣднее даютъ намъ уцѣлѣвшіе доселѣ обычаи общей охоты. При производствѣ послѣдней, каждый охотникъ беретъ себѣ только рога и шкуры убитыхъ имъ животныхъ; остальное-же составляетъ общую собственность всѣхъ охотниковъ, которые поэтому имѣютъ въ ней равныя доли. Возможность утилизаціи перечисленныхъ мною вещей одновременно только однимъ человѣкомъ и сдѣлалось, несомнѣнно, причиной тому, что съ

*) Св. о казацкихъ общинахъ на Дону, Харузина, стр. 225.
**) Ср. Пфафъ, стр, 292.

нихъ начался процессъ индивидуализаціи. Если въ настоящее время учитель и священникъ обыкновенно удерживаютъ за собою результаты своихъ личныхъ заработковъ, то объясняется это тѣмъ, что, какъ общее правило, тотъ и другой не живутъ сообща съ родственниками, не ведутъ съ ними одного хозяйства, и, какъ отдѣленные отъ двора, пользуются тою свободою распоряженія, какую обычай гарантируетъ всѣмъ выдѣлившимся изъ семьи членамъ.

Мы разсмотрѣли пока лишь ту сторону имущественныхъ отношеній, которая обнимается понятіемъ общей или нераздѣльной семейной собственности. Намъ остается перейти въ настоящее время къ изученію отдѣльныхъ проявленій частно-правоваго начала, указать источникъ и самый процессъ зарожденія индивидуальной собственности. По отношенію къ движимой собственности намъ остается прибавить лишь нѣсколько частностей къ тому, что уже сказано было нами выше. Имѣя своимъ исходнымъ началомъ принципъ родоваго и семейнаго общенія, собственность на движимость развивается не благодаря одному лишь процессу раздѣленія труда въ предѣлахъ кровныхъ сообществъ, какъ ошибочно думаетъ г. Зиберъ, а по мѣрѣ паденія въ средѣ родственниковъ сознанія ихъ кровнаго единства. Дѣлая мнѣ упрекъ въ томъ, что я лишь на нисшихъ ступеняхъ развитія признаю источникомъ частной собственности примѣненіе личнаго труда и не слѣжу за постепенной индивидуализаціей имущественныхъ правъ, по мѣрѣ дифференцированія занятій, г. Зиберъ по моему со-

вершенно упускаетъ изъ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что продукты личнаго труда поступали въ общую собственность, а слѣдовательно вліяніе указываемаго имъ фактора могло сказаться не раньше, какъ послѣ упадка кровнаго начала, т. е. не ранѣе того момента, когда въ отдѣльныхъ членахъ семейной общины проявилось стремленіе къ выдѣленію изъ нея, къ обособленію. Только тѣ виды пріобрѣтаемыхъ личнымъ трудомъ цѣнностей, которые по самой своей природѣ не допускаютъ утилизаціи ихъ иначе, какъ на индивидуальномъ началѣ, являются, какъ мы видѣли, предметами частной собственности. Моя ошибка состоитъ не въ томъ, что я недостаточно выяснилъ соотношеніе между процессомъ раздѣленія труда и процессомъ индивидуализаціи имуществъ, а наоборотъ въ томъ, что я придалъ слишкомъ большое значеніе началу личнаго труда, какъ фактору частной собственности. Иллюстрируя мою мысль примѣромъ посаженныхъ кѣмъ-либо деревьевъ, на которыя съ самаго начала возникала исключительно частная собственность посадившаго ихъ лица, я, къ сожалѣнію, сдѣлалъ невѣрный выводъ изъ того положенія, по которому посаженное дерево въ древнемъ правѣ не считалось принадлежностью земли и поэтому собственностью того, кто владѣетъ ею, а приравниваемо было къ движимости. Но если это положеніе неоспоримо, если въ доказательство ему, сверхъ приведенныхъ мною фактовъ, можно сослаться еще на примѣръ древнегерманскаго права *), и, на ряду съ деревьями,

*) См. Stobbe, т. II, стр. 59.

поставить также хлѣбные злаки, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы деревья и вообще растенія, какъ движимость, не могли-бы сдѣлаться собственностью всей семейной общины, а не одного посадившаго или посѣявшаго ихъ лица. Семейное пользованіе деревьями и урожаями—явленіе обще-распространенное, и, если-бы не ошибочное отождествленіе движимости съ частной собственностью, я бы избѣжалъ этой, несомнѣнно весьма грубой ошибки, повторяемой за мною и г. Зиберомъ.

Трудовое начало, въ которомъ со временъ Локка привыкли видѣть источникъ происхожденія частной собственности, такимъ образомъ, даже въ сферѣ движимыхъ имуществъ является способомъ установленія собственности только подъ условіемъ освященія частной аппропріаціи согласіемъ заинтересованныхъ лицъ—членовъ семейной общины или одно-дворцевъ.

Изъ всѣхъ приверженцевъ трудовой теоріи, одинъ основатель ея, повидимому, недалекъ былъ отъ той мысли, что одного труда недостаточно для установленія частной собственности. Индивидуальную аппропріацію онъ допускаетъ только подъ однимъ условіемъ, чтобы присваяемыхъ предметовъ въ наличности было-бы не болѣе того, сколько необходимо для удовлѣворенія личныхъ потребностей того лица, которое обратилось къ ихъ завладѣнію. Это ограниченіе, совершенно упускаемое изъ виду популяризаторами Локкова ученія, и въ числѣ ихъ Тьеромъ,—то самое, какое дѣлается древнимъ правомъ. Въ эпоху, предшествующую развитію обмѣна, при невозможности сохраненія

произвольнаго числа накопленныхъ запасовъ, въ виду ихъ истребляемости отъ времени, обращеніе въ частную собственность всего засѣяннаго кѣмъ либо хлѣба, или всѣхъ собранныхъ кѣмъ либо плодовъ—является безполезнымъ, такъ какъ они не поступаютъ на рынокъ и подлежатъ порчѣ. Иное дѣло оружіе ограбленнаго врага, или шкуры убитыхъ животныхъ, насколько тѣ и другія служатъ личнымъ потребностямъ. Отсюда первоначальное присвоеніе ихъ человѣкомъ задолго до индивидуализаціи другихъ видовъ движимостей.

Примѣненіе личнаго труда выставляется обыкновенно ближайшею причиной возникновенія собственности не только на движимость, но и на землю. Заимка, подъ какимъ-бы именемъ мы ее ни встрѣчали, римской-ли occupatio, германскаго-ли bifang'a или его латинскаго синонима экзарта или novale (neubruch)—обыкновенно считается древнѣйшимъ объектомъ частной недвижимой собственности. И это положеніе должно быть признано ошибочнымъ. Если охота, съ ея двойнымъ характеромъ—войны съ звѣрями и людьми—на низшихъ ступеняхъ гражданственности производится совокупнымъ трудомъ членовъ одного и того-же сообщества—родоваго или семейнаго, понимая подъ послѣднимъ цѣлый дворъ или семейную общину, то утилизація земли, какъ пастбища или какъ пахоти—отнюдь не начинается въ формѣ примѣненія къ ней личнаго труда. Все, что извѣстно намъ о бытѣ пастушескихъ или земледѣльческихъ народовъ, въ одно слово говоритъ о коллективномъ трудѣ кровныхъ, позднѣе сосѣдскихъ сообществъ. Примѣръ европейскихъ піоне-

ровъ въ Америкѣ, приводимый обыкновенно въ доказательство тому, что начало частному землевладѣнію кладется личной обработкой земли, далеко не убѣдителенъ, такъ какъ эти піонеры не иные кто, какъ выходцы изъ такой общественной среды, которую отнюдь нельзя уже назвать первобытной. Ссылки же на библейскіе примѣры Авраама и Лота такъ-же мало могутъ быть признаны научными доказательствами, какъ и утвержденіе происхожденія человѣческаго рода отъ одной пары, подкрѣпляемое свидѣтельствами книги Бытія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, мы одинаково имѣемъ дѣло съ поздней записью народныхъ преданій. Историческія-же свидѣтельства, дошедшія до насъ о Германцахъ и Кельтахъ, какъ и описанія путешественниками быта современныхъ варварскихъ народностей,—сходятся между собою въ утвержденіи, что разведеніе стадъ и производство посѣвовъ было занятіемъ, производимымъ сообща бо́льшими или меньшими группами родственниковъ, gentes et cognationes hominum, употребляя освященное Цезаремъ выраженіе. При занятіи почвы подъ пастбища и нивы цѣлыми родами и ихъ развѣтвленіями, не могло зародиться понятія пустопорожности, а, слѣдовательно, не могло возникнуть условій, благопріятныхъ частной заимкѣ. Невозможная сама по себѣ, въ виду необходимости бороться съ природой совокупными усиліями, частная заимка была немыслима, такимъ образомъ, еще и потому, что, при занятіи сравнительно экстензивными видами труда, каковы охота и рыбная ловля, позднѣе скотоводство,—племена и роды заявляли пра-

во собственности на обширные земельные округа, далеко не состоявшіе въ ихъ фактическомъ обладаніи, но потому самому далеко еще не пустопорожніе. При такихъ условіяхъ неудивительно, если occupatio древнѣйшаго права является не столько частной, сколько родовой, не столько земледѣльческой, сколько военной заимкой. Роды и ихъ подраздѣленія владѣли всею тою земельною площадью, какую они защищали силою оружія. Но въ такомъ случаѣ, возможна-ли та первоначальная свобода заимокъ, о которой говорятъ нѣкоторые историки права? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ титулъ собственности всегда былъ въ рукахъ того или другаго кровнаго соединенія: семейной общины, рода или племени. Знакомство съ современными порядками русскаго землевладѣнія, съ процессомъ выселенія міромъ отдѣльныхъ семей въ отдаленные участки мірскихъ владѣній и основанія выселенцами хуторовъ на мірской землѣ, отнынѣ поступающей въ ихъ частную собственность — бросаетъ, какъ намъ кажется, яркій свѣтъ на источникъ древней заимки. Она происходитъ не на пустопорожней землѣ, а на родовой, и не по выбору частнаго лица, а съ согласія рода. Это не первичная форма землевладѣнія, а производная, и что такое различіе не чисто теоретическое, а связанное съ весьма существенными практическими результатами, ясно слѣдуетъ изъ того, что, разъ нѣтъ согласія міра, согласія, хотя бы не явно выраженнаго, а молчаливаго, проявляющагося въ отсутствіи протеста съ его стороны, право собственности отнюдь не пріобрѣтается заимщикомъ. Употребляя терминъ dominium или pro-

prietas въ примѣненіи къ землѣ, пріобрѣтенной частнымъ трудомъ, или, по выраженію нѣкоторыхъ алеманскихъ грамотъ, потомъ, sudore *) древне-германскіе источники такъ-же часто упоминаютъ объ оспариваніи права собственности на такія заимки марками или общинами, вѣрнѣе дѣйствующими отъ ихъ имени чиновниками или вступившими въ ихъ права феодальными сеньерами. Въ древнѣйшихъ монастырскихъ грамотахъ говорится уже о предоставленіи права на экзартъ in silva communi, т. е. въ общинномъ лѣсу тѣмъ или другимъ графомъ или бургграфомъ, а также объ отсутствіи omni contradictione, всякаго противорѣчія, какъ необходимаго условія для того, чтобы пріобрѣсти право собственности на заимку **). Если въ большинствѣ древнихъ актовъ, упоминающихъ о заимкѣ, согласіе на нее выступаетъ только въ отрицательной формѣ отсутствія протеста, если право занимать участки лѣса подъ обработку (stirpare) признается феодальными сеньерами общимъ правомъ всѣхъ поселен-

*) Въ грамотахъ С. Галленскаго аббатства VIII и IX в.в. довольно часто встрѣчаются выраженія: quod loboravi, или quod sudore acquisivi. Wartmann, Urkundenbuch der Abtei. St. - Gallen. т. I.

**) .... et sibieam suaeque uxori absque omni contradictione apprehendit, sicut mos erat et est sommunem silvam de legitimis curtiferis apprehendere – et in potestatem sui juris tam populari more, arborum scilicet incisione ignium ustione domorumque edificatione, quam trium dierum in eodem loco, quod hereditario jore hereditatem retinere mos est, sessione vindicavit. См. Georg Besseler, der Neubruch nach dem älteren deutschen Recht, стр. 11 и 12 , прим. 9 и 13.

цевъ, видомъ общиннаго пользованія, то объясняется это ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что слабая пустота населенія и обширность лѣсной площади дѣлали излишнимъ особенно бдительный контроль за тѣмъ, чтобы права общинъ неподвергаемы были грубому нарушенію со стороны частныхъ заимщиковъ. Съ увеличившейся плотностью населенія, феодальные сеньеры и правители, наоборотъ, стали строго преслѣдовать такія заимки и вынуждать лицъ, прибѣгающихъ къ нимъ, къ производству въ ихъ пользу особыхъ платежей, или полученію на передъ открытаго согласія съ ихъ стороны *).

Съ такимъ характеромъ дозволенной родами или сельскими общинами заимки выступаетъ передъ нами частная собственность на землю и въ средѣ Осетинъ. Если согласіе не было дано, и хуторъ основанъ произвольно на аульной землѣ, общество нерѣдко въ полномъ составѣ приступаетъ къ разоренію возведенныхъ уже построекъ и къ захвату всей собственности заимшика, какъ лица, незаконно присвоившаго себѣ чужое. Примѣръ такого „потока и разграбленія“, употребляя терминъ Русской Правды, я встрѣтилъ въ бумагахъ Терскаго областнаго Управленія за 1876 г. Въ Мохческомъ приходѣ нѣкто по имени Елканъ Тевитовъ изъ села Каматъ позволилъ себѣ вырубить часть общественнаго лѣса и выстроить хуторъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ, какъ видно изъ документовъ, раньше этого не было постоянныхъ усадебъ. По-

*) Stobbe, т. II, стр. 161.

слѣдствіемъ такого поступка съ его стороны было то, что значительное число жителей аула, дѣйствуя отъ имени всего общества, отправилось на занятый имъ участокъ, раззорило до основанія сдѣланныя имъ постройки и присвоило себѣ вырубленныя имъ деревья. Основаніемъ къ такому поступку участвовавшія въ немъ лица приводятъ то соображеніе, что лѣсъ былъ общественный, и что Тевитову не было дано согласія на заимку *).

Только господствомъ такого воззрѣнія на заимку, какъ на дѣйствіе, каждый разъ разрѣшаемое предварительно родами и общинами, только признаніемъ за послѣдними титула собственности на всю способную къ утилизаціи, но не утилизируемую ими землю—объясняется причина, по которой Осетины въ настоящее время, какъ общее правило, не знаютъ другаго способа пріобрѣтенія ея, кромѣ покупки, и нерѣдко соглашаются въ гористыхъ мѣстностяхъ на плату за участокъ способной къ обработкѣ земли такого числа быковъ или коровъ, сколько можетъ помѣститься на отчуждаемомъ полѣ. Если-бы въ Осетіи было извѣстно право заимки всей, не состоящей въ эксплоатаціи земли, если-бы пригодные къ хлѣбопашеству пастбищные участки могли быть за-

*) Хутора еще никогда не существовало въ томъ мѣстѣ, читаю я въ указанномъ документѣ, а были балаганчики, которые Тевитовъ построилъ, вырубая лѣсъ нашего общества; а потому желая забрать лѣсъ, какъ свою собственность, нѣсколько человѣкъ отъ лица всего общества пошли и раззорили ихъ.—Дѣла Терскаго областнаго Управленія по судному столу за 1876 г.

няты каждымъ нуждающимся въ нихъ пахаремъ, то явленія, однохарактерныя съ только что указанными, были-бы немыслимы. Между тѣмъ, на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ факты выселенія цѣлыхъ семействъ изъ далеко не густо заселенныхъ ущелій. въ виду невозможности получить нужное для пропитанія количество злаковъ. Ореографическія условія, затрудняя доставку хлѣба со стороны, побуждаютъ къ занятію хлѣбопашествомъ, хотя-бы въ убытокъ, а господство родовой и общинной собственности на участки, которые въ западно-европейскихъ представленіяхъ отвѣчали-бы понятію пустопорожнихъ, не допускаетъ утилизаціи и половины тѣхъ земель, которыя съ успѣхомъ могли-бы быть обращены подъ посѣвы. При такихъ условіяхъ, очевидно, нѣтъ другаго исхода, кромѣ выселенія. Этой потребности значительно удовлетворило основаніе новыхъ ауловъ русскимъ правительствомъ въ плоскостной части сѣвернаго Кавказа. Но съ тѣхъ поръ. какъ признано общее владѣніе всей Кабарды на земли, расположенныя въ промежуткахъ между ея аулами, не осталось болѣе и свободныхъ мѣстъ для выселенія. Половина земли лежитъ неутилизированной, и въ то-же время приходится говорить не только о малоземельи, но и о совершенномъ отсутствіи свободной къ занятію земли. Число мало— и безземельныхъ возрастаетъ, такимъ образомъ. съ каждымъ поколѣніемъ, а переселеніе ихъ становится немыслимымъ, и все это, благодаря тому. что въ сферѣ землевладѣнія русское правительство не сочло возможнымъ ввести какихъ-либо ограниченій по отношенію къ принципу, появленіе кото-

раго вполнѣ объясняется условіями пастушескаго быта, какимъ въ старое время жило большинство горскихъ народностей, и который, при измѣнившихся условіяхъ культуры, ведетъ къ искуственному созданію малоземелья, не смотря на обширность не утилизированной площади и слабую густоту насенія.

Другихъ основаній къ пріобрѣтенію индивидуальной собственности на землю, и въ частности давностнаго владѣнія, осетинское право не знаетъ, какъ не знало его и древнее германское право, *) какъ не знаетъ его Русская Правда **) или обычаи древнихъ кельтовъ Ирландіи. Осетинамъ равно неизвѣстна—какъ земская, такъ и исковая давность, и это обстоятельство необходимо должно было наложить свою печать одинаково на ихъ имущественное и договорное право и повело въ области послѣдняго, въ частности, какъ мы увидимъ вскорѣ, къ безсрочности договоровъ, немыслимой въ наше время. Не считая владѣнія основаніемъ къ праву собственности, какъ бы продолжительно ни было оно, осетинское право не знаетъ той защиты его,

---

*) Stobbe, m. II. Die Ersitzung gehört nicht dem ursprünglichen deutschen Recht an, стр. 181.

**) Древніе русскіе законы, говоритъ Бѣляевъ, долго не признавали никакихъ правъ за давностью.—Русская Правда... не только не упоминаетъ о правѣ давности, но даже прямо отрицаетъ это право.—Въ законодательныхъ памятникахъ до XIV ст. мы не встрѣчаемъ извѣстій о правѣ давности. (См. Бѣляева, Какъ понимали давность въ разное время русское общество и русскіе законы, стр. 8 и 9).

какая была извѣстна древно-римскому праву, въ формѣ спеціально предоставляемаго преторомъ иска, или средне-вѣковому германскому, подъ наименованіемъ—gewere. Вообще осетинское право не знаетъ отличія собственности отъ владѣнія и допускаетъ отчужденіе или права собственности или права пользованія. Такъ, при установленіи залога, въ отличіе отъ современнаго намъ права, на должника переходитъ не право простаго владѣнія, а право собственности, связанное съ пользованіемъ и только ограниченное по отношенію къ распоряженію. Съ другой стороны, при сдачѣ земель въ аренду, обыкновенно въ формѣ половничества, уступается одно лишь право пользованія, такъ что, при нарушеніи правъ половника третьимъ лицомъ, защита ему можетъ быть дана только при вмѣшательствѣ собственника земли, такъ какъ судъ защищаетъ права одного только собственника и не входитъ въ разсмотрѣніе возможныхъ столкновеній между третьимъ лицомъ и пользователемъ изъ за временно состоящаго въ его рукахъ участка.

Какъ и въ большинствѣ средне-вѣковыхъ государствъ Европы, какъ и доселѣ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Осетіи одна близълежащая къ усадьбамъ земля способна служить пашней или сѣнокосомъ, составлять объектъ дворовой или частной собственности. Лѣса и степь, доставляющіе матеріалъ для топлива и служащіе для выгона скота, остаются въ нераздѣльномъ владѣніи всего чаще нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, въ былое время занятыхъ родственными семьями. Съ замѣной однообразнаго состава ихъ населенія смѣ-

шаннымъ, благодаря позднѣйшему поселенію бокъ о бокъ съ родственниками и чужеродцевъ, не прекратилось совмѣстное пользованіе дворами окружающей селенія нераздѣльной маркой. Исторія землевладѣнія на западѣ и въ Россіи представляетъ намъ аналогичные тому примѣры. Аллеманскія „геналогіи“ эти родовые по своему характеру союзы со временемъ, благодаря пріему въ свой составъ чужеродцевъ, уступаютъ мѣсто сосѣдскимъ или сельскимъ сообществамъ. Но этимъ ни мало не подрывается въ корнѣ то начало совмѣстнаго владѣнія аллмендою или, по нашему, общинными угодьями. которое, переживши средне-вѣковые порядки, продолжаетъ держаться и по настоящій день. Дитмаршенскіе роды (geslachts) также замѣняются со временемъ болѣе свободными и широкими видами сообществъ, въ основѣ которыхъ лежитъ уже сосѣдство, а не кровное родство. Но источники XV и XVI столѣтій еще продолжаютъ упоминать о нераздѣльномъ владѣніи пустошью и лѣсомъ составляющихъ ихъ дворовъ. Итальянскіе partecipanzi, родовой характеръ которыхъ доселѣ удержался въ кантонѣ Тессинъ, представляютъ собою уже сельскія сообщества—одинаково въ сѣверной и средней Италіи. Но участвующія въ нихъ семьи продолжаютъ владѣть общинными угодьями на прежнемъ началѣ нераздѣльности. Перенося область нашихъ наблюденій непосредственно въ наше отечество, мы на всемъ сѣверѣ Россіи встрѣчаемся съ господствомъ однохарактерныхъ владѣній въ формѣ той долевой общины, на происхожденіе которой изъ нераздѣльной семьи указано г-жею Ефи-

менко. У отдаленнѣйшей даже вѣтви арійскаго племени, среди раевъ сѣверо-западныхъ провинцій Индіи и Пенджаба, какъ и въ Бенгаліи и Мадрасѣ,—нераздѣльное владѣніе угодьями продолжаетъ оставаться имущественною связью развившихся изъ родовыхъ—сельскихъ поселеній. Такимъ образомъ, въ осетинскихъ порядкахъ мы видимъ не болѣе, какъ вопроизведеніе характерныхъ чертъ общаго всѣмъ арійскимъ народностямъ, да и не имъ однимъ,— архаическаго аграрнаго коммунизма, на первыхъ порахъ тѣсно связаннаго съ началомъ кровнаго единства, частью разрушеннаго еще ранѣе перехода родовой общины въ сосѣдскую, благодаря начавшимся семейнымъ раздѣламъ и возникновенію индивидуальной собственности на пахать и сѣнокосы, но доселѣ удержавшемуся въ формѣ совмѣстной эксплоатаціи, никѣмъ въ частности не утилизированной земли. Это общиное владѣніе угодьями принимаетъ въ Осетіи одновременно тѣ двѣ формы, въ которыхъ оно извѣстно одинаково въ Германіи и Россіи: нераздѣльнаго обладанія нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній и обособившейся общинной собственности отдѣльныхъ ауловъ. Такимъ образомъ, всѣ попытки установленія различія между „marke“, какъ болѣе широкимъ землевладѣльческимъ союзомъ, и gemeinde, какъ болѣе тѣснымъ между общиной-волостью и общиной-селомъ — могли-бы найти рѣшительное обоснованіе въ изученіи осетинской дѣйствительности. Господствующимъ видомъ общиннаго владѣнія—все еще продолжаетъ оставаться совмѣстная собственность всѣхъ дворовъ одного и того-же округа: Тагаурцы, Куртатинцы,

какъ и Алагирцы или Нара-Мамиссоновцы — владѣютъ общинными угодьями не по ауламъ; каждое изъ этихъ главныхъ подраздѣленій осетинскаго народа имѣетъ свою опредѣленную территорію, въ которой часть земли состоитъ въ собственности отдѣльныхъ дворовъ и семей, а остальная продолжаетъ оставаться въ общемъ обладаніи всѣхъ жителей, сколько-бы селеній ни занимали послѣдніе. Только въ плоскостныхъ, недавнихъ по своему происхожденію, искусственно выселенныхъ изъ горъ ауловъ, владѣніе угодьями ограничено территоріальными предѣлами общины. Но въ этомъ, очевидно, нельзя признать ничего типическаго, ничего характернаго для осетинскаго быта, такъ какъ прототипомъ этихъ искусственныхъ созданій русской администраціи служило чуждое Осетинамъ станичное устройство терскаго казачества. Только тамъ, гдѣ границы владѣнія указаны были самой природой, какъ, напримѣръ, въ расположенныхъ на южномъ склонѣ аулахъ Туальтцевъ общинное пользованіе рѣдко выходитъ за предѣлы того ущелья, среди котораго расположенъ самый аулъ. И въ этомъ отношеніи осетинскіе порядки являются иллюстраціей тѣмъ, какіе мы встрѣчаемъ въ землевладѣніи горскихъ поселенцевъ Европы. Ограниченность территоріальнаго протяженія марки, совпаденіе послѣдней съ сельскимъ округомъ въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, какъ и въ долинахъ Тироля—не имѣетъ другаго источника, кромѣ физическихъ препятствій, создаваемыхъ горами и ущельями.

Дошедшіе до насъ памятники средне-вѣковаго

законодательства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что съ усиливающейся густотой населенія, общинное пользованіе изъ не регулированнаго, какимъ оно является на первыхъ порахъ, становится регулированнымъ, т. е. принимаются мѣры къ тому, чтобы участіе каждаго двора въ немъ было по возможности равномѣрнымъ. Исторія швейцарскихъ альмендъ, французскихъ biens communaux, нѣмецкихъ gemeinde güter—одинаково указываетъ намъ на тотъ путь, какимъ достигнуто было такое уравненіе и устранена возможность эксплоатаціи общинныхъ угодій нарождающимся классомъ капиталистовъ. Основнымъ правиломъ въ большинствѣ общинъ упомянутыхъ нами странъ признано было то положеніе, что право въѣзда каждаго двора въ лѣсъ,—какъ и право выпаса имъ скота, должно быть ограничено его потребностями исключительно. Изъ этого общаго правила сдѣланы были послѣдовательно слѣдующіе частные выводы: 1) каждый дворъ можетъ высылать на общее поле только тотъ скотъ, который провелъ зиму въ его стойлахъ, чѣмъ, очевидно, устранялась возможность взятія чужаго скота на прокормъ въ лѣтнее время. 2) Въ общемъ лѣсу каждый дворъ вправѣ рубить столько деревьевъ, сколько нужно для постройки и для поправки собственнаго его жилища и собирать столько валежника, сколько нужно для отопленія во время зимы; этимъ, очевидно, устранялась возможность обогащенія отдѣльныхъ дворовъ путемъ продажи строительнаго матеріала или топлива на сторону.

Мы не нашли въ Осетіи ни того, ни другаго постановленія. Общинное пользованіе ничѣмъ не ре-

гулируется здѣсь, и этимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, объясняется фактъ быстраго истребленія лѣсовъ съ одной стороны,—и не менѣе быстраго развитія экономическаго неравенства—съ другой. Предоставленное самому себѣ, ничѣмъ не регулируемое, общинное пользованіе можетъ сдѣлаться такимъ же условіемъ для развитія крупныхъ состояній въ ущербъ мелкимъ, какъ и частное. Нѣмецкій grossbauer, какъ и русскій кулакъ, хотя и развились на почвѣ разныхъ условій, представляютъ собой тѣмъ не менѣе однохарактерный типъ. Непродолжительнаго даже пребыванія въ осетинскихъ аулахъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что этотъ типъ имъ далеко не безъизвѣстенъ.

Договорное право Осетинъ.

Семейная община и почти полное отсутствіе личной собственности — очевидно, неблагопріятныя условія для развитія договорнаго права. Неудивительно поэтому, если послѣднее находится у Осетинъ въ зародышномъ состояніи. Но этотъ именно фактъ и заставляетъ насъ отнестись къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Первоначальное возникновеніе договоровъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ въ исторіи права. Матеріалъ, какой римское или германское законодательство даютъ для его рѣшенія, заключаетъ въ себѣ весьма существенный недостатокъ: онъ принадлежитъ къ слишкомъ поздней эпохѣ. Вмѣсто прямыхъ свидѣтельствъ приходится имѣть поэтому дѣло съ выводами отъ послѣдующаго къ предыдущему, а такіе выводы всегда болѣе или менѣе субъективны. Понятно послѣ этого, какой интересъ можетъ представить непосредственное наблюденіе процесса зарожденія договорнаго права у Осетинъ; особенно если принять во вниманіе ихъ арійское происхожденіе; понятно, какъ много можетъ дать оно для провѣрки тѣхъ положеній, на которыхъ построена современная исторія договора.

Но если осетинское обычное право и въ этомъ вопросѣ призвано оказать не малую услугу едва возникающей наукѣ юридическихъ древностей, то, въ свою очередь надлежащимъ образомъ оно можетъ быть понято лишь съ ея содѣйствія, такъ какъ нуждается въ обстоятельномъ историко-сравнительномъ комментаріи. Подкрѣплю свою мысль примѣромъ. Коренной вопросъ всякаго договорнаго права есть несомнѣнно вопросъ о томъ, кто можетъ обязываться по договорамъ? На этотъ вопросъ получаемъ въ Осетіи самые странные отвѣты. Глава семьи одинъ въ правѣ заключать договоры, но сплошь и рядомъ его взрослые сыновья, хотя бы не отдѣленные, входятъ въ тѣ или другія обязательства по сдѣлкамъ. Хотя глава семьи полновластный распорядитель ея имуществомъ, но договоръ, имъ заключенный недѣйствителенъ, если совершеннолѣтніе мущины двора выскажутся противъ него. Продать семейное имущество старѣйшина вправѣ только тогда, когда этого требуетъ интересъ семьи; но ничто не мѣшаетъ ему разорить послѣднюю на совершеніе поминокъ. Если на одно и то же имущество явится два покупателя и одинъ изъ нихъ будетъ родственникомъ, имущество по праву должно поступить къ послѣднему. Одинъ участокъ земли можно продать, а другого нельзя: дворъ, напримѣръ, не можетъ быть отчужденъ, а недавно выстроенный хуторъ можетъ. Можно продать корову, быка, лошадь, все движимое имущество, и нельзя продать ни котла, въ которомъ варится пища, ни той цѣпи, къ которой онъ привѣшенъ. Какъ, спрашивается, разобраться въ этихъ

противорѣчіяхъ, гдѣ найти путеводную нить черезъ этотъ лабиринтъ взаимно отрицающихъ другъ друга правилъ? Я полагаю, что такую нить можетъ доставить лишь постоянное сопоставленіе осетинскихъ обычаевъ съ нормами древняго права, и въ особенности съ законодательствомъ Индусовъ и Кельтовъ, бытъ которыхъ, подобно осетинскому, построенъ на началахъ кровнаго единства и семейной нераздѣльности имущества. Польза такого сравнительнаго изученія можетъ быть доказана сейчасъ же на приведенномъ уже мною примѣрѣ. Тѣ видимыя противорѣчія, какія представляютъ осетинскіе обычаи по вопросу о томъ, кто вправѣ совершать договоры,—тѣ самые, надъ объясненіемъ которыхъ трудились индускіе и ирландскіе комментаторы; они необходимо возникаютъ въ каждомъ обществѣ, въ которомъ архаическое начало нераздѣльности семейнаго имущества сталкивается съ рано или поздно проявляющимся стремленіемъ къ индивидуализму. При строгомъ логическомъ выводѣ изъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ построена семейная община одинаково въ Индіи и въ Ирландіи, необходимо слѣдуетъ, что она одна вправѣ обязываться договорами, но что это значитъ, какъ не то, что послѣднія дѣйствительны только тогда, если каждый изъ членовъ семьи одинаково желаетъ ихъ совершенія. Это именно и утверждаетъ одинъ изъ индусскихъ сводовъ, Митакшара, говоря о „согласіи родственниковъ“, какъ о „способѣ перехода собственности изъ рукъ въ руки“ *) и то же постановленіе мы встрѣчаемъ въ

*) Mitaksara т. I—II стр. 31 и 32.

ирландскомъ правѣ, требующемъ, чтобы даренія производимы были „не иначе, какъ съ общаго согласія семьи и признающемъ безумцемъ того, кто заключаетъ договоръ съ сыномъ въ отсутствіе отца и безъ его участія *). Позднѣйшіе комментаторы толкуютъ это правило лишь въ томъ смыслѣ, что договоръ не можетъ быть заключенъ съ неотдѣленнымъ сыномъ безъ вѣдома отца. Но такого ограниченія ирландское право повидимому не знало на первыхъ порахъ, такъ какъ въ приведенной статьѣ говорится о всякомъ сынѣ, отецъ котораго „живъ". Очевидно однако, что какъ всякое юридическое лицо, семья нуждается въ представителѣ. Очевидно, что члены ея не могутъ ежечасно присутствовать при совершеніи заключаемыхъ отъ ихъ имени сдѣлокъ. Очевидно, съ другой стороны, что какъ кровный союзъ, семья представляетъ нѣчто отличное отъ обыкновеннаго товарищества, что глава указанъ ей самой природой и что въ лицѣ послѣдняго такъ тѣсно переплетаются права родительской власти съ тѣми, какія сообщаетъ ему представительство семьи, что прилагать къ нему вполнѣ тѣ начала, какими опредѣляются отношенія довѣрителя къ уполномоченному, совершенно не мыслимо. Какъ довѣренное лицо, глава семьи связанъ согласіемъ всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ. Какъ отецъ и мужъ, онъ неограниченный повелитель надъ ихъ судьбами. Это соединеніе въ одномъ лицѣ двоя-

*) Corus Bescna (Anc. Laws. т. III; стр. 53).
*) т. III, стр. 9, 10.

каго рода функцій, повело на практикѣ къ тому, что неограниченности его правъ въ распоряженіи имуществомъ домочадцевъ оказываемъ былъ отпоръ лишь въ томъ случаѣ, когда его распоряженія явно клонились къ семейному ущербу. Это именно и выражаютъ индусскіе комментаторы, говоря что всѣ отчужденія семейнаго имущества старѣйшиной дѣйствительны, если они вызваны необходимостью. Необходимость можетъ быть понимаема весьма различно. Полезно въ голодный годъ продать достояніе семьи, чтобы дать ей средство прокормиться; *) но полезно также устроить по предкамъ поминки, совершать въ ихъ честь жертвоприношенія и одарять молящихся за нихъ жрецовъ. И вотъ причина тому, что не одно индусское право, но и право древнихъ Кельтовъ, на ряду съ правиломъ о неотчуждаемости семейнаго имущества, знаетъ и другое, повидимому прямо его отмѣняющее, свободу дареній въ пользу духовенства. Эта свобода казалась въ древности такъ мало противорѣчащей семейнымъ интересамъ, что ирландское право прямо вмѣняло въ обязанность тому, кто завѣдывалъ ея послѣдними (comharba), одарять церковь всѣмъ нужнымъ для жизни (seds) **), а шведское, отправляясь отъ положенія, что дозво-

*) Въ голодный годъ каждый членъ семьи вправѣ продать и заложить ея собственность ей же на пользу, постановляетъ Biasa (Mayne. Hindu law and Usage, стр. 280).

**) A man may give his land in four cases... as grants for the perfect health of his soul to the church (Corus Bescna. стр. 43, 47). Every grant with its noble rights should be made to the church by lach according to his dignity (ibid).

ленными признаются одни лишь даренія съ отдачей. считаетъ таковыми всѣ тѣ, какія дѣлаются въ пользу духовенства „ad eternam retribucionem, in remissionem peccaminum или ad spem vitae eternae“.*)

Озабоченная только тѣмъ, чтобы, накопленное предками достояніе не выходило изъ ея рукъ, семейная община допускаетъ еще одинъ видъ безвозмездныхъ дареній—это тотъ, когда отецъ передаетъ имущество кому либо изъ своихъ близкихъ съ обязательствомъ содержать его при жизни, а послѣ смерти устроить ему поминки и совершать искупительныя жертвоприношенія. Если даренія такого рода не встрѣчаются въ индусскомъ правѣ, то потому лишь, что содержаніе стариковъ и безъ того возлагается имъ на семью **), а слѣдовательно нѣтъ необходимости заключать на этотъ счетъ особыхъ соглашеній. За то въ древнемъ ирландскомъ правѣ о такихъ договорахъ прямо упоминается, какъ объ одномъ изъ четырехъ видовъ дозволеннаго отчужденія семейнаго имущества ***) Англій-

*) Amira. Nordgermanisches Obligationenrecht, ч. I, стр. 508.

**) Отецъ и мать въ старости, добродѣтельная жена и малолѣтній сынъ, должны получать содержаніе, хотя бы они и сто разъ позволили себѣ совершить то, что не должно быть дѣлаемо (Colebroke Digesto Hindu law, Manu 2, 406). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Ману говоритъ, что для содержанія ихъ можно прибѣгнуть даже къ преступленію, за неимѣніемъ другихъ средствъ. Mayne стр. 367.

***) A man may give his land... for maintaining him in old age... and it is the tribe share, прибавляетъ позднѣйшій комментаторъ, they give ort thus (Corus bescna, стр. 47).

скій комментаторъ этой части „Древней книги Законовъ“ справедливо замѣчаетъ, что источникомъ возникновенія такого рода сдѣлокъ, была необезпеченность личности и невозможность сдѣлать другое помѣщеніе накопленнымъ ею запасамъ. Если человѣкъ не предпочиталъ передать своего имущества церкви на тѣхъ же условіяхъ, то ему не оставалось другаго исхода, какъ отказаться отъ него въ пользу кого либо изъ своихъ близкихъ. Если у него были сыновья, то перемѣна не шла далѣе замѣны его однимъ изъ нихъ въ управленіи семьею и ея собственностью; при бездѣтности же, онъ могъ обратиться и къ болѣе отдаленному родственнику съ тѣмъ же предложеніемъ. Разъ оно было принято, собственность переходила въ руки содержателя, а взятый имъ на прокормъ получалъ право на пропитаніе. Дареніе, имѣвшее мѣсто въ этомъ случаѣ, было дареніемъ условнымъ и вотъ почему неисполненіе сыномъ или родственникомъ принятаго на себя обязательства дѣлало ничтожнымъ самый договоръ. Отецъ семьи снова возвращался въ прежнюю роль хозяина и распорядителя или вступалъ въ новую однохарактерную сдѣлку съ другимъ родственникомъ *).

Все сказанное буквально приложимо къ одному изъ наиболѣе употребительныхъ въ Осетіи видовъ дареній. Оно производится не только въ пользу сына, но и брата, а при отсутствіи обоихъ, и по отношенію къ болѣе отдаленнымъ ростевникамъ.

*) Ibid, стр. 53 и 57. См. также стр. KXVI.

Поводъ къ нему даетъ не только старость, но и признанная родственниками неспособность старшины вести успѣшно хозяйство двора. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ формальному его низложенію, однодворцы обыкновенно доводятъ ему о своемъ желаніи, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то лицо, кому бы слѣдовало въ ихъ глазахъ поручить завѣдываніе семейнымъ достояніемъ. Старѣйшина обыкновенно подчиняется ихъ выбору и самъ приглашаетъ намѣченнаго имъ брата или сына занять его мѣсто. Принявшій это предложеніе обязанъ кормить дарителя до его смерти и не отказывать ему ни въ одеждѣ, ни въ прочихъ предметахъ первой необходимости. Вообще послѣдній вправѣ требовать предоставленія ему всѣхъ тѣхъ матеріальныхъ преимуществъ, которымъ онъ пользовался прежде. При неисполненіи этого условія отецъ вправѣ низложить избраннаго имъ домовладыку и снова занять во дворѣ прежнее положеніе. То же имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если лицо, въ пользу котораго сдѣлано было дареніе, жило до этого своимъ дворомъ. Переселившійся къ нему временно даритель возвращается въ прежнее свое жилище и беретъ обратно у родственника все то имущество, которое было сдано ему прежде. Иногда сдѣлка производится и въ пользу свойственника—зятя, который селится въ этомъ случаѣ во дворѣ дарителя и получаетъ названіе „мидагмой“, (что значитъ внутренній, домашній мужъ). Это бываетъ впрочемъ лишь тогда, если у дарителя не имѣется сыновей и онъ не желалъ бы передать имущества болѣе отдаленному родственнику. Производящіе такое

отчужденіе нерѣдко испрашиваютъ на него предварительно согласіе родни.

Описанный нами обычай является на столько распространеннымъ въ средѣ крестьянскаго сословія не только въ Россіи, но и заграницей *), что я не вижу необходимости долго останавливаться на его характеристикѣ. Замѣчу только одно, что всюду, гдѣ онъ встрѣчается, о формальномъ выборѣ старѣйшины семейнымъ собраніемъ, подобномъ тому какое, имѣетъ нерѣдко мѣсто въ Сербіи и вообще у южныхъ славянъ, нѣтъ и помину. Поэтому на него можно смотрѣть, какъ на одно изъ средствъ удержанія того патріархальнаго характера, какимъ, какъ мы видѣли, отличается на первыхъ порахъ семейная община, какъ на препятствіе къ переходу ея въ болѣе свободную форму артели или, точнѣе говоря, основаннаго на общемъ трудѣ товарищества съ всегда избираемымъ главою **).

Я сказалъ уже прежде, что исходнымъ моментомъ въ исторіи семейной общины является тотъ періодъ, когда вся собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая, состоитъ въ общемъ владѣніи и всѣ личные заработки, какимъ бы путемъ они не были пріобрѣтены, по праву принадлежатъ всей совокупности ея членовъ. При такомъ положеніи дѣла, понятно, что никто, кромѣ старѣй-

*) Такъ напр. въ Штиріи. См. Volksleben in Steiermak von Rosegger, Graz 1875.

**) Сравни Пахманъ. Обычное Право т. II, стр. 6. Семья и Артель.

шины не вправѣ заключать договоровъ, или, вѣрнѣе сказать, что ни одинъ договоръ, какъ личный, такъ и имущественный, не можетъ быть совершенъ помимо его вѣдома и согласія. Формальное признаніе такому началу даютъ индусскіе своды. „Отдѣльный членъ семьи, постановляетъ Віаза, не можетъ ни продать, ни подарить недвижимой собственности семьи, какого-бы характера ни была эта собственность, (т. е. родовая ли или благопріобрѣтенная). „Что принадлежитъ многимъ, говоритъ другой сводъ (Vivada Chintamani) можетъ быть отдано только съ согласія всѣхъ“ *). Мы видѣли, что начало общности имущества по отношенію ко всѣмъ частнымъ пріобрѣтеніямъ, дѣлаемымъ отдѣльными лицами, далеко не соблюдается со временемъ въ его первоначальной строгости: принесенное женой приданое поступаетъ въ исключительное распоряженіе ея мужа; все, пріобрѣтаемое кѣмъ либо во время, свободное отъ занятія семейными дѣлами, перестаетъ поступать въ общую казну. Еще позднѣе устанавливается принципъ, что лишь тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣланы съ помощью семейнаго капитала, принадлежатъ по праву всей семьѣ, остальныя же поступаютъ въ частную собственность. „Все, чѣмъ кто либо сдѣлался собственникомъ, безъ ущерба отцовскому имѣнію, какъ то подарокъ, полученный отъ друга, или приданое и свадебныя приношенія, не принадлежитъ сонаслѣдникамъ (членамъ одной

*) Mayne, Hindi law and usage, стр. 290.

съ пріобрѣтателемъ семейной общины)" читаемъ мы въ Яджнавалькіи *). Проявляющаяся такимъ образомъ индивидуализація имущественныхъ правъ ведетъ къ образованію отличной отъ семейной, частной собственности. Пряжа, не идущая на удовлетвореніе потребностей семьи, остается въ рукахъ пряхи и ея мужа, военная добыча—въ рукахъ отважившагося на нее, наемная плата идетъ тому, кто поступилъ въ услуженіе, арендная—арендатору и т. п. Возвращаясь изъ чужбины, куда онъ ушелъ на заработки, членъ семейства не считаетъ болѣе своей обязанностью дѣлиться съ нею своимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ употребляетъ его на покупку нужныхъ ему предметовъ, нерѣдко также выселяется съ нимъ на никѣмъ не занятую еще почву, впервые вскрываетъ землю своимъ трудомъ, орошаетъ ее своимъ потомъ **) и тѣмъ самымъ становится ея собственникомъ. Такимъ образомъ, на ряду съ движимой собственностью и недвижимая становится предметомъ частнаго присвоенія. Очевидно по отношенію къ ея отчужденію не можетъ уже существовать тѣхъ препятствій, какія вызываетъ отчужденіе семейной собственности, очевидно, что заимщикъ, полный господинъ своей заимки, можетъ продать и подарить ее кому хочетъ, можетъ также обезпечить, ею заемъ или, и

*) Jagnavalkya II ss. 118 и 119.

**) Аллеманскія грамоты часто упоминаютъ о благопріобрѣтенныхъ земляхъ, какъ о такихъ, которыя частное лицо „manu propria ac sudore acquisivit" (Urkundenbuch der Abtei S-t. Gallen).

не давая такого обезпеченія, заключить послѣдній. такъ какъ самый фактъ владѣнія имъ землею покажется достаточнымъ обезпеченіемъ кредитору. Древніе своды за одно высказываются въ пользу совершенной свободы собственника распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имъ имуществомъ и вступать по отношенію къ нему въ договоры всякаго рода. „Никто не вправѣ дарить земли, кромѣ той, какая пріобрѣтена имъ самимъ, говоритъ ирландскій Corus Bescna *) и то-же на всѣ лады повторяютъ средневѣковые грамоты и кутюмы, выдѣляя изъ числа свободно отчуждаемыхъ предметовъ Vadervium или terra aviatica, terra parentum и безмолвно соглашаясь на передачу по договорамъ всякаго рода acuêts или благопріобрѣтенныхъ имуществъ, какимъ бы именемъ они ни назывались. Подобно другимъ арійскимъ правамъ и осетинское проводитъ по отношенію къ распоряженію строгое различіе между доставшимся по наслѣдству имуществомъ и тѣмъ, которое пріобрѣтено частной предпріимчивостью; ему извѣстно обозначеніе каждаго изъ этихъ видовъ особымъ именемъ: первое называется афидибунъ (отцовское дно въ буквальномъ переводѣ), второе—особенно цѣнные въ глазахъ семьи предметы: старыя шашки, ружья, мѣдные котлы,—извѣстно подъ прозвищемъ „хазна“ и исключено изъ числа предметовъ, подлежащихъ свободному отчужденію. Образованіе частной собственности не идетъ исклю-

*) Anc. Laws, т. III, стр. 53.

чительно вышеуказанным путемъ. Основу ей наравнѣ съ личными заработками и заимками кладутъ и семейные раздѣлы. Получившій выдѣлъ становится неограниченнымъ хозяиномъ своей доли и вправѣ по отношенію къ ней вступать во всякого рода обязательства и договоры. Указанія на этотъ счетъ можно встрѣтить въ любомъ источникѣ древняго и средневѣковаго права, а также въ тѣхъ обычаяхъ, какими доселѣ регулируются подобныя отношенію въ нашей крестьянской средѣ или между балканскими и австрійскими славянами. У Осетинъ мы, разумѣется, встрѣчаемъ то же явленіе. Увеличившееся за послѣднее время число раздѣловъ причина тому, что собственность, какъ недвижимая, такъ и движимая, все чаще и чаще поступаетъ въ Осетіи въ обмѣнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ число договоровъ и размножаются, какъ увидимъ, самые ихъ виды. При всемъ томъ, нѣкоторыя имущества все еще остаются внѣ гражданскаго оборота и ими является не земля, а движимость: котелъ и цѣпь.

На первый взглядъ такое явленіе можетъ показаться въ высшей степени страннымъ, но если мы вспомнимъ, что эти предметы стояли въ такомъ-же отношеніи къ семейному культу, въ какомъ могилы древней Греціи и Рима, и что послѣднія не могли быть отчуждаемы, то станетъ яснымъ, почему клеймо позора доселѣ ожидаетъ въ Осетіи тайнаго нарушителя подобнаго запрещенія.

Изъ всего предыдущаго вытекаетъ, что то внутреннее противорѣчіе, какое на первый взглядъ представляютъ собою осетинскіе обычаи по вопросу

о субъектахъ договорнаго права, не болѣе, какъ внѣшнее. Оно разрѣшается само собою, разъ мы примемъ во вниманіе, что въ современномъ быту этого народа на ряду съ архаическимъ семейнымъ коммунизмомъ встрѣчаются и проблески новыхъ имущественныхъ порядковъ, построенныхъ на индивидуализмѣ. Вступивши въ переходную эпоху развитія, договорное право Осетинъ необходимо должно отразить на себѣ слѣды какъ первоначальной общности имущества, такъ и развивающейся только обособленности ихъ, должно одновременно отрицать и утверждать свободу имущественныхъ сдѣлокъ въ примѣненіи къ разнымъ только видамъ собственности. Безъ аналогіи и сопоставленія съ данными другихъ законодательствъ и современными обычаями одноплеменныхъ народностей, договорное право Осетинъ причудливо и непонятно. При историко-сравнительномъ освѣщеніи, оно является, на оборотъ, необыкновенно простымъ и яснымъ, настолько простымъ и настолько яснымъ, что невольно спрашиваешь себя, была ли нужда въ такой погонѣ за фактами давняго прошлаго, стоило ли искать такъ далеко объясненія такимъ незатѣйливымъ и прозрачнымъ явленіямъ. Таковъ впрочемъ обычный порядокъ. На первый взглядъ право чуждаго намъ народа кажется рядомъ ничѣмъ не объяснимыхъ противорѣчій и курьезовъ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи все въ немъ оказывается вполнѣ согласованнымъ, совершенно обыденнымъ и съ логической необходимостью вытекающимъ одно изъ другаго. Сводя къ немногимъ положеніямъ отмѣченныя нами особенности осетин-

скаго договорнаго права, мы скажемъ, что подобно праву другихъ одноплеменныхъ народностей, оно отправляется отъ признанія факта главенства отца въ семьѣ и неотчуждаемости принадлежащаго послѣдней имущества, изъ чего послѣдовательно дѣлается тотъ выводъ, что 1) отецъ, какъ представитель семьи, одинъ въ правѣ заключать договоры, 2) что договоры эти дѣйствительны подъ условіемъ согласія ея членовъ, 3) что въ нихъ не должно быть безвозмезднаго отчужденія семейнаго имущества, иначе, какъ въ случаѣ необходимости, 4) что такою необходимостью должно быть признано, между прочимъ, производство поминокъ по умершимъ и всякіе дарснія съ благочестивыми цѣлями, 5) а также тѣ, въ которыхъ одаряемымъ лицомъ является кто либо изъ родственниковъ того же или другаго двора, 6) что по отношенію къ благопріобрѣтенной собственности договоры могутъ быть заключаемы и отдѣльными членами семейнаго сообщества, и 7) что съ прекращеніемъ послѣдняго, благодаря раздѣлу, наступаетъ полная свобода сдѣлокъ по отношенію ко всѣмъ видамъ имущества.

Вопросы, занимавшіе насъ доселѣ, краеугольные вопросы въ исторіи договора. Отвѣтъ на нихъ дастъ ключъ къ рѣшенію многихъ изъ тѣхъ недоумѣній, какія вызываютъ въ насъ особенности древняго права обязательствъ, особенности, доселѣ удержанныя, какъ мы сейчасъ увидимъ, осетинскими обычаями. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій договоръ дѣйствителенъ лишь при согласіи всѣхъ полноправныхъ членовъ семьи (т. е. всѣхъ совершеннолѣтнихъ му-

щинъ въ ней), то присутствіе ихъ при самомъ заключеніи сдѣлки легко объяснимо. Понятно послѣ этого, кого имѣетъ въ виду древнее шведское право, говоря о фастарахъ и объ обязательномъ присутствіи ихъ, обыкновенно въ числѣ двѣнадцати, при совершеніи всякой сдѣлки по имуществу, все равно будетъ ли ею продажа или мѣна, уплата виры или слѣдуемаго за невѣсту задатка *) понятно также, кого разумѣетъ академическій списокъ Русской Правды подъ тѣми 12-ю человѣками, передъ которыми кредиторъ заявляетъ свою долговую претензію, какъ передъ лицами, принимавшими непосредственное участіе въ ея заключеніи **). Со временемъ утрачивается, конечно, память о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали къ жизни этотъ любопытный институтъ, исчезаетъ представленіе о томъ, что фастары и упоминаемые Правдой мужи не болѣе какъ уполномоченные семейныхъ общинъ, своимъ присутствіемъ выражавшіе ея согласіе на сдѣлку ***). Если названный институтъ все же продолжаетъ держаться, то потому что удовлетворяетъ новой потребности: публичности соглашенія, но какъ не похожи эти позднѣйшіе

*) Amira, стр. 270.

**) Ст. 13 и 14 Акад. Списка. См. коментарій къ нимъ проф. Буданова, прим. 19, стр. 32, первой части его Христоматіи.

***) Совершенно иное объясненіе даетъ институту фастаровъ Амира. Онъ видитъ въ нихъ представителей народнаго собранія, на которомъ будто бы должны были совершаться первоначально всѣ договоры (Vertreter der Thingversammlung), стр. 278.

testes *) vitni **) и „послухи“ ***) на свой первообразъ, какъ далеки они отъ того непосредственнаго участія въ совершеніи самой сдѣлки, которое такъ наглядно выступало въ требованіи, чтобы фастары, присутствующіе въ моментъ соглашенія, держали все время копье, этотъ символъ власти на уступаемую собственность ****). Осетинамъ извѣстна только позднѣйшая форма представительства семьи при заключеніи договоровъ: ихъ обычаи требуютъ присутствія свидѣтелей и признаютъ за послѣдними право доказывать передъ посредниками фактъ совершенія сдѣлки. Число ихъ не опредѣлено, но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться случаи скрѣпленія договора двумя свидѣтелями, въ чемъ, разумѣется, не трудно признать слѣды русскаго вліянія.

Еще одна сторона договорнаго права Осетинъ стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ основнымъ началомъ, по которому семья одна вправѣ вступать въ сдѣлки по имуществу. Отчужденія ея собственности чужеродцу путемъ договора дозволены лишь въ томъ случаѣ, если никто изъ родственниковъ не пожелаетъ удержать ее за собою *****). Прода-

*) Такъ напр. у Англо-Саксовъ. См. Essays on Anglo-Saxon Laws, стр. 187.

**) Amira, стр. 281.

***) Карамзинскій списокъ Русской Правды, ст. 34, 36, 44 и 47.

****) Amira, стр. 273.

*****) Это то право, которое въ Германіи извѣстно подъ именемъ Vorkaufsrecht (см Amira 573).

ваемый участокъ предлагается сперва ближайшему родственнику со стороны отца, а затѣмъ послѣдовательно и всѣмъ остальнымъ за ту же цѣну, какую даетъ покупатель. Если никто изъ нихъ не пожелаетъ пріобрѣсть его для себя участокъ можетъ быть проданъ чужеродцу. Это правило, очевидно, не болѣе какъ выводъ изъ того, по которому противорѣчіе одного изъ членовъ семьи можетъ сдѣлать недѣйствительнымъ заключеніе сдѣлки. Но тогда какъ изъ того же положенія, иначе говоря изъ факта признанія за родственниками такъ называемыми Beispruchsrecht *) Германцы выводятъ право выкупа **) уже проданнаго имущества любымъ изъ родственниковъ-однодворцевъ и опредѣляютъ для пользованія имъ извѣстный срокъ, Осетины вовсе не знаютъ права родоваго выкупа, что однако ни мало не обезпечиваетъ покупателя отъ того, что разъ заключенная имъ сдѣлка не будетъ нарушена. Стоитъ только одному изъ однодворцевъ заявить свой протестъ противъ совершенной уже продажи и имущество отбирается обратно у покупщика, разумѣется подъ условіемъ возвращенія ему уплаченнаго и не иначе какъ въ пользу прежняго собственника—семьи.

*) О Beispruchsrecht. См. Stobbe, Handbuch des D. Privatrechts, т. II, стр. 116.

**) Это тотъ самый retractum или retract lignager, retractrecht, который извѣстенъ средне-вѣковому французскому и нѣмецкому праву, но въ болѣе тѣсной сферѣ родовыхъ имуществъ, это прототипъ нашего родоваго выкупа, подъ условіемъ соблюденія тѣхъ же различій.

Къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ современной исторической юриспруденціи принадлежитъ несомнѣнно вопросъ о томъ, какимъ порядкомъ заключаемы были древнѣйшіе договоры: требовалась-ли для ихъ дѣйствительности передача самой вещи, или части ея, или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было произнесенія извѣстныхъ, напередъ установленныхъ формулъ и совершеніе опредѣленныхъ символическихъ дѣйствій?

Среди нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ можно найти рѣшительное разнорѣчіе по этому предмету. Тогда какъ Зомъ и слѣдующіе за нимъ писатели—Бруннеръ, Штобе. Эсминъ, рѣшительно утверждаютъ, что древнее право германцевъ на ряду съ реальнымъ договоромъ знало только договоръ формальный, и что упущеніе договаривающейся стороной освященныхъ обычаемъ словъ и символовъ вело къ недѣйствительности самой сдѣлки, Лёнингъ и Тевенинъ не менѣе рѣшительно отрицаютъ существованіе издревле формальнаго договора, однохарактернаго съ древне-римскимъ и допускаютъ повидимому договоръ консенсуальный. Поставленный по отношенію къ германскому праву, вопросъ этотъ ни разу не былъ еще возбуждаемъ въ примѣненіи къ славянскому или кельтическому; причина тому лежитъ, быть можетъ, въ томъ, что древнѣйшій памятникъ славянскаго права, а такимъ надо считать Русскую Правду, не заключаетъ въ себѣ ни одного текста, который-бы давалъ поводъ говорить о формализмѣ при заключеніи договоровъ. Единственное требованіе, предъявляемое правдою отъ договаривающихся сторонъ, это требованіе публичности,

обезпечиваемой присутствіемъ послуховъ. Но и эта публичность является въ ней какимъ то новымъ началомъ, примѣняемымъ еще далеко не ко всѣмъ видамъ договоровъ; о ней нѣтъ и помину, если сумма сдѣлки падаетъ ниже извѣстнаго уровня, а также въ примѣненіи къ извѣстнымъ видамъ договоровъ, такъ напр., къ поклажѣ или дачѣ на сохраненіе, равно и ко всякаго рода торговымъ сдѣлкамъ. *) Въ свою очередь ирландское право, какъ слѣдуетъ изъ постановленій Senchus Mor'a—самаго ранняго изъ его памятниковъ, открыто провозглашаетъ начало строгаго соблюденія всякаго договора, заключеннаго „словесно" и ни единымъ словомъ не упоминаетъ ни объ обязательномъ произнесеніи при этомъ напередъ установленныхъ формулъ, ни о совершеніи наипростѣйшаго изъ всѣхъ символическихъ дѣйствій—рукобитья. О послѣднемъ заходитъ рѣчь только въ валійскихъ законахъ **) несравненно болѣе поздняго происхожденія, испытавшихъ на себѣ вліяніе сосѣдняго, англійскаго права, требовавшаго рукобитія при совершеніи договоровъ.

Древнему ирландскому праву также мало извѣстно и обязательное присутствіе особыхъ выбранныхъ сторонами свидѣтелей, наличность которыхъ считается законами Уэльса однимъ изъ условій дѣй-

*) If a person make a contract with another, withbut contract-men being present, only by mutually pledging of hands and one of them be minded to deny it, his own oath only is required to deny it., стр. 65. ct. Z.

**) Карамзинскій списокъ, стр. 45, 46 и 48.

ствительности сдѣлокъ. Ни въ одномъ изъ изданныхъ доселѣ трактатовъ, такъ наз. Брэгоновъ или ирландскихъ посредниковъ, нельзя найти указанія на то, чтобы требованія формализма и публичности были примѣняемы къ договорамъ, заключаемымъ въ древней Ирландіи; наоборотъ, всякая безформенная сдѣлка признается дѣйствительной, если только совершившее ее лицо принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вправѣ обязываться по договорамъ. „Что сталось бы съ міромъ, говоритъ Corus Beschna, если бы договоры, заключенные словесно, не были соблюдаемы; а одинъ изъ позднѣйшихъ комментаторовъ, какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, говоритъ: все хорошее въ этомъ случаѣ исчезло-бы изъ него. [*])“ Эти слова какъ бы даютъ поводъ думать, что древнему ирландскому праву была извѣстна система консенсуальныхъ договоровъ, но изъ отрывочныхъ комментаріевъ позднѣйшихъ толкователей можно прійти, какъ мнѣ кажется, къ совершенно противуположному заключенію. „Хорошимъ договоромъ“ ирландское право признаетъ только такой, „по заключеніи котораго невозможно взять обратно вещь, отчужденную словеснымъ соглашеніемъ.“ А изъ этихъ словъ, какъ мнѣ кажется, не трудно вывести то заключеніе, что передача вещи сопровождала собою заключеніе сдѣлки, т. е. что „хорошіе договоры“ были договорами реальными [**]).

Причина, по которой древнѣйшее право не вы-

[*]) Corus Beschna. стр. 3.
[**]) Т. III, стр. 13.

ставляетъ требованія формальнаго заключенія сдѣлокъ, лежитъ, какъ я думаю, въ томъ, что слабое развитіе обмѣна вызывало на первыхъ порахъ необходимость совершенія только такихъ видовъ договоровъ, при которыхъ объектъ сдѣлки цѣликомъ или отчасти переходилъ во владѣніе той изъ договаривающихся сторонъ, въ пользу которой онъ былъ выговоренъ. Извѣстно, что однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ формальныхъ сдѣлокъ является поручительство. По самому характеру своему оно не допускаетъ возможности немедленной реализаціи выговариваемаго; поэтому заключеніе его *re* является немыслимымъ, и для установленія факта его совершенія приходится прибѣгнуть къ такому формальному дѣйствію, какъ передача, напр., соломины (такъ называемой festuca) изъ рукъ должника въ руки кредитора и обратно изъ рукъ кредитора въ руки поручителя. Но договоръ поручительства, при всей его древности, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись зарождающаяся общественность. При господствѣ начала общности имуществъ въ средѣ кровнаго союза и заключеніи обязательствъ не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ его, каждый изъ послѣднихъ является поручителемъ за единокровныхъ ему лицъ, помимо установленія какого-либо спеціальнаго обязательства на этотъ счетъ, а изъ этого само собою слѣдуетъ, что до момента выдѣленія частной собственности нѣтъ нужды въ установленіи особыхъ поручителей, и слѣдовательно отсутствуютъ условія, благопріятныя развитію самаго института.

Что-же касается до другихъ видовъ договоровъ, которые безспорно должны быть признаны древнѣйшими, какъ то: мѣна или продажа, наемъ, ссуда, сговоръ, то они по характеру своему вполнѣ допускаютъ или немедленную реализацію всего того, что въ нихъ выговорено, какъ напр. поступленіе обмѣниваемыхъ имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія, или производство предварительнаго платежа части того, что въ силу договора должно поступить къ одной изъ сторонъ, иначе говоря фанта или задатка; того wadium, о которомъ говорятъ германскіе источники *).

И такъ наше объясненіе тому, что формализмъ не составляетъ собою характеристики древнѣйшихъ договоровъ, сводится къ признанію, что послѣдними являлись только такія сдѣлки, которыя по природѣ своей могутъ быть реальными.

На это можно возразить, что если древнѣйшему праву и не было извѣстно fidejussio или поручительство, то нельзя отрицать того, что obligationes ex delicto, обязательства уплаты головничества или тѣхъ или другихъ выкуповъ за всякаго рода обиды могли сдѣлаться въ немъ основаніемъ къ возникновенію договоровъ, реализуемыхъ не иначе, какъ по прошествіи извѣстнаго періода времени. Защи-

*) Тевтономъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ выяснено, что wadium и festuca не покрываютъ взаимно другъ друга, и что подъ wadium слѣдуетъ разумѣть то, что на современномъ языкѣ извѣстно подъ названіемъ gage—фанта или задатка, какимъ нерѣдко являлась перчатка. Revue historique de droit français, 1880 г., кн. I, стр. 80 и слѣд.

щая теорію формальнаго договора, какъ присущаго древнему праву Франковъ, Зомъ разумѣетъ подъ упоминаемой салической правдой fides facta между прочимъ именно такое нереализуемое obligatio ex delicto. Но я не вижу причины, по которой такое obligatio не допускало-бы съ самаго начала по крайней мѣрѣ частичной реализаціи, вродѣ той, какую предполагаетъ платежъ wadium'a. Примѣръ народностей доселѣ придерживающихся системы композицій или выкуповъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что obligatio ex delicto заключается платежомъ виновной стороною части слѣдуемаго съ нея выкупа. Осетинскіе посредники, подобно медіаторамъ сосѣднихъ съ ними Кабардинцевъ или Чеченцевъ, объявляютъ сторонамъ о размѣрѣ опредѣленнаго ими вознагражденія не раньше, какъ по уплатѣ обидчикомъ части падающей на него композиціи, очевидно имѣя въ виду, что этимъ платежемъ онъ самъ принимаетъ обязательство, однохарактерное съ тѣмъ, какое налагаетъ на него судъ.

Дѣло принимаетъ иногда и такой оборотъ. Когда размѣръ вознагражденія опредѣленъ медіаторами, то послѣдніе, не объявляя его сторонамъ, только увѣдомляютъ ихъ о томъ, что приговоръ постановленъ, и требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ поставила поручителя (по Осетински — *фидаръ*; по Чеченски—*да*). Обидчикъ ставитъ поручителя въ томъ, что онъ будетъ платить то, что опредѣлено судомъ, а обиженный, что онъ доволенъ рѣшеніемъ суда, хотя на самомъ дѣлѣ и не знаетъ его, и что больше того, что съ обидчика

опредѣлено, онъ требовать не будетъ. Поручители выбираются такимъ образомъ, что родственники обиженнаго назначаютъ одного изъ родственниковъ обидчика и наоборотъ. Задача поручителя—заставить родственника выполнить опредѣленіе суда. Чтобы поручители не могли отказаться отъ выполненія возложеннаго на нихъ обязательства, обычай требуетъ, чтобы они торжественно объявили о своей готовности заставить сторону выполнить приговоръ. Это торжественное заявленіе дѣлается не иначе, какъ въ присутствіи свидѣтелей, по одному съ каждой стороны. Свидѣтели эти обязаны напоминать поручителю о его обѣщаніи, ставя ему на видъ, что, при не выполненіи его, онъ объявленъ будетъ человѣкомъ безчестнымъ и не въ состояніи будетъ показаться гдѣ либо. По назначеніи поручителей и по отобраніи отъ нихъ вышеупомянутаго обязательства, судьи, все еще не объявляя, сколько обидчикъ долженъ заплатить обиженному, приказываютъ ему отдать тотчасъ-же столько то коровъ или лошадей; послѣднія передаются обиженному на мѣстѣ *).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что обязательство, вытекающее изъ delict'a, заключается у Осетинъ—частью путемъ частичной его реализаціи, частью — путемъ установленія поручительства. О формальномъ договорѣ, слѣдовательно, отличномъ

*) См. Свѣдѣнія о кавк. горцахъ Владикавказскаго округа и объ адатѣ или судѣ ихъ по обычаю. Рукопись, сообщенная мнѣ г. Шанаевымъ.

отъ договора поручительства, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

Изученіе варварскихъ правдъ и древнѣйшихъ юридическихъ формулъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что у Германцевъ, какъ и у Осетинъ obligatio ex delicto установляемо было путемъ такого частичнаго платежа опредѣленной медіаторами суммы, т. е. подходило подъ понятіе реальнаго договора. Не можетъ быть сомнѣнія говоритъ, Брунеръ, что платежъ виры одинаково у Саксовъ, Фризовъ и Англо - Саксовъ обезпечивался или уплатой wadium'a или установленіемъ поручительства. Саксонскому праву, говоритъ онъ, извѣстенъ періодъ, въ которомъ формальный договоръ носилъ еще всѣ признаки договора реальнаго, такъ какъ заключаемъ былъ путемъ передачи вещи. *)

Что касается до юридическихъ формулъ, то встрѣчающееся въ приговорахъ выраженіе—ut illam leudem quod sunt solidi tanti per suum wadium conponere deberet sicuti et fecit **)—не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ эпоху ихъ редактированія obligatio ex delicto заключалосъ путемъ частичной реализаціи договора, путемъ передачи wadium'a и что, слѣдовательно, ни о какомъ формальномъ договорѣ въ этомъ случаѣ рѣчи быть не можетъ.

А если такъ, если obligationes ex delicto принад-

*) См. Sippe und Wergeld, von Heinrich Brunner, Zeitschrift der Savigni Stiftung, germanistische Abteilung, 3. Band, стр. 10 (текстъ и прим.).

**) Rosiere, Recueil géneral des formules, т. II, формула 467-я.

лежатъ къ числу допускающихъ частичную реализацію сдѣлокъ, то я не вижу, какіе-бы еще виды соглашеній, извѣстныхъ древнѣйшему праву, не терпѣли такой частичной реализаціи, и слѣдовательно не входили въ категорію реальныхъ контрактовъ.

Когда проявившееся начало индивидуализаціи имущественныхъ отношеній — результатъ частичнаго разложенія кровнаго единства—повело къ учащенію обмѣновъ и къ заключенію договоровъ не между цѣлыми группами, а между частными индивидами, возникли условія, благопріятныя развитію уже упомянутаго мною поручительства — перваго изъ договоровъ, не допускающихъ заключенія „re“. Формализмъ, успѣвшій уже обнаружиться въ сферѣ судопроизводства въ тѣхъ разнообразныхъ видахъ испытаній, къ примѣненію которыхъ сводился древнѣйшій процессъ, естественно долженъ былъ наложить свою печать и на вновь возникшія юридическія отношенія. Фрамея или мечь съ длинной деревянной рукояткой и короткимъ и узкимъ желѣзнымъ остріемъ, которая въ германскихъ судахъ играетъ такую выдающуюся роль въ судебномъ поединкѣ и, все чаще и чаще заступающей его присягѣ оружіемъ, фрамея, нерѣдко замѣняемая частью въ тѣхъ же судахъ частью при совершеніи такихъ дѣйствій, какъ отказъ отъ родства или имущества, наиболѣе близкой къ ней по виду деревянной палкой съ рукояткой, вѣтвью (virga) или стрѣлой (sagitta), а также простой соломинкой (festuca), фигурируетъ въ послѣдней изъ названныхъ формъ и при установленіи поручительства. Желая въ символическомъ дѣйствіи передать мысль о переходѣ

обязательства на поручителя, кредиторъ, получивший festuca предварительно изъ рукъ должника, передаетъ ее fidejussor'у, который съ этого момента и признается обязаннымъ по отношенію къ нему въ такой же мѣрѣ, какъ и должникъ *).

Наравнѣ съ fidejussio, и другіе, позднѣе появившіеся виды договоровъ, какъ не допускающіе одновременной съ ихъ заключеніемъ реализаціи, стали совершаться формальнымъ путемъ съ помощью обращенія къ festuca, которую сторона, принимающая извѣстное обязательство, обыкновенно бросаетъ отъ себя, какъ-бы высказывая тѣмъ, что отказывается отъ дальнѣйшей защиты своего права, а слѣдовательно и отъ собственности на то, что добровольно уступлено ею контрагенту **).

Передача festuca, какъ показалъ въ своихъ этюдахъ о древнѣйшемъ договорномъ правѣ Франціи Эсминъ, съ теченіемъ времени встрѣчается все рѣже и рѣже, и мѣсто ея заступаетъ простое протягиваніе руки лицомъ, принимающимъ на себя извѣстное обязательство, по направленію къ своему контрагенту. Одновременно съ этимъ и передача фанта или задатка замѣняется простымъ рукобитьемъ, удержаннымъ очевидно отъ той эпохи, когда оно являлось условіемъ передачи задатка отъ од-

*) Тевешинъ, стр. 81 и слѣд.

**) Stipulatio est inter duos homines, de qualemcungue rem intencio est, possunt inter se „ipsa causa" et sine fidejussores „per stipula finere". Stipula hoc est, ut unus de ipsos levet festucam de terra „rejactet" et dicat: „per ista stipula omne iste causa dimitto". Canciani, Barb. leges. IV, p. 300 de stipulatione.

ного ихъ контрагентовъ другому. Въ этой формѣ протягиванія руки или рукобитья формальный договоръ встрѣчается на протяженіи всего средневѣковаго запада до эпохи постепенной замѣны его консенсуальнымъ, подъ вліяніемъ каноническаго и римскаго права. Послѣдняя форма, въ частности, или рукобитье, одинаково извѣстна и въ Германіи *) подъ наименованіемъ Handschlag, и у скандинавскихъ народностей подъ тѣмъ - же терминомъ Hand-slagh, **) и во французскомъ правѣ подъ названіемъ paumée иначе palmata ***), и въ англійскомъ, гдѣ названіе ему „handsale“ или venditio per mutuam manuum complexionem, ****) и въ законодательствѣ Уэльса, *****) и въ русскомъ обычномъ правѣ, насколько можно судить изъ нерѣдкаго обращенія къ нему русскими крестьянами.

Этотъ-же порядокъ формальнаго заключенія договоровъ мы встрѣчаемъ у Осетинъ и по настоящее время. Замѣчаніе г. Пфафа ******) о полномъ отсутствіи формальнаго договора у Осетинъ далеко не согласно съ фактами. Правда, у нихъ нѣтъ ничего, похожаго на римскую mancipatio или stipulatio, но рукобитье широко распространено въ ихъ

*) Das Recht der Eheschlissung, Зома, стр. 48 и слѣд.

**) См. Амира, Nord-germanisches obligationonrecht, стр. 291 и слѣд.

***) Esmin. Etudes sur les contrats, стр. 20 и слѣд.

****) Glasson. Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre стр. 234 и слѣд., т. III.

*****) Ancient laws, стр. 65.

******) См. сб. св. о Кавказѣ, ч. II, стр. 293.

средѣ, и необращеніе къ нему дѣлаетъ сдѣлку недѣйствительной. Рукобитье извѣстно у Осетинъ подъ названіемъ *хуцаюнкохъ*, что въ переводѣ значитъ „божья рука". Протягивая руку, контрагентъ говоритъ: „даю тебѣ мою божью руку." По совершеніи рукобитья, сдѣлка считается вошедшей въ законную силу. Въ настоящее время рукобитье является почти единственнымъ формальнымъ способомъ заключенія договоровъ. Происходитъ оно обыкновенно въ присутствіи свидѣтелей или такъ называемыхъ *авдесанъ*, которые, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ возможность заявить о немъ, вслучаѣ надобности, суду. Тотъ-же способъ заключенія договора путемъ рукобитья мы встрѣчаемъ и въ Зендъ-Авестѣ и это обстоятельство пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду доказаннаго нынѣ иранства Осетинъ. Агура Мазда, читаемъ мы въ Вендидадѣ, установилъ различіе между договорами: договоръ, заключаемый словесно и договоръ, заключаемый рукобитьемъ"... Хотя иранскій законоучитель и считаетъ величайшимъ грѣхомъ неисполненіе словеснаго соглашенія, заключеннаго безъ свидѣтелей, но, по видимому, онъ придаетъ гораздо большее значеніе договору рукобитьемъ. „Если, постановляетъ онъ, люди не исполнятъ словеснаго соглашенія то его слѣдуетъ замѣнить соглашеніемъ, заключаемымъ путемъ рукобитья. *) Самый порядокъ заключенія договора рукобитьемъ указанъ въ слѣдующихъ сло-

*) Sacred books of the east, Vendidad, n. I, fargard IV, II, a, II. в, § 3.

вахъ: „когда люди ударяютъ рука объ руку и произносятъ затѣмъ словесное соглашеніе“....

Что касается до реальныхъ контрактовъ. то нѣкоторые изъ нихъ доселѣ сопровождаются у Осетинъ передачей своего рода wadium или фанта. Подобно русскому крестьянину, Осетинъ, продавая лошадь, передаетъ на нее обыкновенно уздечку, При сговорѣ, сватъ или такъ называемый *минаваръ*, вручаетъ старшему родственнику невѣсты пистолетъ, ружье, подчасъ также вола. Такой платежъ совершенно однохарактеренъ съ тѣмъ задаткомъ или arrha, которымъ сопровождался, согласно Зому, древне-германскій сговоръ. *)

Въ сдѣлкахъ по недвижимому имуществу мы не встрѣчаемъ, однако, совершенія того формальнаго обряда, который извѣстенъ былъ древне-германскому праву подъ наименованіемъ gleba а древне русскому подъ названіемъ—„деринъ“. Употребительное въ спорахъ о границахъ обхожденіе межъ въ Дигоріи съ камнемъ въ рукѣ, въ Тагауріи же съ кускомъ земли, положеннымъ въ полу черкески, **) не находитъ себѣ ничего аналогичнаго при продажѣ недвижимой собственности. Единственную обрядовую сторону послѣдней составляютъ поминки, которыя покупатель обязанъ устроить въ честь предковъ продавца и непремѣнно на купленномъ имъ участкѣ. Поминки эти невольно переносятъ

*) Das Recht der Eheschlissung, стр. 23 и слѣд.

**) Сб. Адатовъ, 1866 г., ст. 114. Названіе такой присяги захой-ардъ.

насъ во времена древней Греціи, въ которой нельзя было купить дома и земли безъ того, чтобы не совершить жертвоприношенія. *) Сходство обоихъ обычаевъ, осетинскаго и греческаго, указываетъ не только на ихъ древность, но и на то, что источникъ, изъ котораго они возникли, одинъ и тотъ-же. Подобно древнимъ Грекамъ, Осетины хоронятъ своихъ мертвыхъ на принадлежащихъ имъ поляхъ; каждая семья имѣетъ собственный могильникъ, говоритъ Клапротъ, всего чаще четырехъ-угольную каплицу съ тѣснымъ входомъ **). Они хотятъ имѣть покойниковъ поближе къ себѣ, чтобы чаще обращаться къ ихъ заступничеству, такъ какъ вѣрятъ, что и въ могилѣ предокъ не перестаетъ печись о семейныхъ интересахъ и охранять семейное достояніе. Съ отчужденіемъ собственности, Осетинъ теряетъ и своихъ мертвыхъ; они переходятъ за одно съ землею къ ея покупателю. Но кто для нихъ этотъ послѣдній, какъ не ненавистный чужеродецъ, насильственно отнимающій ихъ у потомства. Если не умилостивить ихъ заблаговременно жертвоприношеніемъ или, что тоже, поминками, они легко могутъ сдѣлаться злыми геніями для покупателя. Примѣръ на лицо: при свадьбѣ, мстя за уводъ невѣсты, домашніе духи, по убѣжденію Осетинъ, вмѣстѣ съ нею стремятся проникнуть въ домъ похитителя и сдѣлаться для него злыми геніями, почему дружкѣ обычай и предпи-

*) Фюстель де-Куланжъ, La cité antique. изд. 1866 г. стр 82.
**) Klaproth, Reise in den Kaukasus, стр. 605.

сываетъ держать обнаженную шашку надъ головой невѣсты и размахивать ею въ разныя стороны, поражая тѣмъ невидимыхъ духовъ.

Отсутствіе письменности не позволило Осетинамъ перейти самостоятельно къ замѣнѣ древнѣйшихъ видовъ формальныхъ договоровъ наипростѣйшимъ способомъ ихъ заключенія, составленіемъ письменной записи. Если въ послѣднее время документы и попадаются въ средѣ Осетинъ, составленные частью на арабскомъ, частью на русскомъ языкѣ, то въ этомъ нельзя не видѣть прямаго вліянія, съ одной стороны, писаннаго закона магометанъ, такъ наз. шаріата, съ другой—русской юридической практики. Самый терминъ джи - нигъ, слово, испорченное изъ русскаго книга *), который Осетины употребляютъ для обозначенія письменныхъ документовъ, лучшее доказательство тому, что своимъ появленіемъ послѣдніе обязаны русскому вліянію.

Но что стремленіе замѣнить всякаго рода символическіе обряды письменною записью было свойственно Осетинамъ задолго до русскаго владычества и при полномъ отсутствіи грамотности, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ отмѣченное уже Клапротомъ употребленіе у нихъ деревянныхъ дощечекъ, однохарактерныхъ съ бирками русскихъ крестьянъ, на которыхъ каждая новая статья уговора обозначалась особымъ надрѣзомъ **).

*) Пфафъ. Сб. св. о Кавказѣ, т. I, стр. 219.
**) Reise in den Kaukasus, т. 2, стр. 604.

Условія дѣйствительности договоровъ, кромѣ упомянутыхъ мною выше, сводятся въ Осетіи еще къ требованію, во 1-хъ полной правоспособности совершающихъ ихъ лицъ, во 2-хъ того, чтобы при ихъ составленіи не было допущено обмана или ошибки. Правоспособными осетинское право признаетъ во первыхъ всю совокупность лицъ, составляющихъ семейную общину, которая, какъ мы видѣли, одна вправѣ располагать принадлежащей ей собственностью, а во вторыхъ—выдѣленныхъ изъ нея лицъ, и вообще всѣхъ владѣльцевъ частнаго имущества. Въ этомъ отношеніи осетинскіе обычаи во всемъ сходны съ тѣми, какіе можно встрѣтить у любаго народа, живущаго кровными союзами. Для примѣра укажемъ на древнихъ Ирландцевъ, юридическіе своды которыхъ открыто объявляютъ, что „семейная община (fine), не признавая того или инаго договора, тѣмъ самымъ лишаетъ его обязательной силы и совершенно расторгаетъ соглашеніе“ *). Съ другой стороны, всякій договоръ, каково бы ни было его содержаніе, хотя бы въ немъ выговаривалось отчужденіе частнымъ лицомъ нераздѣльнаго достоянія семьи, входитъ въ силу, согласно ирландскому праву, разъ онъ утвержденъ всею семьей или дѣйствующимъ отъ ея имени главою. При этомъ, за согласіе принимается отсутствіе открытаго протеста. Юридической максимой, разсуждаетъ по этому поводу составитель Сенхусъ Мо-

*) Every contract which the tribe do not recognise they impugn and dissolve (т II, стр. 219).

ра, признается что заключившимъ договоръ считается тотъ, кто не отвергаетъ его прямо, по извѣщеніи о томъ, что онъ состоялся *).

Изъ этого положенія индусское право дѣлаетъ тотъ выводъ, что разрѣшаетъ въ случаѣ нужды отчужденіе семейнаго имущества не только главою всего сообщества, но и каждымъ отдѣльнымъ членомъ послѣдняго. Отчужденіе считается состоявшимся, разъ на него не послѣдовало протеста **).

Что касается до отдѣлившихся сыновей и до всѣхъ вообще лицъ, которыя вышли изъ семейной нераздѣльности и основали, путемъ занятія и обработки никому не принадлежащихъ участковъ, свои частныя хозяйства, то ихъ право заключать договоры въ Осетіи можетъ быть иллюстрировано однохарактерными порядками юго - славянскаго обычнаго или средневѣковаго германскаго права. Современная теорія договоровъ требуетъ, чтобы заключающія ихъ лица не состояли не только во власти другихъ, но и подъ чужимъ попечительствомъ, и потому устраняетъ отъ ихъ совершенія недостигшихъ зрѣлаго возраста и сумасшедшихъ. При жизни сообща большими семейными союзами и ежечасномъ попечительствѣ послѣднихъ за нуждающимися въ немъ сочленами, не-

*) Every subsequent adoption renders the Contract binding... jt is a maxim of the law that one adopts what he does not disallow or what he does not repudiate, after knowledge, having power to do so (Ibid, т. 3 стр. 11).

**) Mayne. Hindu law and usage.

удивительно, если осетинское право далеко не озабочено, въ такой мѣрѣ, какъ современное, признаніемъ недѣйствительными договоровъ, совершенныхъ лицами подъ опекой. Такъ какъ затрогивающее семейные интересы соглашеніе дѣйствительно лишь подъ условіемъ признанія его всѣми членами сообщества, то осетинское право за одно съ ирландскимъ, считаетъ вполнѣ обязательнымъ и такой договоръ, первоначальнымъ виновникомъ котораго является несовершеннолѣтній или слабоумный, разъ онъ не вызываетъ протеста со стороны заинтересованныхъ въ немъ *).

Иное дѣло договоры, заключенные лицами, состоящими въ чужой власти. Договоры эти считаются недѣйствительными по самой своей природѣ. До 69-го года права вступать въ договоры не имѣли поэтому въ Осетіи гурзіаки или рабы, приравниваемые обычаемъ къ вещамъ. Женщины же и до сихъ поръ не признаются субъектами обязательственнаго права въ томъ смыслѣ, что договоры ихъ недѣйствительны безъ согласія ихъ мужей или отцовъ и что отвѣтственность въ выполненіи заключенныхъ ими соглашеній, какъ и за прочія ихъ дѣйствія, падаетъ на тѣхъ лицъ, въ чьей власти онѣ состоятъ.

Что касается до вдовы, то сдѣланнымъ ей выдѣламъ она вправѣ располагать самолично и путемъ договоровъ. Обыкновенно однако послѣдніе заклю-

*) A contract, which a fool makes with a sane man in which fraud is discovered, it is a contract (i. e.), it is binding (Senchus Mor, т. 3, стр 7).

чаются ею или съ вѣдома старшаго брата покойнаго, который послѣ него является главою двора, или еще съ вѣдома того изъ ея сыновей, съ которымъ она поселилась послѣ раздѣла *). Бездѣтная вдова, избравшая мѣстожительствомъ дворъ своихъ родителей, вступаетъ въ договоры обыкновенно съ ихъ участія.

Что касается до втораго условія дѣйствительности сдѣлокъ, именно до отсутствія обмана, то, не карая послѣдняго, Осетины все же считаютъ его основаніемъ къ неисполненію стороною принятаго ею обязательства. Обыкновеннымъ видомъ обмана является скрытіе тѣхъ или другихъ недостатковъ въ объектѣ договора. Если эти недостатки обнаружатся послѣ его заключенія, сдѣлка считается недѣйствительной. Лучшей иллюстраціей къ сказанному могутъ служить заключаемые Осетинами брачные договоры. Я сказалъ уже, что въ прежнее время виновниками послѣднихъ обыкновенно являлись родители, обязывавшіе такимъ образомъ своихъ часто несовершеннолѣтнихъ дѣтей обѣщаніемъ быть мужемъ и женою въ зрѣломъ возрастѣ. Очевидно, что такія сдѣлки въ глазахъ современнаго намъ закона не имѣютъ никакой обязательной силы, но въ древнемъ правѣ онѣ являлись вполнѣ дѣйствительными. Шведское законодательство, напримѣръ, налагало штрафъ въ 3 марки на того, кто послѣ сговора и передачи отцу невѣсты задатка (такъ называемаго faestninga fae)

*) Такимъ всего чаще бываетъ младшій.

вступалъ въ бракъ съ другой дѣвушкой *). Подобно шведскимъ судамъ, и осетинскіе посредники сплошь и рядомъ опредѣляли размѣръ взысканій съ неустоявшаго въ соглашеніи двора. присуждая его подчасъ къ потерѣ уплоченной уже части калыма **). Но такой платежъ не былъ обязателенъ въ томъ случаѣ, если въ засватанной дѣвушкѣ обнаруживались физическіе недостатки и болѣзни, которыя или были скрыты отъ жениховой родни во время сватовства, или наступили позднѣе. Женихъ могъ безнаказанно отказаться не только отъ дѣвушки, потерявшей свое цѣломудріе, хотя бы и послѣ сговора, но также и въ томъ случаѣ, если она оказывалась слабогрудой или искалѣченной. Въ моихъ рукахъ былъ цѣлый рядъ судебныхъ случаевъ этого рода и во всѣхъ судъ считалъ возможнымъ приглашать родителей невѣсты къ принесенію присяги въ томъ, что она, смотря по обстоятельствамъ, или сохранила свою дѣвственность, или свободна отъ тѣхъ физическихъ недостатковъ, какіе приписываетъ ей женихъ и его родня.

---

*) Amira, стр 318.

**) Дѣла Терскаго областнаго правленія по судному столу. Въ одномъ случаѣ причиной отказа является скрытое родными слабогрудіе невѣсты, въ другомъ ея глухота, въ третьемъ дурное поведеніе, наступившее уже послѣ сговора. Посредники стараются узнать каждый разъ, на сколько дѣйствительны всѣ эти обвиненія и, смотря по обстоятельствамъ, то присуждаютъ жениха уплатить обиженной имъ семьѣ плату за безчестье, то приговариваютъ послѣднюю къ возвращенію части полученнаго уже ею ирада или калыма.

Обращаю особенное вниманіе на то, что обычай не различаетъ, наступили ли невыгодныя перемѣны въ объектѣ договора уже послѣ его заключенія, или же они существовали и прежде, но были скрываемы до поры до времени заинтересованной въ томъ стороной.

Переходя къ вопросу объ исполненіи договоровъ, намъ необходимо остановиться прежде всего на томъ, какія послѣдствія влечетъ за собою всякаго рода гражданское упущеніе или проступокъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и тотъ, который состоитъ въ отступленіи отъ разъ выговореннаго соглашенія. На этотъ вопросъ обычное право кавказскихъ горцевъ, и въ томъ числѣ Осетинъ, даетъ слѣдующій отвѣтъ. „Всякій туземецъ,—читаемъ мы въ Терскихъ Вѣдомостяхъ за 1868, № 2-й,—не получавшій удовлетворенія по долговымъ и другимъ тяжебнымъ дѣламъ отъ лица посторонняго ему общества, вымѣщалъ (?) свой искъ на комъ нибудь изъ единоземцевъ своего должника. Дѣлалось это такимъ образомъ: какъ только къ мѣстожительству истца пріѣзжалъ человѣкъ съ противной стороны, истецъ, съ помощью своихъ односельчанъ, отбиралъ отъ пріѣхавшаго все, что было при немъ: лошадь, оружіе, деньги, быковъ и проч. Это то, что на Кавказѣ называется барантованіемъ. Лицо, подвергнувшееся такому грабительству, принимало обязательство содѣйствовать матерьяльному удовлетворенію истца со стороны виновнаго своего собрата; въ противномъ случаѣ оно теряло безвозвратно заарестованную у него вещь. Отдавшій баранту немедленно давалъ знать о томъ своей мѣстной

власти, прося ея заступничества. Виновнаго въ несвоевременномъ исполненіи разъ принятаго на себя обязательства принуждали „освободить“ сдѣланную за него баранту. На практикѣ это сводилось къ требованію войти въ прямое соглашеніе съ истцомъ, послѣ чего баранта возвращалась хозяину. Буде виновный успѣвалъ скрыться, на его мѣсто барантованію подвергался одинъ изъ среды его одноземцевъ. Подвергшійся барантованію нерѣдко противуставлялъ силу силѣ и мстилъ противнику однохарактернымъ грабежомъ. Объектами барантованія служили обыкновенно конные табуны, рогатый скотъ, овцы, нерѣдко также холопи и даже свободные люди—родственники лица, не устоявшаго въ соглашеніи. Чтобы понять источникъ происхожденія такого страннаго на первый взглядъ обычая, слѣдуетъ поискать аналогичныхъ ему явленій въ исторіи права и современномъ крестьянскомъ быту. Чѣмъ въ Осетіи и вообще у кавказскихъ горцевъ является барантованіе, тѣмъ въ Малороссіи былъ еще недавно такъ называемый „грабежъ“. Все различіе сводилось развѣ къ тому, что послѣдній направляемъ былъ непосредственно противъ неустоявшей въ договорѣ стороны, не касаясь родственниковъ, такъ какъ послѣдніе, при сравнительно широкомъ развитіи индивидуализма обыкновенно не сожительствовали съ виновникомъ. Переходя къ памятникамъ древняго права, мы и въ нихъ безъ труда найдемъ многія черты, напоминающія кавказское барантованіе и неоставляющія сомнѣнія въ томъ, что самоуправство являлось нѣкогда ближайшимъ способомъ вынужденія разъ состоявших-

ся соглашеній. Очевидно, однако, что въ обществахъ съ сколько нибудь развитою политической властью неограниченное самоуправство, какъ противное общественному порядку, совершенно немыслимо. Первымъ шагомъ всякаго правительства на пути установленія земскаго мира, необходимо должна быть попытка, если не искоренить вовсе, то по крайней мѣрѣ регулировать такое самоуправство. Вотъ почему въ древнѣйшихъ даже памятникахъ законодательства и судебной практики, какъ появившихся много лѣтъ спустя послѣ первыхъ зачатковъ государственности, мы встрѣчаемъ уже самоуправство подчиненнымъ цѣлому ряду правилъ, нарушеніе которыхъ налагаетъ отвѣтственность на лицо, прибѣгающее къ нему. Всего богаче этими правилами древнее право Ирландіи. Первая часть Сенхусъ Мора, ранняя редакція котораго восходитъ къ пятому столѣтію, всецѣло посвящена разсмотрѣнію того порядка, какимъ частное лицо вправѣ искать возстановленія нарушеннаго права. Средствомъ къ тому является захватъ имущества, принадлежащаго обидчику. Такой захватъ разрѣшается одинаково, какъ въ случаяхъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ правонарушеній, при чемъ между тѣми и другими не проводится никакого различія: и въ спорахъ о раздѣлѣ наслѣдства, и при сломаніи чужой загороди, и при неисполненіи договора, въ частности—неисправномъ платежѣ долга, и при обидахъ дѣйствіемъ, раненіяхъ, убійствахъ, кражахъ и т. п. Въ отличіе отъ осетинскаго, ирландское барантованіе можетъ быть произведено лишь съ со-

блюденіемъ извѣстныхъ правилъ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: захватъ чужаго имущества дозволяется только вполнѣ правоспособному лицу, а такимъ признается совершеннолѣтній членъ общества, отнюдь не поселенецъ, стоящій подъ покровительствомъ другаго, или человѣкъ, не находящій себѣ поддержки, другими словами безродный, не входящій въ составъ того или инаго кровнаго сообщества *). Захватъ далѣе можетъ быть предпринятъ только по отношенію къ правоспособному хозяину вещи, а не лицу, состоящему въ его услуженіи, собственнику земли, а не поселенцу (fuidhir) **). Совершеніе его должно быть засвидѣтельствовано очевидцемъ и въ интересахъ такой публичности Сенхусъ Моръ требуетъ отъ истца, чтобы послѣдній каждый разъ сопровождаемъ былъ при производствѣ захвата постороннимъ лицомъ, которое въ англійскомъ переводѣ неудачно названо адвокатомъ. Захваченная истцомъ движимость, обыкновенно скотъ, не сразу поступаетъ въ его личное пользованіе. Сенхусъ Моръ подробно останавливается на вопросѣ о томъ, сколько времени истецъ долженъ ждать удовлетворенія своей претензіи кредиторомъ или назначенія послѣднимъ поручителей въ исполненіи имъ обязательства ***). Срокъ этого различенъ, смотря по характеру правонарушенія и личности отвѣтчика —

*) Senchus Mor, m. I Anc. L., стр. 107.
**) Ibid, стр. 85 и 103.
***) Ibid, стр. 65 и 109

три, пять, или десять дней. Пока не истекалъ срокъ захваченное имущество оставалось, такъ сказать, подъ секвестромъ, въ загонѣ, представлявшемъ собой кусокъ огороженнаго поля. По истеченіи срока назначались льготные дни, по окончаніи которыхъ присвоенное по частямъ становилось собственностью захватившаго. При недостаточности захвата для покрытія долга, возможно было обращеніе къ добавочному захвату. Хотя предметомъ захвата обыкновенно былъ скотъ, но возможно было задержаніе и прочаго имущества должника, также и его самого *). Описанный порядокъ производства захватовъ сами комментаторы Сенхусъ-Мора не считаютъ древнѣйшимъ: они говорятъ о времени, когда всякій захватъ длился не болѣе одного дня, т. е. совершаемъ былъ съ обходомъ цѣлаго ряда правилъ, которымъ онъ подчиненъ въ сводѣ. Въ этомъ видѣ ирландскій захватъ ближе подходитъ къ осетинскому „барантованію“ и это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что, какъ видно изъ сравненія нѣкоторыхъ сторонъ ирландскаго захвата съ постановленіями индусскаго права, происхожденіе его должно быть отнесено къ древнѣйшему періоду арійской жизни **).

*) Preface, стр. XVII т. I.

**) Въ Ирландіи захвату, направленному противъ родоваго старѣйшины, предшествуетъ личная явка кредитора къ должнику. Не входя въ домъ послѣдняго, кредиторъ 24 часа ждетъ уплаты ему долга, не принимая во все это время пищи. Столь же обязательнымъ признается воздержаніе отъ нея въ подобномъ же случаѣ и въ Индіи, какъ видно изъ постановленій Ману о такъ наз. „Acharitan“ (ibid, стр. XLIX).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ постановленій другихъ древнихъ законодательствъ о порядкѣ вынужденія договора заинтересованной въ немъ стороною, я замѣчу, что нѣмецкому историку Зому *) удалось открыть слѣды такого же непроцессуальнаго порядка, основаннаго на началѣ самодѣятельности истца, въ древнѣйшемъ текстѣ Салической Правды и что римская pignoris capio во многомъ напоминаетъ, какъ ирландскій, такъ и германскій обычай **).

При сходствѣ въ цѣляхъ и самомъ способѣ его производства, осетинское барантованіе, малороссійскій „грабежъ“, ирландскій захватъ и римское pignoris capio—представляютъ существенныя черты различія, отмѣчая собою каждое послѣдовательныя стадіи вымиранія архаическаго самоуправства. Тотъ видъ захвата, который доселѣ удержался въ средѣ кавказскихъ горцевъ, несомнѣнно долженъ быть признанъ древнѣйшимъ, такъ какъ имъ молчаливо признается солидарность всѣхъ членовъ одного кровнаго союза, откуда возможность наложить руку на имущество не одного только ближайшаго виновника неисполненія договора, но и любого изъ его родственниковъ односельчанъ. Во всѣхъ остальныхъ видахъ захвата, съ которыми знакомятъ насъ и современные обычаи малороссовъ и древніе памятники арійскаго законода-

---

*) Process der Lex Salica

**) См. Мэнъ. Древнѣйшая исторія учрежденій, — Лекція восьмая и девятая.

тельства,—самоуправство носитъ уже характеръ индавидуальнаго дѣйствія, совершаемаго непосредственно заинтересованнымъ лицомъ. Другое дѣло въ Осетіи и вообще на Кавказѣ. Практикуемое здѣсь барантованіе осуществляется при подмогѣ родственниковъ односельчанъ, т. е. носитъ еще всѣ признаки родоваго самоуправства.

Чѣмъ далѣе стоитъ допускаемая законодательствомъ самопомощь сторонъ въ исполненіи договоровъ отъ ея первоначальнаго типа, тѣмъ болѣе и болѣе захватъ принимаетъ форму самоуправнаго установленія залога, возвращаемаго вслѣдъ за выполненіемъ договора. Этотъ характеръ съ наглядностью выступаетъ въ римской pignoris capio, но онъ чуждъ еще ирландскому захвату, такъ какъ послѣдній предполагаетъ возможность возмѣщенія себя кредиторомъ изъ захваченнаго имущества.

Задаваясь вопросомъ о томъ, удовлетворяетъ-ли описанная нами система захвата той цѣли, какую современное законодательство преслѣдуетъ въ требованіи возмѣстить сторонѣ, устоявшей въ договорѣ, понесенные ею вредъ и убытки, мы должны сказать, что несоотвѣтствіе между размѣрами произведеннаго захвата и величиною понесеннаго вреда одно уже заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы самопомощь сторонъ при выполненіи договоровъ преслѣдовала вышеуказанную цѣль. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ захватѣ, производимомъ устоявшей въ договорѣ стороною, надо видѣть не болѣе, какъ месть, и такое заключеніе слѣдуетъ не только изъ приведенныхъ уже нами данныхъ, но и изъ тѣхъ, какія по вопросу о неисправномъ пла-

тежѣ долга содержатъ въ себѣ юридическіе памятники любого изъ арійскихъ народовъ. Вспоминая, напр., то, что говорятъ на этотъ счетъ законы XII таблицъ, невольно приходишь къ заключенію, что дѣло идетъ не о возмѣщеніи вреда, а о мести виновному. Какая матерьяльная польза, въ самомъ дѣлѣ, могла быть получена отъ разсѣченія должника между его кредиторами *). Дѣло шло, очевидно, объ удовлетвореніи чувства мести, подобнаго тому, какое въ драмѣ Шекспира побуждаетъ Шейлока заключить свой извѣстный договоръ съ Антоніо, отнюдь не о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ неуплатою долга.

Причина, по которой самопомощь сторонъ признается способомъ исполненія договора, лежитъ несомнѣнно въ отсутствіи въ древнѣйшемъ правовомъ строѣ поддерживаемыхъ государствомъ судовъ. Какъ тѣсна связь между послѣдними и принудительнымъ выполненіемъ договоровъ, показываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ Швеціи вытекающія изъ договоровъ обязательства получили государственную защиту тѣмъ и съ тѣхъ только поръ, когда обиженной сторонѣ дозволено было обжаловать фактъ неисполненія договора въ королевскомъ судѣ. **) Сказаннымъ объясняется причина, по которой въ Осетіи, при господствѣ начала родового самосуда, не допускающаго дру-

*) Tertiis nundinis partis secanto. Si plus minusve secuerunt, se fraude esto. Leges XII Tab.; Tab. III, Bruns. Fontes juris romani antiqui.

**) См. Амира, стр. 110.

гаго разбирательства, кромѣ посредническаго, не было и не могло быть вынужденія сторонъ къ исполненію договоровъ. Нарушеніе ихъ, какъ дѣйствій, причиняющихъ матерьяльный вредъ, давало только право обиженному преслѣдовать обидчика силой, точь въ точь, какъ въ случаяхъ нанесенія ему вреда ранами, побоями и воровскимъ похищеніемъ его имущества. Жертвою такого насилія прежде всего становилось имущество; но, при недостаточности его, могъ послѣдовать захватъ и самой личности неустоявшаго въ соглашеніи контрагента. Въ этомъ смыслѣ, за одно съ осетинскими обычаями, высказываются не только упомянутые уже нами законы XII таблицъ, но и народныя правды Германцевъ и Славянъ. Всѣ они предвидятъ возможность одного и того же исхода: насильственнаго обращенія въ неволю неисправнаго контрагента, неволю постоянную или временную, въ послѣднемъ случаѣ до момента исполненія договора *). „Насилити и продати“— вотъ тѣ два послѣдствія, которыя Русская Правда также связываетъ съ неуплатою должникомъ сдѣланнаго имъ займа (ст. 68. Карамзинскаго списка), и это тѣ самыя, какія грозили ему одинаково и въ древнемъ Римѣ и въ лѣсахъ первобытной Германіи, и въ несравненно болѣе позднюю эпоху редактированія скандинавскихъ правдъ. Осетинамъ до самого момента уничтоженія въ ихъ средѣ зависимыхъ сословій было извѣстно закабаленіе за

*) О существованіи въ Швеціи временнаго рабства за долги на ряду съ постояннымъ см. Amira, 127—129.

долги, повидимому одно лишь пожизненное, такъ какъ попавшихъ въ кабалу обыкновенно продавали на чужбину въ Грузію и Кабарду. Съ уничтоженіемъ рабства и установленіемъ постоянныхъ судовъ въ Осетіи, оба указанные мною вида удовлетворенія по договорамъ вышли, разумѣется, изъ употребленія. Отвѣтственность падаетъ теперь всецѣло на имущество должника и съ его смертью переходитъ на наслѣдниковъ. Но, что это послѣднее правило далеко не можетъ быть признано архаическимъ, слѣдуетъ изъ того, что при той личной отвѣтственности, какую на первыхъ порахъ обязанъ былъ нести неисправный контрагентъ, не могло быть и рѣчи о переходѣ обязательства по наслѣдству, почему нѣкоторыя законодательства, остающіяся вѣрными этому принципу, и въ числѣ ихъ валлійское, провозглашаютъ открыто слѣдующее правило: „договоръ дѣйствителенъ лишь до тѣхъ поръ, пока сторона остается въ живыхъ“ *).

Осетинскимъ обычаямъ извѣстны только три способа обезпеченія договоровъ—это закладъ движимости (цинди), отличіе котораго отъ нашего состоитъ въ правѣ кредитора пользоваться заложенною ему вещью, назначеніе поручителя или такъ называемаго фидара и задатокъ. Въ современномъ его значеніи осетинское поручительство ничѣмъ не отличается отъ нашего, но не таковъ былъ его характеръ въ старые годы. Поручитель вполнѣ замѣ-

*) A contract only continues during the life of the person, who makes it. (The Venedotian code) a L, стр. 67.

нялъ собою должника и подобно ему несъ не только имущественную, но и личную отвѣтственность предъ кредиторомъ. При такихъ условіяхъ поручительство являлось самостоятельнымъ видомъ договоровъ; а потому и будетъ описано нами впослѣдствіи въ ряду другихъ. О неустойкѣ Осетины не имѣютъ никакого понятія; задатокъ, обозначаемый ими почему-то русскимъ словомъ „закладъ", а иногда и просто—задатокъ, какъ видно изъ одного этого факта,—не болѣе, какъ нововведенье; объ уплатѣ его рѣчь заходитъ только при сговорѣ. Отецъ жениха обыкновенно даетъ отцу невѣсты вола или его стоимость. Но такой платежъ не обязателенъ и повидимому недавняго происхожденія. Въ старые же годы дружка жениха по полученіи согласія довольствовался передачей родителямъ невѣсты какого нибудь подарка отъ, имени жениха, всего чаще пистолета. Передача его какъ мы уже имѣли случай замѣтить, удостовѣряла собою фактъ заключенія самого соглашенія.

Что касается до залога, то съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ этотъ институтъ является въ нашемъ законодательствѣ, онъ Осетинамъ неизвѣстенъ. Встрѣчается у нихъ только такъ называемый „баветау", нѣчто довольно близкое, но не тождественное съ nantissement стариннаго французскаго права. Лицо, въ интересахъ котораго онъ учреждается, имѣетъ право пользоваться заложеннымъ ему имуществомъ, какъ своимъ, до момента выполненія договора и подъ условіемъ отказа отъ процентовъ. Эта послѣдняя черта буквально повторяющаяся и

въ индусскомъ правѣ *) указываетъ на то, что пользованіе кредитора является своего рода ростомъ и что слѣдовательно передъ нами не иное что, какъ особый видъ возмездной ссуды.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ договоровъ, я остановлюсь лишь на тѣхъ изъ нихъ, юридическая конструкція которыхъ не успѣла еще обрисоваться въ сказанномъ мною выше. Вотъ почему я не стану болѣе упоминать ни о дареніи, ни о мѣнѣ и куплѣ, и ограничусь только замѣчаніемъ, что Осетины вполнѣ различаютъ эти три вида сдѣлокъ, называя каждую особымъ терминомъ **). Мнѣ предстоитъ такимъ образомъ перейти прямокъ ссудѣ—займу, или выражаясь болѣе общо, къ долговому соглашенію, а послѣднее, какъ я сейчасъ покажу, носитъ въ Осетіи много чертъ, совершенно несходныхъ, однѣ съ ссудою, другія съ займомъ,—чертъ, объясненіе которыхъ возможно не иначе, какъ путемъ приведенія историческихъ параллелей. Прежде, чѣмъ говорить объ осетинскомъ долговомъ соглашеніи, а также о другихъ видахъ договоровъ, извѣстныхъ ихъ обычному праву, я считаю нужнымъ предпослать моему изложенію слѣдующую общую оговорку. Явленія слабо развитаго юридическаго строя, каковъ осетинскій, строя, въ которомъ отдѣльные виды сдѣлокъ не успѣли еще вполнѣ обособиться, съ трудомъ могутъ быть переданы терминами, заимствованными изъ римской юриспру-

*) Vischnu.

**) Купля-продажа по осетински—*уайя*, мѣна—*айсвунъ*.

денціи. Какъ будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, осетинское долговое соглашеніе, напр. обнимаетъ собою и ссуду въ тѣсномъ смыслѣ, и заемъ. Какъ примѣняемое къ недвижимому имуществу, оно подчасъ всего болѣе подходитъ подъ понятіе найма, а такъ какъ объектомъ его можетъ быть и скотъ, причемъ вознагражденіемъ хозяина является приплодъ отъ послѣдняго, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно всего болѣе отвѣчаетъ представленію о римскомъ usus, который, какъ извѣстно былъ видомъ не договорнаго, а вещнаго права. Пришлось бы такимъ образомъ примѣнить къ нему въ разныхъ случаяхъ цѣлыхъ четыре различныхъ термина, что разумѣется повело бы къ тому, что то отсутствіе диференцированія, которое отличаетъ собою осетинское, какъ и всякое вообще слабо развитое, договорное право, совершенно изгладилось бы въ представленіи читателя. Въ прежніе годы не только у насъ, но и на западѣ, историки правда не прочь были подводить подъ римскія дефиниціи нерѣдко вполнѣ своеобразные юридическіе институты, открываемые въ изучаемомъ ими правѣ. Всѣ неудобства такого пріема сами собою бросятся въ глаза, разъ я скажу, что, благодаря такой игрѣ терминами, германисты до Виса и Гейслера считали возможнымъ подводить права общиннаго пользованія подъ римскіе сервитуты и примѣнять послѣдовательно къ первымъ всѣ тѣ ограниченія, которымъ подлежали послѣдніе. Чтобы не впасть въ однохарактерныя ошибки, я предпочитаю ограничиться простымъ описаніемъ встрѣченныхъ мною у Осетинъ видовъ договоровъ, не придавая упо-

требляемымъ мною терминамъ: ссуда, заемъ, поклажа, другаго значенія, кромѣ того, какимъ они пользуются на разговорномъ языкѣ и позволяя себѣ поэтому говорить о ссудѣ съ процентами или о займѣ—res non fungibiles.

Историки права согласны между собою въ томъ, что однимъ изъ древнѣйшихъ, если не самымъ древнимъ видомъ юридическихъ сдѣлокъ, является ссуда, какъ безвозмездная, такъ и возмездная (заемъ). Даже въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ, какъ напримѣръ, въ Салической Правдѣ, нѣтъ еще упоминанія о продажѣ, по крайней мѣрѣ недвижимой собственности, говорится уже о случаяхъ, „когда кто кому ссудитъ что либо изъ своихъ вещей“ (si aliquis alteri aliquid prestiterit de rebus suis *). Заемъ, какъ извѣстно, почти не является на первыхъ порахъ въ формѣ денежной ссуды, что объясняется самой рѣдкостью находящихся въ обращеніи мѣновыхъ цѣнностей: объектомъ его всего чаще бываетъ рабочій скотъ и сѣмена для посѣвовъ, а также всѣ вообще предметы первой необходимости. Въ индусскихъ сводахъ, напримѣръ, говорится объ отдачѣ въ ссуду не только денегъ (золота), но и хлѣбныхъ зеренъ, напитковъ, платья, шерсти, кожи, оружія, кирпича для построекъ, рабынь и рабочаго скота **).

Вотъ почему въ ирландскихъ источникахъ говорится о правѣ заемщика платить кредитору тѣми видами цѣнностей, какіе будутъ у него въ рукахъ

---

*) Tt. 21 Lex. Sal. Antiqua (изд. Hessel'я и Kern'a)
**) Vischnu. VI. 11—16

въ моментъ исполненія обязательства, какъ о поновведеніи *).

Древне-шведское законодательство въ свою очередь говоритъ о займѣ хлѣба, лошади, вола, несвободнаго человѣка, построекъ и въ числѣ ихъ бань. **) Полученіе въ ссуду наравнѣ съ деньгами (куны) скота и меду прямо упоминается также Русскою Правдою ***).

Въ современномъ его видѣ заемъ является ссудою движимости и въ этомъ лежитъ одна изъ чертъ различія его съ имущественнымъ наймомъ. Такое исключеніе недвижимости изъ числа ссужаемыхъ предметовъ неизвѣстно древнему праву. Древняя римская ссуда является одновременно и ссудой движимости, и ссудой недвижимости. ****) Кромѣ упомянутой уже ссуды домовъ и бань, шведское право говоритъ еще о ссудѣ земли, которую обозначаетъ особымъ терминомъ lof, отличая ее тѣмъ отъ ссуды движимости—lan. *****) Русская Правда повидимому также знала ссуду недвижимости. Ея ролейные закупы никто другой какъ заемщики, получавшіе отъ недвижимаго собственника вмѣстѣ съ рабочимъ инвентаремъ, вѣроятно и нужную для обработки съ землю обязательствомъ, взамѣнъ процентовъ, служить ему безвозмездно. ******)

---

*) Tit. IV, стр. 37.
**) Amira, стр. 654.
***) Карамз. См. стр. 47.
****) Муромцевъ, ст. 300
*****) Amira, стр. 658.
******) Карамз. ст. ст. 71.

Въ понятіе договора займа необходимо входитъ въ наше время понятіе о болѣе илименѣе опредѣленномъ срокѣ*). Тогоже нельзя сказать о древнемъ займѣ. Ни въ одномъ изъ кодексовъ древней Индіи не встрѣчаю я какихъ либо предписаній на счетъ обязательности срока. Пожизненнымъ долгомъ, повидимому, является также тотъ, какой заключаетъ шведскій крестьянинъ, вступая въ договоръ lana или ссуды недвижимости. Изъ Русской Правды также не слѣдуетъ, чтобы закупы не были пожизненными заемщиками. Отсутствіе того, что позднѣйшему праву извѣстно подъ названіемъ исковой давности, вѣроятная причина того безразличія, съ какимъ древнее право относится къ включенію или не включенію сторонами въ ихъ договоръ условія о срокѣ. Получившій ссуду отвѣчалъ за цѣлость даннаго ему предмета, что фигурально выражаютъ старинные шведскіе законы, говоря: „занятое не можетъ погибнуть ни отъ огня, ни отъ воды.“ **) Изъ этихъ словъ, а также изъ тѣхъ жалобъ, какія нѣкоторыя позднѣйшія сборники ирландскихъ судебныхъ рѣшеній подымаютъ противъ тѣхъ, кто требуетъ отъ должника возвращенія долга тѣмъ самымъ видомъ цѣнностей, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ, можно заключить, что на первыхъ порахъ такой порядокъ былъ освящаемъ обычаемъ ***).

Къ тому же убѣжденію приводитъ насъ самый текстъ тѣхъ титуловъ Салической и Рипуарской

*) Мейеръ Русское. Гражданское право § 38

**) Amira, ст 656.

***) Примѣчаніе 1-е, стр. 199.

Правды, которые говорятъ о займѣ. Должникъ подвергается извѣстнымъ послѣдствіямъ, si rem prestitam retinere praesumpserit (буквально: если осмѣлится удержать ссуженную ему вещь.)

Всего же нагляднѣе эта обязанность возвращенія не иного другаго, какъ занятаго предмета, выступаетъ въ римскомъ правѣ. Не исполнившій ея приравнивается вору *) и подлежитъ по этому уплатѣ duplum. **) Въ свою очередь, индусскіе своды настаиваютъ на возвращеніи предмета „въ томъ самомъ видѣ въ какомъ онъ полученъ былъ должникомъ" (Vishnu VII) ***).

Чтобы гарантировать возможность выполненія этого правила, древне-римское право, въ примѣненіи къ ссудѣ, требовало, чтобы должникъ не давалъ взятой имъ вещи иного употребленія, кромѣ того, какое было выговорено при заключеніи договора. По мнѣнію Сцеволы, говоритъ г. Муромцевъ, тотъ поступалъ воровски, кто, получивъ вещь въ ссуду, измѣнялъ произвольно способъ пользованія ею. То-же самое начало проводится и законодательствомъ Уэль-

---

*) Муромцевъ, стр. 300.

**) Lex Rib. tit 52: То же положеніе высказываетъ и Салическая Правда въ тѣхъ словахъ, съ которыми кредиторъ, согласно ей, долженъ обратиться къ неисправному должнику: quas quia res meas noluisti reddere, tibi praestiteram...

***) Thou shallt not bind any one to pay in copper or silver, or gold, but a chief; thou shalt not bind any one to pay in kine like those of Cinnia, who has not Kine („Cinnia was the first who brought Kine in Erin"), thou shaltt not bind any one to pay in land, who is wandering, unless he possesses land—it is as a nut without fruit to adjudicate in this manner (m. IV Anc L 37 ст.).

ского герцогства *), а также въ Русской Правдѣ, какъ слѣдуетъ изъ употребляемаго многими текстами ея выраженія: „аже гдѣ холопъ вылжетъ куны“ **).

Но какъ быть, если данная въ заемъ вещь погибала отъ несчастнаго случая? Ирландское право совершенно освобождаетъ должника при такихъ условіяхъ отъ обязанности вернуть не только ссуженное, но и цѣнность его **). Законодательство же Уэльса, придерживаясь того же начала, требуетъ только одного, чтобы должникъ доказалъ въ этомъ случаѣ, что онъ обращался съ занятой имъ вещью, какъ съ собственной и не давалъ ей другаго употребленія, кромѣ выговореннаго ***). Не далѣе, какъ еще во времена Сцеволы, получавшій ссуду не отвѣчалъ въ Римѣ за неосторожное поврежденіе вещи, а только въ случаѣ злонамѣренной ея порчи. При займѣ предметами, а не деньгами, всегда является возможность порчи даннаго въ ссуду. Эта порча очевидно не должна падать на кредитора, который поэтому вправѣ требовать возмѣщенія за нее со стороны должника. О такомъ возмѣщеніи одинаково идетъ рѣчь, какъ въ древнегерманскомъ правѣ, такъ и въ кельтическомъ. Возьметъ-ли кто что нибудь въ ссуду, говорятъ шведскіе законы, онъ долженъ вернуть кредитору занятое

---

*) Walter. Das alte Wales.

**) Изданіе Калачева, стр. 100 ст. LVI.

*) If it is necessity that carried it (т. е. вещь) away from him... no value is taken from him for it at all (стр. 39. Anc. L. of Ireland, т. IV).

*) Anc. Laws, 694,5.

имъ. Порчѣ заемъ не подлежитъ. Если она окажется, должникъ обязанъ вознаградить за нее сполна, въ томъ размѣрѣ, какой будетъ опредѣленъ сосѣдями, которые присутствовали при ссудѣ предмета кредиторомъ *). Если въ полученной въ ссуду лошади окажется какой либо недостатокъ въ моментъ возвращенія ссуды, кредиторъ вправѣ требовать себѣ вознагражденія, читаемъ мы въ законахъ Уэльскаго герцогства, и то же правило примѣняется имъ и къ случаямъ поврежденія другихъ поступившихъ въ ссуду предметовъ **). По всей вѣроятности, эта обязанность возмѣщенія въ случаѣ поврежденія полученной въ ссуду вещи и сдѣлалась источникомъ того правила, по которому въ позднѣйшемъ правѣ заемъ обязывалъ только къ возвращенію цѣнности занятаго, а не самаго полученнаго заемщикомъ предмета.

Ссуда можетъ быть безвозмездной или же наоборотъ возмездною. Въ индусскомъ правѣ мы находимъ любопытное правило, что когда ссуда производится скотомъ или рабынями, процентовъ не полагается, такъ какъ приростъ идетъ въ пользу кредитора ***) и то же, вѣроятно, имѣетъ въ виду и Русская Правда, сопровождая постановленія о ростѣ, (рѣзѣ) подробнымъ расчетомъ того, сколько приросту можетъ быть отъ овецъ, козъ, свиней, кобылъ, коровъ (ланьской телицы), пчелъ и т. д. въ

*) Amira, стр. 656.

**) Anc. Laws, 130, 21, 22—280, 28—345, 35, 280, 27.

***) Of female slaves and cattle the offspring shall be taken as interest (Vishnu, VI, 15).

въ 10 и 12-лѣтній срокъ. Предвидя возможность неуплаты должникомъ въ назначенные сроки слѣдуемыхъ процентовъ и постепенное возрастаніе капитала путемъ процента на процентъ, законодатель кое-гдѣ, какъ напримѣръ въ Индіи, опредѣляетъ, далѣе чего не должно идти это увеличеніе. Заемщикъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ вернуть кредитору болѣе двойной суммы занятаго имъ золота, тройной при ссудѣ хлѣбомъ, въ четыре раза большей, когда рѣчь идетъ о платьѣ. При займѣ же напитковъ, сумма долга можетъ возрасти до требованія въ восемь разъ большаго противъ займа.

Другія законодательства, какъ напримѣръ наше, опредѣляютъ размѣръ процента, повышаютъ или понижаютъ его, смотря по тому, сдѣланъ ли заемъ на годъ, на треть года или всего на всего на мѣсяцъ, и совершенно запрещаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ взиманіе процентовъ по мѣсячному расчету.

Нерѣдко также кредиторъ обезпечиваетъ себѣ ростъ съ капитала тѣмъ, что беретъ у должника въ пользованіе извѣстный земельный участокъ, который и остается за нимъ до времени платежа долга. Такой порядокъ вещей, при которомъ заемъ соединяется съ залогомъ въ его древнѣйшей формѣ „mortgage“ или nantissement, между прочимъ считался нормальнымъ въ Швеціи, какъ видно изъ ея древняго законодательства, превосходно истолкованнаго въ этомъ отношеніи Амирой *). Нерѣдко та же цѣль, т. е. своевременное полученіе

---

*) Amira, стр. 661.

дохода съ капитала, достигалась еще и тѣмъ путемъ, что во все время, пока долгъ не былъ уплаченъ, должникъ обязывался производить безвозмездно какія либо работы въ пользу кредитора. Въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто соединеніе въ одномъ лицѣ должника и наймита—фактъ, съ существованіемъ котораго знакомитъ насъ наше древнее закупничество, при которомъ ссуда могла быть одновременно не только деньгами и скотомъ, но, какъ въ шведскомъ правѣ, по всей вѣроятности и землею и должникъ, удерживая вполнѣ личную свободу, становился на время работникомъ своего кредитора *).

Таковы въ главныхъ чертахъ характерныя особенности древняго долговаго соглашенія, понимая подъ нимъ одинаково заемъ и ссуду, если не говорить о тѣхъ, которыя общи ему съ другими договорами, какъ-то заключеніе его въ присутствіи уполномоченныхъ отъ семейной общины, если должникомъ являлась послѣдняя, или простыхъ свидѣтелей во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Этотъ экскурсъ въ область исторіи древняго займа всего лучше объясняетъ многія особенности осетинскаго долговаго права. Чтобы познакомить съ ними читателя я выбираю одно изъ бывшихъ у меня подъ рукою судебныхъ дѣлъ. Назадъ тому шестьдесятъ четыре года и четыре мѣсяца, доноситъ 9-го октября 76 г. въ терское областное управленіе заромагскій житель Амзора Кайтмазовъ, покой-

*) Ст. 70 и 71 Карамз. Сп. Русской Правды и объясненіе къ нимъ профессора Буданова.

ный отецъ мой Гани, по существовавшему въ то время между Осетинами обычаю, взялъ у Нарскаго жителя Дзанаспи Хетагурова одного быка съ обычнымъ условіемъ платить упомянутому Хетагурову до возвращенія ему быка ежегодно по 3 р. 20 копѣекъ. По крайней бѣдности свой отецъ мой не могъ возвратить Хетагурову быка, такъ какъ отдалъ его въ калымъ, когда сваталъ мою мать, а также не могъ уплатить ему и стоимости быка. Въ теченіе 46 лѣтъ, онъ продолжалъ поэтому вносить Хетагурову ежегодно по 3 р. 20 к. и такимъ образомъ уплатилъ ему 147 р. 20 к. По смерти отца, я, какъ прямой его наслѣдникъ, не былъ избавленъ отъ такой несправедливой дани и,не смотря на то, что отецъ оставилъ мнѣ всего четверть десятины, цѣна которой не больше тридцати рублей, мнѣ пришлось платить Хетагурову сказанную дань 18 лѣтъ, такъ что всего мною и отцомъ уплачено ему 204 р. 80 копѣекъ. Когда же я отказалъ Хетагурову въ платежѣ ему такой несраведливой дани, онъ 19-го мая 74-го года предъявилъ на меня жалобу въ заромагскій сельскій судъ. Изъ дальнѣйшаго хода дѣла видно, что судъ приговорилъ Кайтмазова къ уплатѣ Хетагурову двойной стоимости быка въ количествѣ 20 р. на томъ основаніи, во 1-хъ что волъ не былъ возвращенъ его отцомъ, какъ требуетъ этого обычай, и во 2-хъ потому, что сынъ, съ принятіемъ наслѣдства вступаетъ и во всѣ обязательства отца. Въ этой жалобѣ, какъ нельзя лучше выступаютъ слѣдующія особенности осетинскаго займа: 1) заемъ производится предметами, а не деньгами 2), должникъ обязанъ вернуть кредитору тотъ са-

мый предметъ, какой былъ взятъ имъ у него. Если требованіе это не будетъ исполнено, получившій ссуду отвѣчаетъ, какъ за воровство,—возвращеніемъ двойной цѣны взятаго имъ въ ссуду, 3) заемъ можетъ быть безсрочнымъ, 4) размѣръ процента составляетъ не менѣе трети занятаго *), 5) обычай не опредѣляетъ того максимума, далѣе котораго не должно идти накопленіе процентовъ. Въ данномъ случаѣ сумма процентовъ, приблизительно, въ 10 разъ больше стоимости занятаго. Остановимся на болѣе детальномъ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ: во 1-хъ, ссуда производится въ Осетіи не деньгами только, но и предметами. Какіе предметы, спрашивается, идутъ въ ссуду? Изъ бывшихъ въ моемъ разсмотрѣніи дѣлъ видно, что всего чаще такимъ предметомъ является скотъ ссужаемый обыкновенно на весьма тяжкихъ для заемщика условіяхъ. Впрочемъ, въ томъ случаѣ, если кредиторомъ является близкій родственникъ, ссуда скота бываетъ и безвозмездной. Когда ссуда скота производится безвозмездно и на долгій срокъ, приростъ поступаетъ въ пользу заемщика, въ противномъ же случаѣ—въ пользу кредитора. Любопытный видъ безвозмездной ссуды скота представляетъ такъ называемый „ангустъ“ или „ангосина“, состоящій въ томъ, что во время производства пахоты, сосѣдніе дворы взаимно ссу-

*) Рогатый скотъ, какъ видно изъ Сборника осетинскихъ Адатовъ 36, цѣнился въ Осетіи весьма дешево: въ первой четверти этого вѣка быкъ стоилъ даже менѣе 10 рублей, корова 5; цѣна барана не доходила и до рубля.

жаютъ другъ друга скотомъ. Такая ссуда скота соединяется обыкновенно съ столь же безвозмездной ссудой рабочихъ и притомъ такимъ образомъ, что тотъ дворъ, который поставилъ меньше воловъ, долженъ поставить больше рабочихъ и наоборотъ. Нельзя назвать такую ссуду даровой, такъ какъ всякій произведшій ее дворъ въ правѣ ждать такой же услуги отъ одолженнаго имъ сосѣда. Ходячія дефиниціи, цѣликомъ заимствованныя изъ римскаго права, довольно плохо выражаютъ сущность этого любопытнаго обычая. Всего удобнѣе передать его содержаніе терминомъ, доселѣ употребительнымъ въ нашемъ крестьянскомъ быту, назвавъ его „общественною помочью“.

Эти общественныя помочи не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которыя при уборкѣ хлѣба и сѣна производятся взаимно сосѣдними другъ другу дворами, каждый разъ по приглашенію нуждающагося въ нихъ и за одно только угощеніе. Помочи эти извѣстны въ Осетіи подъ наименованіемъ „Зіу“ *). Тѣ помочи, которыя мы имѣемъ въ настоящее время въ виду, встрѣчаются, какъ общее правило, въ одной лишь плоскостной части южной Осетіи. Происхожденіе ихъ объясняется обычаемъ пахать землю большими плугами, обыкновенно съ семиголовою упряжью. Тогда какъ въ горахъ пашутъ сохою въ одну пару воловъ, говоритъ г. Фларовскій въ своемъ описаніи Горійскаго и Душетскаго

*) См. Закавказскій Вѣстникъ, 1855 г., № 32.

уѣздовъ *), въ низкихъ мѣстахъ употребляютъ 6, 7 и 8 паръ; не имѣющіе достаточнаго числа головъ, пашутъ общими силами, составляя полные плуги слѣдующимъ образомъ. Одинъ ставитъ самый плугъ, другой—работниковъ, третій—большее или меньшее число быковъ и т. д. Обычаемъ установился разъ на всегда слѣдующій порядокъ оцѣнки всего, поступающаго въ общее пользованіе. Поставка плуга или, точнѣе говоря, входящаго въ его составъ желѣза—приравнивается 3-хъ дневному паханію; тотъ, кто доставитъ деревянную часть его, считается пахавшимъ одинъ день; тотъ же, кому принадлежатъ нужные для упряжи ремни, въ правѣ считаться пахавшимъ въ теченіи двухъ дней; каждый изъ погонщиковъ, всѣхъ числомъ четыре, признается работавшимъ 2 дня, идущій-же за плугомъ въ одинъ день считается поработавшимъ столько, сколько обыкновенный рабочій въ 4 дня; наконецъ, тотъ, кто караулитъ скотъ ночью, во все время продолженія пахаты, въ правѣ требовать, чтобы его трудъ приравниваемъ былъ къ двухъ-дневному паханію. Примѣнительно къ указанному масштабу происходитъ доселѣ расчетъ между сложившимися для пахоты дворами.

Описанная система заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ ней можно найти рѣшительное подтвержденіе той догадкѣ, которая высказана была Зебомомъ на счетъ порядка общей оранки не

*) См. Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, ч. II, 1836 г., стр. 60 и 62.

только во всей средне-вѣковой Европѣ, но и на востокѣ, всюду, была распространена занесенная съ запада феодальная система. Зебому удалось подтвердить свою догадку только ссылкой на тѣ порядки, какіе господствовали въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ основаннаго крестоносцами государства. Приведенные нами факты доказываютъ существованіе ихъ въ столь же феодальномъ по характеру грузинскомъ государствѣ. Но доказывая вполнѣ мысль Зебома о производствѣ пахоты общими силами сложившихся дворовъ, приведенные факты въ то же время указываютъ на то, что эта система ни мало не связана съ господствомъ начала общиннаго владѣнія, о которомъ въ данныхъ мѣстностяхъ нѣтъ и помину. Такимъ образомъ, подкрѣпляя одну изъ догадокъ Зебома, они въ то же время ничего не даютъ для фактическаго обоснованія его основнаго взгляда о томъ, что общинное владѣніе землею обязано своимъ происхожденіемъ системѣ общей оранки.

Наравнѣ со скотомъ, въ ссуду поступаетъ также въ Осетіи оружіе, обыкновенно безвозмездно, и хлѣбное зерно для посѣвовъ, съ обязанностью вернуть его съ присыпомъ, употребляя выраженіе Русской Правды, а до 69 года была не безизвѣстна и ссуда женщинъ-рабынь. По образцу Кабардинцевъ *), Осетины по преимуществу изъ мусульманъ не отдавали своихъ рабынь въ замужество, а устраивали имъ только временныя связи. Всякій

*) Названіе рабыни у Кабардинцевъ *анаутъ*.

старѣйшина имѣлъ право ссудить свою рабыню по выбору тому или другому Фарсаглагу или кавдасарду, который во все время сожительства съ нею могъ безвозмездно пользоваться ея трудомъ; прижитыя же отъ такого сожительства дѣти составляли собственность ссудившаго ихъ господина и замѣняли ему тотъ ростъ, который кредиторъ по обычаю призванъ получать отъ должника. Изъ этого видно, что слова индусскихъ сводовъ о томъ, что за ссуду рабынь не полагается процента, такъ какъ въ замѣнъ ихъ служатъ рождаемыя ими дѣти-рабы, находили себѣ буквальное примѣненіе среди осетинскаго общества.

2) Мы видѣли, что древнее право требуетъ возвращенія кредитору занятаго у него предмета, а не его имущественнаго эквивалента, иначе говоря, согласно ему, собственность на ссужаемую вещь не переходитъ къ должнику, а остается за кредиторомъ. Все, что должникъ получаетъ—это право пользоваться ею до наступленія срока уплаты. Эта черта древняго права доселѣ встрѣчается въ осетинскомъ займѣ. Очевидно, что тамъ, гдѣ объектомъ его являются деньги или хлѣбъ, она неуловима, такъ какъ оба предмета удобозамѣнимы, другое дѣло, если въ ссуду идетъ скотъ или оружіе. Въ этомъ случаѣ, право кредитора требовать возвращенія ему того самого ружья или той самой лошади, какія даны были въ ссуду и преслѣдовать должника, неисполнившаго этого требованія, какъ вора, взысканіемъ съ него двойной цѣны займа,—не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что осетинскій заемъ—договоръ совершенно отличный

отъ того, какой извѣстенъ подъ этимъ именемъ римскому праву позднѣйшей эпохи или нашему десятому тому *).

3) Изъ приведеннаго примѣра видно, что условіе о срокѣ вовсе не признается Осетинами необходимой принадлежностью займа. Шестьдесятъ четыре года не возвращается занятый предметъ и договоръ остается въ силѣ, очевидно въ виду отсутствія исковой давности. Но этого мало. При самомъ заключеніи его, ничего не выговаривается на счетъ времени возвращенія ссуженнаго. Сдѣлавшій заемъ выполнитъ обязательство, когда будетъ въ состояніи это сдѣлать. Дотолѣ съ него требуется только уплата положенныхъ процентовъ.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ. Совершенно независимо отъ постороннихъ вліяній, Осетины и сосѣдніе съ ними горскіе Татары пришли къ выработкѣ довольно сложной системы процентовъ, изученіе которой, быть можетъ, призвано пролить свѣтъ на самый источникъ происхожденія древнѣйшаго расчета процентовъ... Развитіе долговаго права началось у Осетинъ въ эпоху совершеннаго незнакомства ихъ съ денежными знаками. Мѣновою единицею явилась корова. Такъ какъ отъ послѣдней можно ждать ежегоднаго приплода, то осетинскій обычай призналъ воз-

---

*) См. опредѣленіе, даваемое займу напр. Мейеромъ, какъ договору, которымъ должникъ обязывается возвратить въ извѣстный срокъ не тотъ самый предметъ, какой былъ имъ занятъ, а предметъ того же качества и въ томъ же количествѣ. (Русское Гражданское Право, стр. 468).

можнымъ установить правило о томъ, что взявшій корову въ ссуду обязанъ вернуть ее въ концѣ года вмѣстѣ съ теленкомъ, а въ концѣ двухъ лѣтъ вмѣстѣ съ коровой, такъ какъ двухъгодовалая телушка способна уже сдѣлаться коровой, что даетъ намъ увеличеніе капитала вдвое въ теченіе двухъ лѣтъ, или что то же 50% ; отсюда понятно, что Осетины, прилагая тотъ же разсчетъ и къ денежнымъ ссудамъ, могли прійти къ выводу, что и съ нихъ слѣдуетъ въ концѣ года взыскивать въ пользу собственника половину отданной въ заемъ суммы. Вотъ какимъ образомъ получился у нихъ тотъ высокій сборъ, какимъ они облагали еще недавно своихъ должниковъ и который и нынѣ доходитъ до 30%. Въ Дигоріи „присыпъ“ доселѣ равняется нерѣдко половинѣ занятой суммы (съ мѣрки полъмѣрки въ концѣ года). Умственный процессъ, какимъ Осетины пришли къ существующему у нихъ расчету процентовъ не былъ чуждъ, повидимому, и другимъ арійскимъ народностямъ. Что индусы въ частности знали его нѣкогда, можно заключить изъ приведеннаго уже мною постановленія Віазы. Со скота, говоритъ она, кредиторъ получаетъ приплодъ*). То обстоятельство, что Русская Правда, говоря о займѣ, неупоминаетъ о томъ, какой процентъ идетъ кредитору за ссуженный имъ скотъ (нельзя же думать въ самомъ дѣлѣ, что такихъ ссудъ не было въ

*) Of female slaves and cattle the offspring (shall be taken as interest.)

*) Леонтовичъ; ч. II, стр. 29.

древней Россіи), а въ ближайшихъ статьяхъ переходитъ къ вычисленію приплода, какой можно получить отъ скота въ 20 и 12 лѣтъ, по моему также говоритъ о томъ, что процентомъ за ссужаемый скотъ являлся у насъ его приплодъ. А если такъ, то весьма вѣроятно, что тѣ высокіе проценты, о какихъ упоминаетъ Русская Правда, объясняются позднѣйшимъ переводомъ на деньги того ихъ размѣра, какой былъ установленъ ссудою скота и полученіемъ за него приплода.

Но что болѣе всего убѣждаетъ меня въ томъ, что система процентовъ возникла у арійскихъ народностей путемъ подведенія факта ссуды подъ систему естественнаго приплода скота, это то, что во всѣхъ древнихъ законодательствахъ, которыя только упоминаютъ о процентахъ, есть намекъ на взиманіе не простыхъ, а сложныхъ процентовъ. Въ самомъ дѣлѣ едва ли было бы мыслимо чуть не поголовное закабалѣніе за долги простаго народа Аѳинъ и Рима у евпатридовъ и патриціевъ, еслибы вознагражденіе кредитора ограничивалось одними простыми процентами. Непонятно было бы также въ этомъ случаѣ предвидимое индусскими сводами еще при жизни должника возрастаніе занятой имъ суммы и процентовъ на нее до размѣровъ въ восемь разъ, большихъ, противъ первоначальной ссуды *). Но вычисленіе сложныхъ процентовъ на столько тонкая операція, что производство ея чуть не въ младенческій періодъ исторіи довольно трудно было бы допустить, еслибы и въ этомъ отношеніи древніе Аріи не нашли прямаго указа-

*) Vishnu, VI, 14,

нія для себя въ порядкѣ приплода стадъ. Карачаевцы, сидѣвшіе долгое время въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣкогда жили Осетины, до сихъ поръ вычисляютъ сложные проценты примѣнительно къ естественному размноженію коровы. Карачаевскій окружной начальникъ, г. Петрусевичъ, сообщаетъ на этотъ счетъ слѣдующія любопытныя данныя. „Послѣ признанія коровы за единицу мѣны, образовался цѣлый рядъ правилъ для вычисленія процентовъ, основанныхъ на приплодѣ, какой даетъ корова. При этомъ положено было за основное начало при вычисленіи процентовъ, что корова телится всегда не теленкомъ, а телушкой, такъ какъ, въ случаѣ долгихъ просрочекъ, телушка тоже обратится въ корову и въ свою очередь дастъ приплодъ и такъ до безконечности. Такимъ образомъ возникла слѣдующая системм. Корова къ осени ужъ непремѣнно стельная и весною отелится. Въ два года эта даетъ намъ двѣ телушки. Но черезъ годъ телушка перваго года сдѣлается уже коровой и къ концу его, т. е. къ осени слѣдующаго года, въ свою очередь должна быть стельною. Такимъ образомъ, въ два года изъ одной коровы образуется двѣ коровы и одна телушка. Имѣя въ виду эти факты, кредиторъ черезъ годъ взыскиваетъ съ должника сверхъ коровы телушку, а черезъ два года уже корову и телушку и т. д. Расчетъ прироста у Карачаевцевъ осложняется еще тѣмъ, что и за молоко, которое даетъ корова, полагается ими извѣстный приростъ *).

*) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ Сб. Св. о Кавк. Горц. В. IV.

Давнишнее сравнительно введеніе денегъ въ Осетіи нѣсколько затемнило для насъ первоначальный характеръ практиковавшейся здѣсь системы вычисленія процентовъ, но изъ того факта, что и Осетинамъ извѣстно взиманіе процента на процентъ (такъ называемаго ими цауати цауатъ), можно полагать, что въ томъ видѣ, въ какомъ разсчетъ процентовъ производится Карачаевцами, онъ искони извѣстенъ былъ и Осетинамъ.

5) Разрѣшая взиманіе процента на процентъ, цауати цауатъ, обычай въ то же время не опредѣлялъ въ Осетіи того максимума, далѣе котораго не должно было идти возростаніе занятой суммы. Это обстоятельство вѣроятно не мало содѣйствовало увеличенію числа случаевъ закабаленія и объясняетъ намъ многочисленность класса рабовъ или гурзіаковъ въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій освобожденію зависимыхъ сословій.

Одну изъ архаическихъ чертъ осетинскаго долговаго права составляетъ нерѣдко встрѣчающаяся въ немъ замѣна процентовъ доходомъ съ опредѣленнаго участка земли, отдаваемаго должникомъ въ личное пользованіе кредитора. Съ характеромъ такой сдѣлки всего легче познакомиться изъ слѣдующаго дѣла, записаннаго мною въ канцеляріи начальника Терской области. Въ 74 году вдова Кодзоева, не имѣя возможности выплатить слѣдуемыя ею Авраму Цохоеву 90 р. въ калымъ за взятую сыномъ ея невѣсту, даетъ на девять лѣтъ участокъ земли въ Кургхумѣ. Участкомъ этимъ Цохоевъ въ правѣ пользоваться, какъ заблагоразсудитъ. Если черезъ девять лѣтъ калымъ будетъ выплаченъ,

земля снова вернется въ руки Кодзоева. Видѣть въ такомъ договорѣ залогъ нельзя потому, что кредитору предоставлено право пользованія. Къ тому же, если бы пользованіе участкомъ служило только обезпеченіемъ долга, то ссуда была бы безвозмездной. Но этого вовсе не имѣется въ виду и сторона, въ пользу которой сдѣланъ бавстау, извлекаетъ изъ произведенной ею ссуды ежегодную прибыль въ формѣ получаемаго ею съ имущества дохода. Договоръ этотъ, такимъ образомъ, совершенно однохарактеренъ съ тѣмъ, къ какому, съ одинаковою цѣлью обезпеченія роста, обращалось, какъ мы видѣли, древнее шведское право. Но если бавстау не есть залогъ, то это несомнѣнно его первообразъ и, что это такъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія французскаго и англійскаго залоговаго права, въ которыхъ nantissement и mortgage отличаются тѣми же характерными признаками, что и осетинскій бавстау, а оба названные договора предшественники современной гипотеки.

Чѣмъ ссуда является въ Осетіи по отношенію къ движимости, тѣмъ наемъ для недвижимости. Говоря это, я хочу сказать, что ему въ гораздо большей степени, чѣмъ современному намъ, присущъ характеръ займа, дѣлаемаго нанимателемъ у наемщика, займа, объектомъ котораго является недвижимость. Мѣсто употребительныхъ при займѣ процентовъ занимаетъ исполненіе наемщикомъ извѣстныхъ работъ въ пользу лица, отъ котораго онъ получилъ землю. Съ такимъ характеромъ наемъ имущества встрѣчается въ средневѣковомъ правѣ въ эпоху начавшейся уже феодализаціи недвижи-

мой собственности. Мы встрѣчаемъ его не только во Франціи, Германіи или Англіи въ формѣ такъ наз. liberum tenementum, но и въ Скандинавіи. Опредѣляя его характерныя особенности, Амира не затрудняется приравнять его къ ссудѣ недвижимости. Тѣ виды имущественнаго найма, которые мы обнимаемъ понятіемъ аренды, еще недавно были совершенно неизвѣстны Осетинамъ. Въ настоящее время они зарождаются въ ихъ средѣ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ русскихъ порядковъ. Какъ не представляющіе въ себѣ ничего характернаго, они могутъ быть обойдены молчаніемъ. Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ та довольно распространенная форма найма, которую Осетины называютп „амдзаринъ“, что въ буквальномъ переводѣ значитъ сожительство. Договоръ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ безземельный получаетъ въ пользованіе, болѣе или менѣе продолжительное, нерѣдко даже пожизненное, опредѣленный участокъ земли отъ собственника, подъ условіемъ, что, пока продлится пользованіе, онъ будетъ, взамѣнъ процентовъ, исполнять на земляхъ наемщика всѣ работы по хозяйству, пахать, боронить, сѣять, жать и все это безвозмездно. Такой договоръ очевидно представляетъ полное сходство съ тѣмъ, въ силу котораго наши крестьяне серебренники пріобрѣтали временно пользованіе землею и хозяйственнымъ инвентаремъ, подъ столь же временнымъ условіемъ безплатной работы (издѣлія) въ пользу землевладѣльца *). Въ осетин-

*) Ключевскій. Происхожденіе крѣпостнаго права, статья 2-я (Русская Мысль 85 г.).

скомъ договорѣ для насъ любопытны двѣ стороны: во первыхъ ссуда земли и во вторыхъ замѣна процента личнымъ трудомъ. Съ современной точки зрѣнія договоръ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть разсматриваемъ или какъ имущественный наемъ, подъ условіемъ отработка, или какъ личный, вознаграждаемый правомъ земельнаго пользованія. Но не таковъ источникъ его происхожденія. Земля ссужалась и ссужается въ Осетіи точь въ точь, какъ всякій иной видъ цѣнностей. Такъ какъ по несостоятельности своей должникъ обѣщаетъ быть плохимъ плательщикомъ, то хозяинъ обезпечиваетъ себѣ напередъ ежегодное полученіе процентовъ тѣмъ, что требуетъ отъ должника службы себѣ. Служба эта должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена кредитору ссуда, т. е. данный имъ участокъ земли. Иногда дѣло принимаетъ и такой оборотъ, что, вмѣсто неопредѣленной службы въ пользу кредитора, требуется уплата ему ежегодно половины урожая. Распространенное на протяженіи цѣлаго міра половничество извѣстно и въ Осетіи, въ особенности въ горахъ. Названіе, которымъ мѣстные жители обозначаютъ этотъ видъ сдѣлокъ—хайцонъ (отъ словъ хай—часть и цонъ—идти). Если какой нибудь родъ вздумаетъ выселиться,—говоритъ г. Пфафъ,—принадлежащая ему земля обыкновенно сдается имъ въ наемъ на столь продолжительные и неопредѣленные сроки, что временное пользованіе землею нерѣдко становится потомственной арендой *). Обыкновенными условіями сдачи

*) Сб. св. о Кавказѣ, ч. II, Стр. 294.

земли въ половничество является полученіе собственникомъ земли половины урожаевъ съ пашень и одной трети съ сѣнокосовъ. Различіе это объясняется тою затратою сѣмянъ, какую принимаетъ на себя земельный собственникъ, снабжающій ими своего арендатора. Вмѣстѣ съ сѣменами для посѣва, половникъ получаетъ отъ собственника и весь хозяйственный инвентарь. Нечего и говорить, что онъ вполнѣ сохраняетъ свою личную свободу, почему договоръ этотъ продолжаетъ держаться и послѣ отмѣны крѣпостныхъ отношеній. Договоръ, заключаемый половникомъ съ собственникомъ земли, обыкновенно долгосрочный, что также не составляетъ особенности этого договора, такъ какъ та же долгосрочность характеризуетъ его всюду, гдѣ онъ существуетъ *).

Древнее право, какъ показываетъ примѣръ германского, не устанавливаетъ строгаго различія между поклажей и ссудой. Depositum и commodatum въ варварскихъ сводахъ составляютъ одинъ и тотъ же видъ договоровъ, говоритъ Гриммъ, и этотъ взглядъ высказываютъ вслѣдъ за нимъ одинаково Бетманъ Гольвегъ и Зомъ **).

Нельзя сказать, чтобы и обычное право Осетинъ обособляло договоръ поклажи отъ долговаго соглашенія. Причина тому двоякаго рода. Во 1-хъ, осе-

*) См. напр. Sonino. La mezzeria in Toscana.

**) Rechtsalterthümer: commodatum und mutuum bilden im Alterthum nur ein geschäft.—Bethman Hollweg, стр. 477, Sohm Process der Lex Salica, стр. 34.—Въ Русской Правдѣ оба договора уже различаются.

тинскій заемъ, какъ мы видѣли, требуетъ передачи должникомъ той самой вещи, какая была дана ему кредиторомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи оба договора совпадаютъ. Во 2-хъ, принявшій поклажу, по осетинскому обычаю, освобождается отъ отвѣтственности за пропажу данной ему на сохраненіе вещи, даже въ томъ случаѣ, если-бы причиной ея была не „vis major“, а простая неосторожность. Въ рядѣ дѣлъ, просмотрѣнныхъ мною по книгѣ рѣшеній Христіанскаго сельскаго суда, мнѣ нерѣдко попадались такія, въ которыхъ всякая отвѣтственность снималась съ поклаже-принимателя за потерянную имъ вещь на томъ простомъ основаніи, что онъ соглашался принесть присягу, что вещь дѣйствительно имъ потеряна. Въ третьихъ осетинская поклажа или „караулъ“, „гауай-ганагъ“, какъ ее называютъ, еще тѣмъ не отвѣчаетъ нашимъ представленіямъ объ этомъ договорѣ, что при ней нѣтъ отвѣтственности за поврежденіе вещи, разъ можно доказать, что послѣднее произведено не самимъ поклаже-принимателемъ. Въ одномъ дѣлѣ я читаю, что по жалобѣ за порчу данной на храненіе коровы, причиненную ей будто бы ударами, „отъ которыхъ она перестала доиться“, судъ приговорилъ отвѣтчика побожиться отцомъ въ томъ, что не онъ билъ корову. Разъ онъ принесетъ клятву, всякая отвѣтственность будетъ снята съ него. 4) Въ одномъ только отношеніи осетинская поклажа приближается къ нашей,—именно въ томъ, что пользованіе даннымъ на храненіе предметомъ въ такой же степени не допускается ею, какъ и римской или русской. Въ нѣкоторыхъ изъ разсмо-

трѣнныхъ мною дѣлъ я нахожу напримѣръ штрафованіе табунщика за то, что онъ ѣздилъ на данной ему на храненіе лошади или позволилъ другому ѣздить на ней *).

Я сейчасъ упомянулъ о табунщикѣ, какъ о поклаже-принимателѣ. Такое заявленіе можетъ показаться страннымъ и я спѣшу его оправдать.

Дѣло въ томъ, что табунщики, какъ и пастухи, стоятъ въ Осетіи въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ у насъ. Собственники лошадей и скота обязуются уплатить имъ въ концѣ года или столько-то отъ каждой головы или извѣстную часть приплода. Табунщики и пастухи входятъ въ такія соглашенія съ неопредѣленнымъ числомъ лицъ. Передъ всѣми ими они одинаково отвѣчаютъ за пропавшую скотину, если только пропажа произошла по ихъ винѣ. Кромѣ ухода за лошадьми и скотомъ, они не несутъ другихъ обязанностей и являются полными хозяевами остающагося имъ досуга. Табунщикъ получаетъ вознагражденіе обыкновенно деньгами въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ буйвола—двадцать копѣекъ, отъ коровы десять или пятнадцать и столько же отъ лошади. Что же касается до баранщиковъ, то съ ними расплата всего

---

*) Такъ, въ одномъ дѣлѣ значится: по существующимъ правиламъ между жителями села Салугардонъ (Аллагиръ). если будетъ замѣчено, что табунщикъ, которому сдана лошадь, ѣздитъ на ней самъ или отдаетъ ее кому нибудь другому, то онъ обязанъ уплатить хозяину лошади 10 рублей. (Дѣла Терскаго Областнаго Управленія по Судному столу. Дѣло 2-го іюля 77 г.).

чаще происходитъ слѣдующимъ образомъ: бараны сдаются пастуху срокомъ на 3 года. По истеченіи этого срока собственникъ скота выбираетъ изъ числа лучшихъ барановъ столько головъ, сколько сдано было имъ три года назадъ. Послѣ этого приплодъ дѣлится пополамъ между нимъ и баранщикомъ. Если у послѣдняго, сверхъ взятыхъ имъ, было еще такое-же или приблизительно такое число собственныхъ барановъ, то по истеченіи трехъ лѣтъ всѣ бараны безъ различія дѣлятся пополамъ между нимъ и собственникомъ. Отношенія обоихъ осложняются еще тѣмъ, что со втораго года баранщикъ принимаетъ обязательство удовлетворить хозяина за вымершихъ барановъ уступкой ему собственныхъ, въ числѣ, равномъ тому, какое было дано ему хозяиномъ *). Во все время, пока продолжается сдѣлка, шерсть, получаемая отъ барановъ, дѣлится собственникомъ пополамъ съ баранщикомъ, молокомъ же овецъ и сыромъ, изъ него приготовляемымъ, пользуется исключительно самъ баранщикъ. Однохарактерныя условія заключаемы были еще недавно и съ хранителями пчельниковъ.

Я не берусь подвести ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ намъ видовъ договоровъ соглашенія, въ какія вступаютъ цѣлыя общества Осетіи съ такъ называемыми караульными, взамѣнъ получаемаго ими годоваго жалованья, эти послѣдніе принимаютъ обязанность оберегать имущество всѣхъ жителей селенія и въ случаѣ неотысканія вора вознагра-

*) Свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г. стр. 123.

дают за украденное двумя третями его цѣны. *) Столь же своеобразной является та безформенная сдѣлка, въ какую Осетинъ вступаетъ съ лицомъ, берущимся отыскать вора и пользующимся въ странѣ незавиднымъ прозвищемъ донощика. (комдзуогъ) Лицо это обязывается за извѣстное вознагражденіе вернуть собственнику похищенное у него и указать ему вора. Въ случаѣ неисполненія обѣщанія, оно само берется взнаградить собственника за убытки, причиненные ему кражей. Источникъ происхожденія того и другаго договора одинъ и и тотъ же—это производство въ Осетіи воровства вполнѣ организованными шайками. Вращаясь въ ихъ кругу, комдзуогъ пріобрѣтаетъ возможность такъ близко познакомиться съ тѣми пріемами, какіе пускаются въ ходъ отдѣльными ворами, что указаніе виновника покражи для него дѣло сравнительно легкое. Если онъ боится чего, такъ это мести родственниковъ, а нерѣдко и самого выданнаго имъ лица. Поэтому онъ всячески старается скрыть свое имя и назначаетъ себѣ сравнительно высокое вознагражденіе за тотъ рискъ, которому онъ подвергается. Ведя борьбу съ воровствомъ, русское правительство обратилось къ установленію въ средѣ Осетинъ чего то близкаго къ той системѣ круговой поруки десятень и сотень, введеніе которой въ Англіи обыкновенно приписывается Эдуарду Исповѣднику и которая, какъ я показалъ это въ

*) Такая сдѣлка заключена была между прочимъ Хумалакскимъ селеніемъ 11 іюля 1876 года.

другомъ мѣстѣ, *) должна быть признана норманскимъ нововведеніемъ. Эта архаическая затѣя, ничего разумѣется не имѣющая общаго съ старинной круговой порукой родовъ, отлилась въ конечномъ своемъ видѣ въ слѣдующую форму: отдѣльныя сельскія общества обязаны избирать изъ своей среды благонадежныхъ людей, которымъ поручается бдительный надзоръ каждому за десятью дворами. Лица эти принимаютъ присягу въ томъ, что обо всѣхъ преступленіяхъ будутъ своевременно доводить до свѣдѣнія старшины или участковаго пристава. **) Вотъ съ этими то караульными мѣстныя общества и заключаютъ иногда частныя соглашенія, обязываясь отказаться въ ихъ пользу отъ третьей части похищеннаго, въ случаѣ открытія ими вора. Въ прежнее время эта же треть обыкновенно шла доносщику.

Возможность отнести къ видамъ поклажи тотъ договоръ, въ какой осетины обыкновенно вступаютъ съ своими баранщиками и пастухами, избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о личномъ наймѣ у Осетинъ. До 69 года, т. е. до уничтоженія зависимыхъ сословій, необходимости въ немъ не было и потому обычай не могъ сложиться. Съ 69 же года личный наемъ становится явленіемъ обыденнымъ, особымъ видомъ договора, настолько близкимъ къ русскому и такъ сильно отражаю-

*) Исторія полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ, гл. 2-я.

**) Общественный приговоръ 28 августа 1876 г.—Канц. начальника Терской области по Судному столу, по описи № 79.

щимъ на себѣ вліяніе чужого права, что упоминать о немъ при изложеніи осетинской системы договоровъ я не вижу основанія.

Остается сказать еще о договорѣ товарищества въ первобытной формѣ молчаливаго соглашенія, въ силу котораго охотящіяся сообща лица оставляютъ себѣ каждый только головы убитыхъ ими животныхъ, и дѣлятъ все остальное поровну. Договоръ этотъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ потому лишь, что въ немъ сохранилась вѣроятно древнѣйшая практика раздѣла военной добычи поровну между всѣми участниками предпріятія.

Нартскія сказанія не рѣдко упоминаютъ о такихъ производимыхъ сообща набѣгахъ, для которыхъ въ Осетіи существуетъ даже особый терминъ, такъ наз. *балцъ* *). Цѣлью такихъ наѣздовъ является частью уводъ плѣнныхъ, частью угонъ чужаго скота. Продолжаются они нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ, иногда годъ, встрѣчаются однако, и 12-ти и 20-ти годичные балцы. Въ осетинскихъ сказаніяхъ упоминается о производствѣ такихъ набѣговъ не только на сосѣдніе аулы, но и на Кабарду, Чечню и татарскія общества. Съ отдаленными набѣгами народныя сказанія обыкновенно связываютъ представленіе о походѣ на Турокъ. По возвращеніи изъ набѣговъ, слѣдуетъ дѣлежъ добычи на рав-

*) См. народн. сказан. кавказ. горцевъ, Джантеміръ Шанаевъ, сб. св. о кавк. горц. в. III, сказ. о женахъ Уастырджи, примѣч.

ныя доли, при чемъ, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ законами наслѣдованія, выдѣляется одинаково въ пользу старшаго и младшаго извѣстный прибавокъ. Урызмагъ отправился въ походъ къ Туркамъ, говоритъ сказаніе, въ сообществѣ витязя, не пожелавшаго открыть ему своего имени. По возвращеніи изъ похода, сотоварищъ Урызмага дѣлить загнанное у Турокъ стадо на три части: „бери Урызмагъ изъ 3 частей ту, какую захочешь, сказалъ онъ знаменитому Нарту". Урызмагъ выбралъ себѣ часть. „Доля эта твоя, сказалъ ему витязь; а вотъ эта, вторая доля также принадлежитъ тебѣ за твою старость" *).

Необходимость выдѣленія старшему особаго прибавка наглядно выступаетъ въ слѣдующей легендѣ: Обошедши хитростью одноглазаго великана, которому онъ предварительно выжегъ глазъ раскаленнымъ вертеломъ, Урызмагъ съ помощью Нартовъ угоняетъ его стадо прямо на площадь, гдѣ собирается сходъ (нихасъ.) Стали дѣлить добычу поровну между всѣми. „Не такъ, не такъ, господа, сказалъ одинъ изъ Нартовъ, Урызмагу слѣдуетъ еще доля старшаго"... Никто не сталъ возражать; каждый отдѣлилъ извѣстную часть своей доли для Урызмага, который, такимъ образомъ, получилъ долю старшаго или такъ наз. хестагъ. **)

---

*) Ibid. стр. 25.

**) См. сб. свѣд. о кавказ. горцахъ, в. VII, сказаніе о томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага. Въ сказаніи этомъ не трудно признать отголосокъ сказанія объ Одиссеѣ и циклопѣ.

На ряду съ долей старшаго въ нартскихъ сказаніяхъ упоминается и доля младшаго въ добычѣ. Говоря о томъ, какъ Сосрыко, Урызмагъ, Хамицъ и Сосланъ отправились однажды совмѣстно въ балцъ, пригласивши съ собою, на правахъ младшаго, Нарта Сырдона, обязаннаго поэтому служить имъ во все время набѣга, сказаніе вносить въ свой разсказъ о дележѣ добычи слѣдующія характерныя подробности. Витязи забрали все добро великановъ и раздѣлили его поровну между собою. „Но, господа мои Нарты, воскликнулъ Сырдонъ, мнѣ бы слѣдовала еще доля младшаго“! „Твоя правда“, отвѣчалъ Урызмагъ, и тотчасъ же отдѣлилъ Сырдону нѣкоторую часть своей доли. Примѣру Урызмага, какъ старшаго, послѣдовали и всѣ другіе. *)

Въ заключеніе намъ надо сказать еще объ одномъ видѣ договоровъ, въ настоящее время, не имѣющемъ болѣе самостоятельнаго значенія и употребительномъ только, какъ средство обезпеченія другихъ. Я разумѣю поручительство. Источникъ происхожденія его лежитъ несомнѣнно въ самыхъ условіяхъ родоваго быта и той солидарности, какая существовала при немъ между лицами одной крови. Связанные другъ съ другомъ единствомъ происхожденія и культа, родственники помогали другъ другу не при одномъ осуществленіи кровомщенія, но и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Свидѣтели совершаемыхъ частнымъ лицомъ сдѣлокъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ являлись живымъ руча-

*) Ibid Сказаніе, озаглавленное Нарты и Сырдонъ.

тельствомъ тому, что договоръ, имъ заключенный, будетъ исполненъ во всей его силѣ. Принося клятвенное заявленіе въ томъ, что ихъ родственники заслуживаютъ полнаго довѣрія, они вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы сами входили съ противной стороною въ договоръ, сущность котораго сводилась къ тому, что при не выполненіи ею принятаго на себя обязательства послѣднее во всейего силѣ переходитъ на нихъ самихъ. По типу этого поручительства родственниковъ сложился и изучаемый нами институтъ—поручительства постороннихъ. Характеризующія родовое поручительство черты сказываются еще вполнѣ въ той юридической квалификаціи, какую даетъ этому институту древняя книга законовъ Эрина—Сенхусъ Моръ. Ирландскій „Giall" или поручитель, то лицо, къ которому неполучившая удовлетворенія сторона обращается за расплатой, каждый разъ, когда должникъ успѣлъ скрыться. Если поручитель не вознаградитъ его за понесенный имъ вредъ, кредиторъ вправѣ примѣнить къ нему и его имуществу ту же систему легализированнаго захвата, что и къ самому должнику *). Мало того, отъ кредитора зависитъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ тому или другому. Долга нельзя искать съ должника, говоритъ позднѣйшій комментаторъ, если требованіе о расплатѣ уже предъявлено къ поручителю-родственнику **). —Возможность такого непо-

*) No one can seize more, than the value of the thing he seeks from the kinsman surety (Senchus Mor, т. II Anc, Laws стр. 15).

**) The debtor is not sued, id est no debt is claimed of a debtor if it has been demande dof the kinsman—surety (Ibid. стр. 17).

средственнаго обращенія къ поручителю, хотя бы и не родственнику, была гарантирована кредитору и индусскими сводами, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ „Вишну". Поручитель, уплатившій долгъ въ виду настояній кредитора, вправѣ требовать съ должника въ два раза больше противъ сдѣланнаго имъ платежа *

Въ германскихъ источникахъ также сохранились нѣкоторые слѣды этого стариннаго взгляда на характеръ поручительства. Поручитель древняго права,—говоритъ американецъ Гольмсъ **),—былъ тѣмъ же, что и заложникъ. Въ старинной пѣснѣ о „Huon de Bordeaux", разсказывается, какъ за убійство его сына Карлъ присуждаетъ Гюона выслужить себѣ прощеніе всякими повидимому неудобоисполнимыми подвигами. Гюонъ предпринимаетъ ихъ совершеніе и покидаетъ дворъ, оставивъ Карлу двѣнадцать заложниковъ. По прошествіи многихъ мѣсяцевъ онъ возвращается побѣдоноснымъ домой; но Карла увѣрили, что Гюонъ обманываетъ его и что ни одно изъ данныхъ ему повелѣній не было исполнено. Разгнѣванный Императоръ приказываетъ привести къ нему поручителей. „Да явятся ко мнѣ поручители Гюона,—кричитъ онъ.—Я перевѣшаю ихъ всѣхъ и не позволю имъ дать за себя выкупа". Съ этимъ свидѣтельствомъ Гольмсъ сопоставляетъ нѣкоторые тексты англо-саксонскихъ за-

---

*) If the surety being harassed by the creditor discharges, the debt, the debtor shall pay twice as much to the surety (VI, 43).

**) Holmes. The common law, Boston 1881 г., стр. 249.

коновъ и позднѣйшей по времени частной компиляціи, извѣстной подъ именемъ Зерцала Правосудія, Mirror of justice. Въ первыхъ говорится объ освобожденіи обвиняемаго отъ заключенія подъ стражей лишь въ случаѣ представленія имъ поручителя, а во второмъ о наказаніи Канутомъ поручителей за преступниковъ, какъ самихъ преступниковъ. Не далѣе, какъ при Эдуардѣ III одинъ судья, по имени Шардъ, подвергая поручителя той имущественной отвѣтственности, какая ждетъ его и и теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ: „существуетъ мнѣніе, что поручителя слѣдовало бы повѣсить“. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ Гольмсъ совершенно правильно дѣлаетъ тотъ выводъ, что древній германскій поручитель, подобно заложнику, во всемъ заступалъ личность должника, а потому, въ случаѣ неисполненія договора, подвергаемъ былъ одинаковой съ нимъ участи. Но договоръ, заключаемый между кредиторомъ и поручителемъ, необходимо предполагаетъ существованіе рядомъ съ нимъ другаго, обезпечивающаго поручителя въ возмѣщеніи ему всѣхъ понесенныхъ имъ имущественныхъ затратъ. Какъ ирландское, такъ и индусское право вполнѣ оправдываютъ такое утвержденіе. Мы видѣли уже, что Вишну предоставляетъ поручителю право требовать съ должника двойную сумму сдѣланнаго имъ платежа; но это же право, выговариваетъ ему и ирландскій Сенхусъ Моръ: „пусть поручитель взыщетъ съ должника все уплаченное имъ за него въ двойномъ размѣрѣ“ *). И такъ, древнее поручительство въ отличіе,

*) He takes it with double from the debtor, for there is double for absconding (стр. 15).

отъ настоящаго, представляетъ собою одновременно два договора: въ силу перваго поручитель обязуется сдѣлать по отношенію къ кредитору все то, что послѣдній вправѣ требовать отъ должника; въ силу втораго должникъ беретъ на себя вознаградить поручителя за всѣ убытки, какіе могутъ быть понесены послѣднимъ. Спрашивается, извѣстно ли Осетинамъ поручительство *) съ тѣмъ характеромъ, какой отличалъ его въ древности, или въ ихъ средѣ оно не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ обезпеченія кредитора. Въ настоящее время, благодаря практикѣ русскихъ судовъ, поручительство въ Осетіи сдѣлалось ни чѣмъ инымъ, какъ добавочной статьей ко всякаго рода соглашеніямъ. Но не таковъ былъ первоначальный его характеръ. Поручитель всецѣло сливался съ личностью должника и, подобно ему, могъ подвергнуться со стороны кредитора тому барантованію, какое, какъ извѣстно, было единственнымъ способомъ добиться выполненія договора. Разумѣется въ свою очередь поручитель имѣлъ право требовать себѣ вознагражденія отъ должника, но простаго кажется, а не двойнаго, какъ въ Индіи и Ирландіи. Если не слѣдовалъ платежъ, то оставалось прибѣгнуть къ тому же средству, какое всегда было во власти кредитора, то есть къ насильственному захвату. Впрочемъ до этого рѣдко когда доходило, такъ какъ права поручителя охранялись болѣе крѣпкою санкціей, нежели та, какой пользовались права кредитора,

*) Осетины называютъ поручителя словомъ Фидаръ.

правда не юридическою, а этическою и религіозною. Обычай разрѣшалъ ему безнаказанно нанести неисправному плательщику и его двору слѣдующее оскорбленіе, которое въ Осетіи считается высшей обидой: въ сопровожденіи большаго или меньшаго числа свидѣтелей онъ убивалъ собаку, произнося при этомъ, что посвящаетъ ее покойнику (т. е. предку) должника, принадлежность котораго къ тому или другому роду каждый разъ формально указывалась. *) Вынести такое оскорбленіе безъ возмездія при обыкновенныхъ условіяхъ Осетинъ считаетъ невозможнымъ, такъ какъ по народнымъ представленіямъ большаго и быть не можетъ, но противъ поручителя, имъ же обиженнаго, онъ безсиленъ; обычай рѣшительно стоитъ на сторонѣ послѣдняго, что и высказывается наглядно въ томъ, что убійство поручителя не считается имъ простымъ актомъ возмездія, а основаніемъ къ уплатѣ крови родственникамъ убитаго.

Все это впрочемъ выходитъ уже изъ употребленія и поручительство начинаетъ пріобрѣтать, благодаря практикѣ нашихъ судовъ въ Осетіи, тотъ характеръ, какой даетъ ему десятый томъ.

*) Адаты 30 ч ст. 22.

Семейное право Осетинъ.

а) Брачное право.

Осетинская семья—семья моногамическая, въ которой сохранились однако слѣды сравнительно недавней полигаміи. Говоря это, я хочу сказать, что не только у магометанъ, но и у христіанъ одинаково сѣверной и южной Осетіи, было въ обычаѣ держать нѣсколько женъ, изъ которыхъ одна считалась главной, а остальныя—второстепенными, „женами по имени“ „номулусъ“, какъ доселѣ зоветъ ихъ народъ всюду, за исключеніемъ Дигоріи, гдѣ названіе имъ „кумячки“. Примѣръ сосѣднихъ съ Осетинами горцевъ мусульманскаго вѣроисповѣданія: Кабардинцевъ, Татаръ и Кумыковъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и при господствѣ полигаміи, первая жена, какъ принадлежащая обыкновенно къ высшему сословію и старшая по возрасту, пользуется наибольшими правами въ домѣ мужа и окружена соотвѣтственно большимъ почетомъ. Удивительно ли поэтому, если и въ средѣ Осетинъ, какъ одной съ ними вѣры, такъ и разновѣрцевъ, на ряду съ прочими женами одна, именно первая, со временемъ стала считаться главной. Та-

кое постепенное обособленіе старшей по возрасту и состоянію жены отъ остальныхъ — явленіе на столько распространенное въ исторіи права, что нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Унгеръ, видятъ въ немъ даже источникъ самопроизвольнаго развитія моногаміи въ средѣ полигамическихъ обществъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли не этимъ путемъ выработалось различіе между женою и наложницею, какъ у древнихъ Индусовъ, практиковавшихъ нѣкогда многоженство, такъ и у Грековъ, Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ, которымъ также только со временемъ стало доступно различіе между законной женой, всегда единой и безраздѣльной хозяйкой въ домѣ, и наложницами, число которыхъ неограничено. Смотря на обычаи Осетинъ съ этой точки зрѣнія, мы можемъ сказать, что они сохранили для насъ нѣкоторыя промежуточныя стадіи въ процессѣ постепеннаго развитія моногаміи и приниженія прежнихъ женъ до положенія наложницъ. Тогда какъ у Осетинъ-магометанъ, номулусъ пользуется еще на столько правами жены, что самый порядокъ ея пріобрѣтенія регулируется обычаемъ, требующимъ такой же уплаты за нее, какъ и за законную жену, но только въ уменьшенномъ размѣрѣ (250 р.) *), тогда какъ въ Нарскомъ обществѣ допускается даже наслѣдованіе ея дѣтей мужескаго пола, такъ называемыхъ кавдасардовъ, въ оставленномъ отцомъ имуществѣ, каждый разъ, когда главная жена бездѣтна или имѣетъ, только до-

*) Сборникъ обычаевъ, существующихъ у туземцевъ осетинскаго округа, 1866 г., ст. 57 (Леонтовичъ, т. II, стр. 68).

черей *), въ большинствѣ христіанскихъ ауловъ сѣверной Осетіи, номулусъ и ея дѣти являются уже существами, болѣе или менѣе безправными. Свою „имянную“ жену мужъ можетъ ссужать кому угодно, причемъ его дѣтьми считаются дѣти, прижитыя ею съ постороннимъ лицомъ. Мусульманскій обычай не знаетъ ничего подобнаго **). Ссуда номулусъ прямо запрещается имъ. Въ магометанскихъ аулахъ народъ такъ далекъ еще отъ мысли видѣть въ ней свободно уступаемое ея владѣльцемъ имущество, что при раздѣлѣ семейнаго достоянія между братьями, не допускается того, чтобы номулусъ одного лица перешла въ домъ другаго. Подобно законному мужу, владѣлецъ номулусъ, при желаніи, можетъ только отпустить ее отъ себя, послѣ чего она пріобрѣтаетъ право свободно распоряжаться своею судьбою ***).

И такъ, въ юридическомъ положеніи номулусъ легко подмѣтить существенныя различія, смотря по тому, будемъ ли мы имѣть въ виду мусульманское населеніе Тагауріи, Куртатіи и Дигоріи, а также Осетинъ—христіанъ южнаго склона Кавказскаго

*) Нарскій народный обычай говоритъ такъ: „Если по смерти владѣтеля останутся дѣти мужескаго пола отъ номлуса, а отъ главной жены только дочери, то наслѣдство принадлежитъ первымъ. (Дѣло отъ 28 февраля 1866 г., помѣщенное г. Пфафомъ въ приложеніи къ его Народному праву Осетинъ, за № 14).

**) Владѣющій номильусой не имѣетъ права продать, какъ ея, такъ равно и дѣтей ея. (Леонтовичъ, стр. 68, ст. 59).

***) Ibid, ст. 64.

хребта, или наоборотъ Аллагирцевъ и выселенныхъ изъ горъ жителей плоскосныхъ ауловъ. У первыхъ оно ближе къ тому, какое принадлежитъ второстепнннымъ женамъ въ полигамической семьѣ. У вторыхъ—къ тому, какое занимаетъ конкубина въ современномъ намъ обществѣ. Нельзя впрочемъ сказать, что понятіе конкубины и номулусъ взаимно покрываютъ другъ друга. Въ наложничествѣ, какъ оно практикуется въ Европѣ, юридическая сторона вполнѣ отсутствуетъ. Свободною сдѣлкой опредѣляется личное и имущественное положеніе любовницы, сдѣлкою, не защищаемою при томъ ни закономъ, ни обычаемъ, другими словами лишенною всякой юридической санкціи. Другое дѣло въ Осетіи. Номулусъ и по смерти ея любовника. а тѣмъ болѣе при его жизни, имѣетъ извѣстныя права или, вѣрнѣе сказать, одно право—на содержаніе. Ее не выгоняютъ изъ дома унаслѣдовавшіе его дѣти. Если она не получаетъ доли въ наслѣдствѣ, то въ этомъ отношеніи ея положеніе ничѣмъ не отличается отъ положенія законной жены. Обѣ имѣютъ право только на содержаніе, не болѣе. Въ юридическомъ положеніи номулусъ у христіанъ сѣверной Осетіи одна черта заслуживаетъ особаго вниманія. Это та, что отъ владѣльца номулусъ зависитъ допустить и даже устроить ея сожительство съ тѣмъ или другимъ лицомъ по его выбору, и что дѣти, рожденныя отъ такихъ сожительствъ, считаются дѣтьми не родившаго ихъ мущины, а того, кто ссудилъ номулусъ, кто является ея владѣльцемъ. Эта черта такъ старинна, что сразу переноситъ насъ въ эпоху, когда мужья

вправѣ были снабжать своими женами постороннихъ лицъ и нерѣдко дѣлали это, желая имѣть потомковъ, когда родительская власть признаваема была не за дѣйствительнымъ виновникомъ рожденія, а за тѣмъ, въ чьей власти была родильница. Ея одной вполнѣ достаточно для того, чтобы навсегда отказаться отъ мысли искать какихъ либо параллелей между осетинскими порядками и тѣми, какіе опредѣляли собою юридическое положеніе княжескихъ наложницъ въ древней Россіи *). Если въ данномъ случаѣ возможны какія либо аналогіи, то только съ такими архаическими по своему характеру нормами, каковы нормы древняго индусскаго или ирландскаго права. Дѣло въ томъ, что въ числѣ другихъ видовъ брачнаго сожительства, индусское право знаетъ такъ называемый бракъ „ніога“, состоящій въ томъ, что съ дозволенія мужа жена его вступаетъ въ сожительство съ постороннимъ лицомъ. Дѣти, рожденныя отъ такого брака, носятъ въ Индіи особое наименованіе „кшетраджа“ и считаются потомствомъ того лица, чьей женой по закону признается родившая ихъ мать **). О сожительствѣ жены съ постороннимъ лицомъ, при томъ съ соизволенія ея мужа, упоминается также въ древней книгѣ законовъ ирландцевъ (Сенхусъ Моръ): принимающая въ немъ участіе женщина

*) Этимъ мы рѣшительно высказываемся противъ попытки, сдѣланной г. Леонтовичемъ, объяснить происхожденіе дѣтей боярскихъ аналогіями съ осетинскими кавдасардами или дѣтьми отъ номулусъ.

**) См. Мауне, стр. 55.

обозначается въ толкованіи брегоновъ терминомъ indlis *). Такимъ образомъ двѣ отдаленнѣйшія одна отъ другой вѣтви арійской семьи, крайняя восточная и крайняя западная, одинаково допускаютъ указанный нами видъ сожительства — лучшее доказательство тому, что послѣднее извѣстно было Арійцамъ еще до эпохи ихъ миграцій. Вчитываясь въ тѣ постановленія, которыми индусское право точнѣе опредѣляетъ вытекающія изъ ніоги юридическія отношенія, мы находимъ въ нихъ данныя утверждать, что такого рода сожительство считалось обязательнымъ для женщины и что виновная въ ослушаніи мужу, въ этомъ отношеніи, признавалась совершившей тяжкій грѣхъ **). Индусскіе своды, за исключеніемъ Апастамбы, говорятъ о сожительствѣ жены не съ родственникомъ мужа, а съ постороннимъ человѣкомъ. Одинъ лишь названный сводъ требуетъ, чтобы мужъ передавалъ свою жену только родственнику ***). Цѣлью передачи жены мужемъ постороннему лицу указывается пріобрѣтеніе имъ потомства, обстоятельство, въ силу котораго индусскіе своды говорятъ о прижитомъ въ такомъ сожительствѣ сынѣ, какъ о рожденномъ на полѣ мужа—буквальная передача термина kshetraja — и допускаютъ его къ

*) Ancient laws of Ireland, томъ II, стр. 399, 401; by the cognizance of his chief woman and of his tribe he has all these woman, except the „indlis“ woman; and hehas her by the consent of her husband.

**) Mayne, стр. 50.

***) Апастамба, II, 10, 27.

наслѣдованію въ имуществѣ послѣдняго въ размѣрѣ одной шестой части *). Одни лишь позднѣйшіе по времени своды, Бодаяна въ томъ числѣ, перестаютъ видѣть въ kshetraja исключительно потомка того лица, въ чьей власти была мать. Kshetraja, утверждаютъ они, имѣетъ двухъ отцовъ и принадлежитъ двумъ семьямъ. Онъ вправѣ совершать жертвоприношенія обоимъ отцамъ и одинаково наслѣдуетъ въ имуществѣ, оставленномъ каждымъ изъ нихъ **). Такое отношеніе къ kshetraja объясняется постепеннымъ исчезновеніемъ изъ памяти ближайшаго мотива, которымъ обусловливалась на первыхъ порахъ ссуда жены ея мужемъ.

Изученіе индусскаго законодательства раскрываетъ намъ такимъ образомъ тотъ источникъ, изъ котораго возникъ осетинскій обычай ссужать имянныхъ женъ или номулусъ постороннимъ лицамъ. Обычай этотъ обусловленъ въ своемъ существованіи религіозными причинами: онъ стоитъ, подобно индусскому, въ прямомъ отношеніи къ культу предковъ, еще доселѣ упорно держащемуся въ средѣ Осетинъ. Съ теченіемъ времени къ прежнему мотиву присоединяется новый, чисто экономическій: желаніе увеличить число рабочихъ рукъ въ семьѣ, усилить ея хозяйственное значеніе. Ссужая номулусъ постороннему лицу, Осетинъ знаетъ, что рожденный отъ нея ребенокъ—кавдасардъ—будетъ его работникомъ и, на ряду съ другими цѣнностями.

— —

*) См. Сводъ Ману, книга IX стр. 164—167.
**) Daudhâyana, II, 2, 2, 3, стр. 18.

перейдетъ по смерти его въ совмѣстное обладаніе оставшейся послѣ него семьи.

Неудивительно поэтому, если Осетины, не смотря на убѣжденія своихъ духовниковъ, никакъ не хотятъ отказаться отъ укоренившагося обычая держать на ряду съ законной женой еще нѣсколько незаконныхъ. Особенно въ такихъ обществахъ, какъ Нарское или Мамиссонское, которыя со всѣхъ сторонъ тѣснимы горами, не оставляющими мѣста не только для нивъ, но и для пашенъ, право имѣть произвольное число помулусъ является въ глазахъ Осетинъ однимъ и можетъ быть главнѣйшимъ способомъ къ обогащенію; удивительно ли, если они никакъ не хотятъ отказаться отъ него и если, по словамъ мѣстныхъ священниковъ, строгость, съ которой преслѣдуется этотъ обычай, является однимъ изъ препятствій къ переходу въ христіанство сравнительно недавно омусульманившихся Дигорцевъ, которые, въ экономическомъ отношеніи, стоятъ въ условіяхъ, довольно близкихъ къ тѣмъ, въ какихъ живутъ Осетины южнаго склона или такъ называемые Туальтцы.

Чѣмъ болѣе приближается къ конкубинату юридическое положеніе помулусъ, тѣмъ выше становится разумѣется то, которое занимаетъ въ обществѣ законная жена. Вотъ почему послѣдняя особенно выгодно поставлена въ сѣверной Осетіи, въ которой за исключеніемъ немногихъ ауловъ, жители христіане, около ста лѣтъ признаютъ надъ собою русское владычество и ежечасно подчиняются вліянію русскаго права, проникающаго къ нимъ чрезъ посредство мировыхъ и окружныхъ

судовъ, а также нерѣдко встрѣчающихся въ аулахъ писарей изъ русскихъ Не столь благопріятны условія, въ которыхъ проходитъ жизнь южно-осетинской жены, не успѣвшей еще вытѣснить вполнѣ своей соперницы и принужденной не только дѣлить съ нею брачное ложе, но и оспаривать то вліяніе, какое ея красота и молодость способны оказать на ея супруга. Еще ниже положеніе законной жены въ магометанской полигамической семьѣ, которая впрочемъ далеко не всегда оправдываетъ это названіе, такъ какъ отсутствіе экономической обезпеченности нерѣдко заставляетъ довольствоваться одной женой. Эта вынужденная обстоятельствами моногамія не составляетъ особенности однихъ Осетинъ; мы находимъ ее въ средѣ крестьянскаго населенія всего почти мусульманскаго міра, начиная отъ Индіи и оканчивая африканскимъ по бережьемъ Средиземнаго моря. Многоженство въ Осетіи составляетъ завидный удѣлъ однихъ зажиточныхъ высшихъ сословій и слова Тацита о германцахъ „pluribus nuptiis ambiuntur non libidine, sed propter nobiltatem,“ находятъ себѣ здѣсь, какъ и повсюду рѣшительное подтвержденіе.

Прежде чѣмъ говорить о юридическомъ положеніи женщины-супруги, необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, какъ заключается самый бракъ.

Извѣстно, что древнѣйшими способами установленія брачнаго сожитія всюду является похищеніе невѣсты и купля ея. Спрашивается, встрѣчается ли тотъ и другой одинаково въ бытѣ Осетинъ и, при утвердительномъ отвѣтѣ, съ какимъ характеромъ—

дѣйствующаго ли доселе или выходившагося уже въ обрядъ обычая, первоначальный смыслъ котораго утерянъ, обычая уцѣлѣвшаго лишь потому, что онъ оказался способнымъ примѣнимыя къ новымъ требованіямъ жизни. По настоянію полковника Кундухова, начальника военно-осетинскаго округа, плата за невѣсту или такъ называемый „гирадъ“ былъ отмѣненъ самими Осетинами въ концѣ семидесятыхъ годовъ и эта отмѣна подтверждена вновь общественнымъ приговоромъ не далѣе, какъ въ 1879 году. При всемъ томъ онъ продолжаетъ взиматься по прежнему и вся перемѣна состоитъ въ томъ, что нынѣ суды откажутъ истцу въ требованіи о доплатѣ ему калыма, тогда какъ прежде просьба его, какъ согласная съ обычаемъ, необходимо была бы уважена.—Любопытно познакомиться съ тѣми мотивами, которые повели осетинскія общества къ совершенной отмѣнѣ калыма. Онѣ изложены въ мотивахъ къ составленному ими приговору: „Въ Осетіи, читаемъ мы въ немъ, издавна укоренился вредный обычай платить за невѣсту „ирадъ“, выкупъ принявшій въ послѣднее время небывалые размѣры, истощающій матеріяльныя средства, доводящій до крайней нищеты и противный духу христіанской религіи и вообще европейской цивилизаціи“ *). Чтобы сдѣлаться ощутительнымъ для самихъ туземцевъ зломъ, чтобы подать поводъ начальству хлопотать о его отмѣнѣ, ирадъ долженъ

*) Дѣло канцеляріи начальника Терской области по судному столу № 80.

былъ достигнуть такой цифры, при которой женитьба сына становилась каждый разъ поводомъ къ раззоренію цѣлаго семейства и поэтому нерѣдко была откладываема послѣднимъ безконечно изъ года въ годъ. Такихъ именно размѣровъ и достигъ въ Осетіи выкупъ за невѣсту. Изъ собранныхъ мною данныхъ, а также изъ тѣхъ фактовъ, которые разсѣяны въ сборникахъ осетинскихъ адатовъ, можно придти къ тому выводу, что рѣдкая семья въ Осетіи могла пріискать для своего сына жену, не обращаясь къ отчужденію части своего имущества. Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ живущей еще исключительно натуральнымъ хозяйствомъ, въ которой деньги рѣдки и скотъ составляетъ главную цѣнность, платежъ въ 60—100 и болѣе воловъ, а таковъ именно былъ размѣръ калымовъ въ Дигоріи, Тагауріи и Куртатіи, дѣло далеко не легкое; особенно, если принять во вниманіе, что къ этой затратѣ прибавлялись еще подарки роднѣ и значительныя издержки на празднованіе самой свадьбы. Вотъ приблизительное вычисленіе всѣхъ имущественныхъ утратъ, какія несла въ 50-хъ годахъ осетинская семья, рѣшившая женить своего сына. Высшее сословіе одинаково въ Тагауріи и Куртатіи платило за дѣвушку ирадъ 100 быковъ цѣнностью 1.000 р. Въ счетъ ирада отдавался также малолѣтній рабъ или взамѣнъ его 120 р. деньгами и панцырь, цѣну котораго трудно опредѣлить. Въ Куртатіи воловъ замѣняли коровы, а мальчика дѣвушка, на мѣсто которой часто отдавали 12 быковъ.

Среднее сословіе—фарсаглаги платили всего 60 коровъ или 30 быковъ, не считая тѣхъ 12, которые

шли взамѣнъ дѣвушки-невольницы. При женитьбѣ кавдасарда ирадъ былъ еще меньше, отъ 30 до 38 коровъ, а въ послѣднее время всего 25. Въ Аллагирскомъ обществѣ, не знающемъ сословій, высшій размѣръ калыма былъ 38 быковъ *). Если во дворѣ жениха не хватало быковъ, то взамѣнъ ихъ могли поступить коровы и бараны по слѣдующей оцѣнкѣ. Корова съ двумя баранами шла взамѣнъ быка, если у послѣдняго не доставало хвоста, то надо было доплатить къ нему еще двухъ барановъ. Оружіе и домашняя утварь также могли поступать взамѣнъ скота, причемъ ружье (крымское) оцѣниваемо было въ шесть быковъ; шашка въ два, три быка; большой пивоваренный котелъ (цачинагъ)—въ шесть быковъ, домашняя цѣпь, спускающаяся надъ очагомъ, на которой обыкновенно виситъ котелъ (рахисъ) всего на всего въ три коровы **).

У мусульманъ кромѣ ирада, платимаго отцу невѣсты, женихъ обязанъ еще выговорить послѣдней особое имущественное обезпеченіе на случай развода, совершаемаго по его винѣ. Это обезпеченіе каждый разъ включается въ брачный договоръ, отъ котораго и получило свое наименованіе „накяхъ“. Какъ у христіанъ, такъ равно и у магометанъ калымъ, платимый за вдову, по всей Осетіи значительно ниже обыкновеннаго; женихъ, или точнѣе его – дворъ

*) Выписка о правахъ горцевъ Владикавказскаго округа, 1849 года (Леонтовичъ) т. II, стр. 40.

**) Сообщенія, сдѣланныя мнѣ стариками аула Салугордонъ.

обязаны сверхъ калыма сдѣлать еще примѣрно слѣдующіе подарки невѣстиной роднѣ, при самомъ началѣ сватовства, тотчасъ же по полученіи благопріятнаго отвѣта: хорошаго коня отцу невѣсты. Этотъ подарокъ извѣстенъ былъ подъ наименованіемъ *фати-бахъ*, что въ буквальномъ переводѣ значитъ „конь стрѣлы“ Г-нъ Шанаевъ объясняетъ происхожденіе этого названія приведеніемъ слѣдующей осетинской поговорки: „дѣло наше сдѣлалось прямымъ, подобно стрѣлѣ“ (на кутагъ фарастъ, Фати хузанъ); отдавая фатибахъ невѣстиному отцу, женихъ тѣмъ самымъ выражаетъ свою благодарность за то, что, въ виду его согласія, дѣло его становилось и „прямымъ, какъ стрѣла“ и благополучно направляемо было къ цѣли *).

На ряду съ отцомъ невѣсты, и мать ея получала извѣстный подарокъ. Такъ какъ предметомъ его всего чаще былъ конь, то и названіе ему у Осетинъ *мады-бахъ* (буквально „конь матери“). Не обходили подаркомъ и невѣстиной кормилицы или вѣрнѣе ея мужа (аталыка), который обыкновенно надѣлялся конемъ, почему и самый подарокъ слыветъ у Осетинъ подъ наименованіемъ *амцеджи-бахъ* (конь кормильца). Изъ всѣхъ, дѣлаемыхъ женихомъ приношеній, одно заслуживаетъ особеннаго вниманія, это такъ называемый *мады-арвады-бахъ* или *мады-арвды-калъ* т. е., конь, или волъ, даримый женихомъ ближайшему родственнику не-

*) Дж. Шанаевъ. Свадьба у сѣверныхъ Осетинъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. IV, стр. 13.

вѣстиной матери, обыкновенно ея брату *). Этотъ подарокъ, въ ряду другихъ фактовъ, которые будутъ указаны мною впослѣдствіи, можетъ быть разсматриваемъ, какъ пережитокъ той отдаленной эпохи, когда братъ жены стоялъ въ ряду ближайшихъ родственниковъ, когда связь дѣтей съ ихъ отцомъ, слѣдуя показаніямъ Тацита, считалась менѣе священной, чѣмъ связь ихъ съ дядею по матери, когда послѣдній считался главнымъ кормильцомъ живущей при немъ сестры (что опредѣленно высказывается и самымъ наименованіемъ ихъ по санскритски: перваго—bhratar (кормилецъ) и второй svasor—живущей при комъ-то (очевидно при братѣ) **).

Перенося насъ такимъ образомъ въ эпоху материнства и основаннаго на немъ родства, осетинскій обычай дѣлать при сватаніи подарокъ не только агнатамъ, но и ближайшему когнату невѣсты, въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ архаичнымъ. Удивительно ли, если въ послѣднее время онъ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, если практикующія его до сихъ поръ семьи не въ состояніи въ то же время дать ему надлежащаго объясненія.

Заключеніе брака не обходится безъ значительныхъ издержекъ для невѣстиной родни, обязанной заготовить угощеніе для жениховой свиты, или такъ называемый *сіахсыцыдъ*. Отмѣняя калымъ, общественной приговоръ 1879 года поэтому также

*) У Дигорцевъ болѣе обычнымъ является подарокъ вола.
**) Pictet. Origines indoeuropéénes.

рѣшительно высказывается и противъ этого обычая, состоящаго, по его описанію, въ томъ, что нареченный женихъ до совершенія вѣнчанія, вмѣстѣ со сверстниками, числомъ не менѣе двадцати, чаще всего отъ 60 до 120, отправляется въ домъ невѣсты, и пируетъ здѣсь по меньшей мѣрѣ два дня, раззоряя тѣмъ самымъ невѣстину родню *).

У Осетинъ-мусульманъ не обходится безъугощеи самое сватанье, заканчивающееся подписаніемъ брачнаго договора или такъ называемаго *накяха*. Семья невѣсты кормитъ и отпаиваетъ не одного свата, но и тѣхъ изъ стариковъ собственнаго аула, въ присутствіи которыхъ составленъ былъ накяхъ, а также мѣстнаго эфенди и мулловъ.

Изъ всего сказаннаго не трудно заключить, какого рода характеръ носилъ еще недавно осетинскій бракъ. Трудно назвать его дѣломъ свободнаго выбора, трудно говорить о немъ, какъ о гражданскомъ договорѣ, добровольно заключаемомъ брачущимися. Онъ прежде всего имущественная сдѣлка, въ силу которой родня невѣсты уступаетъ послѣднюю двору жениха, подъ условіемъ вознапагражденія. Смотря даже на прадъ или плату за невѣсту, какъ на своего рода виру, какъ на выкупъ, взносимый родней жениха за уводимую послѣднимъ дѣвушку, все же приходится сказать, что бракъ Осетинъ построенъ на началѣ купли, носитъ характеръ торговой сдѣлки, въ выгодѣ отъ которой оказывается родня невѣсты.

*) См. Леонтовичъ, стр. 51.

Сравнительная исторія арійскихъ законодательствъ показываетъ намъ, что процессъ постепеннаго вымиранія калыма или платы за невѣсту состоялъ въ переходѣ его въ приданое. Вмѣсто того, чтобы оставлять за собою полученное имъ отъ жениха имущество, отецъ невѣсты обращалъ его въ пользу послѣдней. Приданое германскихъ Правдъ есть именно такой, поступившій въ пользу невѣсты, калымъ. Его первообразъ—тотъ платежъ, который, по словамъ Тацита, женихъ дѣлалъ семейству невѣсты по случаю вступленія съ нею въ бракъ. Въ древнемъ ирландскомъ правѣ также легко прослѣдить зарожденіе приданаго изъ калыма въ фактѣ дѣлежа производимаго женихомъ взноса между невѣстою и ея отцомъ *).

Въ инородческомъ населеніи Россіи легко прослѣдить въ настоящее время дѣйствіе этого процесса; въ частности у казанскихъ татаръ принято „дѣлать дочери приданое на деньги, полученныя

*) There are three covenants, entered into by the Feini which the parties vho have claims dissolve that of a woman to whom a nuptial present is given, if concealed from her father (if concealed from the father, it is to the father alone this nuptial present is due). См. трактатъ, озаглавленный „Of taking lawful possession“. Въ комментаріи къ нему значится: If the dauyhter knows that it is for the sake of defranding the father the covenant of her nuptial present the father is entitled to, he is to be paid it in „seds“ out of the woman's own lawful property, until a complete nuptial present is made up (Ancient laws of Ireland, т. IV, стр. 61).

родителемъ ея съ жениха" *). Когда въ 66 мъ году Осетины по иниціативѣ своего ближайшаго начальства приступили къ отмѣнѣ вредныхъ въ ихъ глазахъ обычаевъ, они положили удѣлять на будущее время одну треть „ирада" на покупку приданаго. Этимъ путемъ открытъ былъ путь постепенному исчезновенію самого обычая покупать невѣстъ, такъ какъ можно было разсчитывать, что, примѣняясь къ измѣнявшимся воззрѣніямъ, Осетины современемъ согласятся обращать въ приданое и весь получаемый ими „ирадъ". Не ожидая этого, можно сказать, естественнаго исхода, общественный приговоръ 1879 года совершенно отмѣнилъ обычай платежа калыма, оставивъ въ тоже время за мусульманами право заключать по прежнему брачные договоры и вносить въ нихъ статьи объ имущественномъ обезпеченіи женъ на случай развода.

Изъ сказаннаго не трудно вывести то заключеніе, что купля невѣстъ — явленіе, не вполнѣ еще исчезнувшее изъ осетинскаго быта, формальная отмѣна ея воспослѣдовала не далѣе пяти лѣтъ назадъ, а на практикѣ она продолжаетъ держаться и по нынѣ.

Спрашивается, можно ли сказать то же и о другомъ не менѣе архаическомъ порядкѣ заключенія брака - путемъ похищенія или умычки. Въ официальныхъ сборникахъ осетинскихъ адатовъ нерѣдко можно встрѣтить заявленія о томъ, что кража не-

*) Труды Казанскаго Статистическаго Комитета за 69 г.— Народные обычаи у татаръ Казанской губ.

вѣстъ или никогда не была извѣстна, или совершенно вышла изъ употребленія *).

Насколько достовѣрны всѣ эти показанія, Отобранныя у подчиненныхъ ихъ прямымъ начальствомъ, можно судить изъ того, что къ умычкѣ осетины обращаются сплошь и рядомъ и въ настоящее время, но лишь какъ къ крайнему средству, въ случаѣ отказа родственниковъ выполнить заключенный ими же самими брачный договоръ; настаивая на своемъ правѣ, обиженный женихъ, заручившись всего чаще согласіемъ невѣсты, крадетъ ее у родителей и спѣшитъ затѣмъ закрѣпить свои права на нее вступленіемъ съ нею въ сожительство **). Родителямъ въ этомъ случаѣ не остается инаго исхода, какъ получить съ жениха опредѣляемый обычаемъ ирадъ. Только въ послѣднее время для борьбы съ этимъ зломъ придумано было Осетинами новое средство: штрафованіе виновныхъ въ пользу общины. Размѣръ штрафа въ этомъ случаѣ не падаетъ ниже 25 р. и не подымается выше восьмидесяти или ста ***).

Слѣды широкаго господства въ старые годы обычая похищать женъ сохранились и доселѣ въ осетинскомъ свадебномъ ритуалѣ, который по своей архаичности заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія со стороны историковъ права, нежели то, которое пока выпало ему въ удѣлъ. Такъ какъ осетинская свадьба подробно описана уже г. Шанаевымъ, то я остановлюсь лишь на тѣхъ сторонахъ

*) Леонтовичъ, стр. 70, стр. 5 т. IV.
**) Шанаевъ, стр. 12.
***) Пфафъ. Народное право Осетинъ, ч. II, стр. 276.

ея, въ которыхъ можно видѣть пережитки такъ называемой умычки. Я вижу ихъ прежде всего въ томъ, что окружающіе невѣсту родные, въ особенности младшее поколѣніе ихъ, всячески обижаютъ дружекъ жениха, отымая у нихъ все, что только попадется имъ подъ руку. „Аульные мальчики, по словамъ Осетина Шанаева, всячески стараются наказать дружковъ лишеніемъ шапки или чего либо другаго. Для этого они выжидаютъ удобную минуту, когда тотъ, противъ кого направлены замыслы, занятъ пляской; рѣзвѣйшій и быстрѣйшій изъ всѣхъ мгновенно бросается на его шапку и, давъ волю своимъ прыткимъ ногамъ, убѣгаетъ съ нею изъ опасенія преслѣдованій... Такими нападками аульные мальчики преслѣдуютъ дружковъ впродолженіи всего пребыванія ихъ въ домѣ невѣсты... На слѣдующій день, когда дружки соберутся въ обратный путь, оказывается недостатокъ у кого въ шапкѣ, а у кого въ уздечкѣ или подпругѣ для лошади. На всѣ просьбы вернуть похищенное молодежь отвѣчаетъ одними насмѣшками. Волей, неволей приходится поѣзжанамъ занять у знакомыхъ шапки, обвернуть сѣдла мочалой, замѣнить уздечки веревками и въ этомъ видѣ отправиться въ обратный путь, при дружномъ смѣхѣ собравшейся толпы“. Не менѣе наглядно выступаютъ слѣды старинной умычки въ томъ симулированномъ нападеніи, какое женская свита невѣсты дѣлаетъ на пріѣхавшаго за нею шафера *), а также и въ томъ, что во все время

*) „Дѣвушки, состоящія при невѣстѣ, говоритъ г. Шанаевъ, бросаются на шафера и обрываютъ на немъ черкеску или бешметъ, вообще верхнюю одежду“. Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, стр. 24.

свадьбы и даже въ ближайшіе за нею дни женихъ не смѣетъ показаться на глаза, проводя время въ домѣ друга (такъ называемаго фсима), и только по ночамъ крадется къ своей женѣ *). Въ свою очередь жена втеченіи двухъ и болѣе лѣтъ послѣ свадьбы, а тѣмъ болѣе ея мужъ не вправѣ показаться по обычаю въ домѣ тещи, что, разумѣется, можетъ быть объяснено лишь тою враждебностью, какую въ прежніе годы вызывало въ матери невѣсты похищеніе ея женихомъ.

Ошибочно было бы думать, однако, что бракъ у осетинъ лишенъ совершенно того характера не только физическаго, но и нравственнаго союза, какой признавали за бракомъ уже греческіе и римскіе юристы. Если женитьба дѣтей и происходитъ у нихъ, какъ общее правило, не по привязанности, а по расчету, если рѣшающимъ обстоятельствомъ является въ этомъ случаѣ воля родителей, нерѣдко принимающихъ обязательства даже за малолѣтнихъ дѣтей, если невѣста по обычаю не смѣетъ открыто высказать своего выбора и нерѣдко ѣдетъ въ замужество, не зная даже своего жениха или, что хуже, любя другаго, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народу было совершенно чуждо представленіе о бракѣ, какъ о духовномъ союзѣ мужа и жены, какъ объ основаніи къ дальнѣйшему общенію въ семейномъ культѣ. Почитаніе покойниковъ на правахъ домашнихъ божествъ, слѣды котораго

*) Ibid, стр. 21, 27 и 15.

еще такъ явственны въ осетинскомъ быту, необходимо должно было вызвать въ народѣ убѣжденіе, что, съ переходомъ въ чужую семью, невѣста разрываетъ свою связь съ культомъ своей семьи и вступаетъ въ новую, съ предками мужа, и это убѣжденіе выразилось въ свою очередь въ свадебномъ ритуалѣ въ рядѣ дѣйствій, отдаленно напоминающихъ собою тотъ религіозный обрядъ, который доселѣ совершается въ Индіи и нѣкоторыя черты котораго выступаютъ и въ римской „confarreatio“. Какъ въ гимнахъ Ригъ-Веды новобрачная рисуется намъ торжественно обходящей очагъ въ жилищѣ своего мужа, такъ точно и въ осетинскомъ свадебномъ ритуалѣ. Жертвоприношеніе, совершаемое въ Индіи въ домѣ мужа, не отсутствуетъ вполнѣ и въ Осетіи: оно замѣняется только символическимъ дѣйствіемъ, выражающимъ съ ея стороны готовность пріобщиться къ домашнему культу ея новой семьи. При оставленіи родительскаго жилища, невѣста, обошедши три раза очагъ, слегка отталкиваетъ рукою спускающуюся надъ нимъ цѣпь. Это выражаетъ разрывъ ея къ культомъ своихъ отцовъ, культомъ, всѣ проявленія котораго неразрывно связаны съ фамильной цѣпью, Входя впервые въ домъ мужа, обыкновенно мѣсяцъ спустя послѣ свадьбы, невѣста снова продѣлываетъ тотъ же обрядъ тройнаго обхожденія очага и, подошедши къ цѣпи, на этотъ разъ прикладываетъ къ ней свою руку, какъ бы ухватываясь за нее. Хорошо извѣстна та нетерпимость, съ которой фамильный культъ заставляетъ смотрѣть на домашния божества чужаго двора; милостивые боги для одной

семьи, они злые геніи для другой; малѣйшее соприкасательство съ ними грозитъ поэтому гибелью и должно быть тщательно избѣгаемо; но съ молодой женой легко могутъ проникнуть въ семью и тѣ домашніе геніи, которымъ она молилась до брака, а разъ проникнувши, они могутъ сдѣлаться для нея злыми духами. Чтобы парализовать ихъ дѣйствіе, горцы нижняго склона кавказскаго хребта и въ числѣ ихъ Сванеты, бытъ которыхъ также богатъ пережитками домашняго культа, возлагаютъ на шафера обязанность держать надъ головою невѣсты обнаженный кинжалъ, размахивая имъ во всѣ концы и поражая такимъ образомъ невидимыхъ демоновъ, старающихся проникнуть вмѣстѣ съ нею въ семью, ея мужа Почти неузнаваемымъ остаткомъ однохарактернаго обряда является у осетинъ помахиваніе шаферомъ острой палочкой надъ головой новобрачной. Палочка эта, которая у Осетинъ носить названіе *сарыцадъ*, т. е. „ангела головы“, прикрыта сверху кускомъ бѣлой кисеи или коленкора. Описывая ею послѣдовательно три круга по воздуху, шаферъ въ то же время открыто высказываетъ молодымъ желаніе полнаго благоденствія. „Благоденствіе, благоденствіе, благоденствіе,“! восклицаетъ онъ три раза подрядъ и вслѣдъ за тѣмъ указываетъ на то, въ чемъ именно должно состоять это послѣднее: „девять мальчиковъ и одну голубоглазую дѣвушку“— пожеланіе, совершенно понятное въ устахъ людей, которые видятъ въ рожденіи сыновей величайшее для себя счастье, гарантію тому, что и въ будущей жизни имъ и ихъ предкамъ не будетъ недостатка, ни въ пищѣ, ни въ

питьѣ, такъ какъ на землѣ найдутся лица, готовыя совершать въ честь ихъ поминальныя жертвы.

Вступая въ домъ мужа, молодая Осетинка не разсчитываетъ сразу сдѣлаться въ немъ хозяйкой; эта роль принадлежитъ, какъ мы видѣли, въ каждомъ дворѣ обыкновенно старшей по возрасту, всего чаще свекрови, подъ начало которой и поступаетъ принятая въ домъ жена. Судьба ея въ значительной степени зависитъ поэтому отъ того, какъ отнесется къ ней мать ея мужа. Этимъ объясняется то значеніе, какое играетъ въ сведебномъ ритуалѣ Сванетовъ символическое изображеніе мира и согласія между новобрачной и ея свекровью. Вводя молодую въ домъ мужа, шаферъ прежде всего подводитъ ее къ свекрови. Приподнявъ завѣсу надъ ея лицомъ, такъ однако, чтобы послѣднее все же оставалось полузакрытымъ, онъ приглашаетъ ее опустить указательный палецъ въ чашу, наполненную смѣсью меда и масла и предлагаемую ей свекровью. Захвативъ пальцемъ часть содержимой въ ней смѣси, молодая кладетъ ее въ ротъ свекрови, которая затѣмъ въ свою очередь дѣлаетъ то же по отношенію къ невѣстѣ. Этимъ молчаливо высказывается желаніе обѣихъ сторонъ жить между собою въ сладостномъ общеніи.

Подчиненіемъ свекрови и необходимостью терпѣть ежечасное присутствіе въ домѣ мужниныхъ любовницъ и его незаконныхъ дѣтей вполнѣ опредѣлялось въ старые годы печальное положеніе осетинской жены. Хотя затворничество женщинъ извѣстно одной мусульманской половинѣ населенія,

но и въ средѣ христіанъ дѣвушка послѣ замужества теряетъ право показываться всенародно на праздникахъ и пляскахъ. Сосѣдство магометанъ отразилось въ этомъ отношеніи довольно невыгодно на обычаяхъ Осетинъ. Подобно Кабардинцамъ и Татарамъ они стали стѣснять внѣшнюю свободу женщинъ, что въ свою очередь сдѣлало возможнымъ возложить на нихъ бо́льшую часть работъ по хозяйству: завѣдываніе не только домашней стряпней, шитьемъ и пряденьемъ, но также уходъ за скотиной и производство полевыхъ работъ. По всей Осетіи мужчина работаетъ меньше женщины, и производимая имъ работа сравнительно легче. Не мужчина, а женщина носитъ воду изъ колодца и дрова изъ лѣсу, полетъ, жнетъ и вяжетъ снопы. Только въ высшемъ сословіи Тагауріи женщина пользовалась нѣкоторымъ досугомъ, такъ какъ единственнымъ ея занятіемъ было шитье золотомъ, до котораго мѣстные алдары большіе охотники. Завѣдываніе же кухней и вообще домашнимъ хозяйствомъ всецѣло возложено было на номулусовъ или имянныхъ женъ. Работница въ домѣ, жена въ то же время всецѣло подчинена мужу, который, не давая въ томъ никому отчета, въ правѣ ее исправлять словами и побоями, даже до увѣчья, какъ значится въ сборникѣ осетинскихъ адатовъ отъ 1844 г. *). Права мужа на жену знаютъ только одно ограниченіе: онъ не можетъ ни продать своей жены, ни подарить ея другому **). Убій-

*) Леонтовичъ, т. II, стр. 26
**) Ibid, стр. 27.

ство жены, даже виновной въ невѣрности, обычаемъ не разрѣшается, но плата за кровь, требуемая въ этомъ случаѣ, ниже обыкновенной, всего чаще половина ея *). Въ имущественномъ отношеніи, жена, какъ не получавшая до послѣдняго времени приданаго, а одну только одежду и украшенія, являлась вполнѣ безправной; у однихъ мусульманъ выговаривалось въ ея пользу извѣстное обезпеченіе на случай развода. Если мужъ прогонялъ жену по собственному желанію, онъ долженъ былъ заплатить ей напередъ выговоренный въ ея пользу накяхъ. Съ 66 года и у христіанъ жена получаетъ извѣстное имущество: одна треть ирада уступается родителями въ ея пользу, и этою частью мужъ вправѣ распоряжаться только съ ея согласія; на случай же развода, она всецѣло поступаетъ въ руки жены. Осетинскій обычай признаетъ за мужемъ неограниченную свободу во всякое время прогнать жену (ауахта—разводъ по волѣ мужа), но не иначе, какъ подъ условіемъ потери имъ всего калыма. Только въ томъ случаѣ, когда можетъ быть указана достаточная причина къ разводу, мужъ вправѣ требовать возвращенія въ пользу его той трети ирада, которая иначе поступила бы къ его женѣ **). Обыкновеннымъ моти-

*) Ibid, стр 28.

**) См. Сборникъ обычаевъ, существующихъ у туземцевъ осетинскаго округа 1866 г. ст. 56. (Леонтовичъ т. II стр. 68). Въ прежнее время мужъ получалъ обратно и болѣе трети, обыкновенно половину, при открытомъ же имъ самимъ прелюбодѣяніи жены,—весь калымъ.

вомъ къ разводу является невѣрность жены, но имъ можетъ быть также безплодіе или физическіе недостатки (болѣзнь) *).

Прогнанная мужемъ жена, такъ называемая *уаидусъ*, обыкновенно возвращается въ свою семью или же вступаетъ въ новой бракъ, что, впрочемъ для нея не такъ то легко, въ виду дурной репутаціи, которой вообще пользуется разведенная жена въ средѣ Осетинъ. Оставить мужа жена въ прежніе время была не въ правѣ, да и въ наши дни разводъ по обоюдному согласію возможенъ только въ средѣ мусульманъ, у которыхъ онъ дозволенъ шаріатомъ,(имя ему надзаронъ), отнюдь не между православными, у которыхъ вообще разводъ запрещенъ по религіознымъ мотивамъ. Дѣти при разводѣ, какъ общее правило, остаются при отцѣ.

По смерти мужа, вдова обыкновенно остается въ его домѣ не менѣе года и въ это время производитъ въ память его поминки, покрывая издержки, на нихъ изъ годоваго дохода семейнаго имущества. Сожительство ея въ одномъ дворѣ съ родственниками покойнаго можетъ продолжиться и болѣе года, но только въ томъ случаѣ, если она не пожелаетъ вступить въ новый бракъ, а останется жить при дѣтяхъ. Наслѣдники покойнаго обязаны удер-

*) См. случай отсылки мужемъ жены, заболѣвшей чахоткой послѣ брака, на томъ основаніи, что при вступленіи въ него она выдана была ея родственниками за здоровую. Юридическіе случаи изъ практики осетинскихъ народныхъ судовъ № 12. Приложеніе II къ статьѣ Пфафа о народномъ правѣ Осетинъ.

жать за вдовою въ домѣ то самое положеніе, какое она занимала при мужѣ, другими словами, если до его кончины она считалась главной хозяйкой во дворѣ, или авсинъ, она остается ею и послѣ его смерти. Пока вдова проживаетъ въ одномъ съ ними дворѣ, наслѣдники обязаны давать ей содержаніе и не отказывать ни въ платьѣ, ни въ обуви. Въ свою очередь она вправѣ требовать, чтобы все, заработанное ею, поступало въ общую казну и затрачиваемо было на покрытіе общихъ издержекъ семьи. Жена по мужѣ не наслѣдница и потому въ случаѣ оставленія ею семьи, она не вправѣ требовать себѣ выдѣла, *) но родственники, въ томъ

---

*) Юридическое положеніе осетинской вдовы довольно наглядно выступаетъ изъ слѣдующаго медіаторскаго приговора, состоявшагося въ Новохристіанскомъ селеніи не далѣе, какъ въ 1880 г. Обстоятельства дѣла были слѣдующія: 3-го Августа упомянутаго года вдова Фардаусъ, по мужу Колоева, заявила жалобу на своего деверя Можи Колоева, обвиняя его въ томъ, что по смерти ея мужа, Можи Колоевъ, все время жившій нераздѣльно съ нимъ, сталъ оказывать ей всякое стѣсненіе, почему она и ушла въ домъ своего брата Науруза Акоева, не получивъ отъ Можи никакого вознагражденія.—Спрошенный медіаторами Можи Колоевъ отозвался, что онъ Фардуси не прогонялъ, а что она ушла отъ него по собственному выбору. — Рѣшеніе медіаторовъ буквально гласитъ слѣдующее: Фардаусъ должна перейти въ домъ Можи Колоева и быть въ немъ полною распорядительницею по хозяйству, касающемуся до женскаго пола вообще, какъ требуетъ этого обычный порядокъ. Она не должна ѣздить въ степь на полевыя работы, а только смотрѣть за хозяйствомъ, приготовлять пищу и т. п. Если Фардаусъ будетъ жить у Можи Колоева честно и пожелаетъ затѣмъ отойти, то она должна получить отъ него

случаѣ, когда она покидаетъ дворъ съ ихъ согласія, обыкновенно даютъ ей нѣкоторое вознагражденіе деньгами, скотомъ и рѣдко когда землею. Мы

---

150 рублей и отойти, куда ей будетъ угодно къ родственникамъ, съ тѣмъ, что если она выйдетъ въ замужество, то въ пользу ея должны поступить 50 рублей, а остальные сто рублей должны быть возвращены Можи Колоеву. Если же она передастъ ихъ тому, у кого будетъ жить, то, по замужествѣ ея, лицо это должно возвратить Колоеву 100 рублей. Если Можи Колоевъ по своему желанію прогонитъ Фардаусъ, то долженъ уплатить ей 200 р. Если Фардаусъ будетъ жить въ домѣ Можи не честно и не будетъ исполнять своего долга по хозяйству, то она должна остаться безъ всякого вознагражденія, но для этого нужно, чтобы дурное ея поведеніе было засвидѣтельствовано почетными людьми.—Если Фардаусъ умретъ въ домѣ Можи, всѣ вещи, бывшія у ней при выходѣ ея въ замужество, должны быть возвращены ея родственникамъ согласно обычному порядку. Похороны же и поминки ея должны быть отнесены на счетъ Колоева.—Пока Фардаусъ живетъ въ домѣ Колоева, одежда должна быть исправляема всѣмъ ровно и кто что заработаетъ долженъ отдавать на общую пользу".

Изъ другаго рѣшенія, отъ 27 декабря 1871 года, также постановленнаго медіаторами мы узнаемъ, что издержки на устраиваемыя вдовою поминки по мужу возмѣщаются ей изъ доходовъ семейнаго имущества. „Если вдова, читаемъ мы въ немъ, сдѣлаетъ по мужу поминки, то братъ мужа обязанъ дать ей годовой доходъ отъ доставшейся ему по наслѣдству земли".

Оба приведенныя рѣшенія списаны мною съ „книги на записку жалобъ жителей и рѣшеній Христіанскаго сельскаго суда 2-го участка Владикавказскаго округа" хранимой въ мѣстной канцеляріи. — См. также Адаты Осетинъ 1836 г., ст. 25. (Леонтовичъ, т. II, стр. 6).

знаемъ случаи, въ которыхъ это вознагражденіе было присуждаемо ей и судомъ посредниковъ *).

Въ заключеніе всего сказаннаго мною о брачномъ правѣ Осетинъ и о положеніи, занимаемомъ въ ихъ семьѣ законною женою, я считаю нужнымъ остановить вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто интересуется юридическими древностями, на томъ обстоятельствѣ, что въ осетинскихъ обычаяхъ сохранилось не мало слѣдовъ пережитыхъ уже арійскими народами стадій семейно-правоваго развитія, что въ нихъ можно найти указанія и на принадлежность нѣкогда дѣвушекъ всей совокупности ихъ родственниковъ и потому нерѣдко всему аулу, какъ всецѣло занятому одной фамиліей, и на позднѣйшее сравнительно ограниченіе правъ на жену со стороны мужской родни, правъ, послѣднимъ остаткомъ которыхъ является еще доселѣ практикуемый Осетинами левиратный бракъ или рекомендуемый обычаемъ выходъ вдовы за мужнинаго брата—ея деверя.

Слѣды перваго изъ указанныхъ мною явленій я вижу въ фактѣ производства женихомъ еще въ наши дни извѣстнаго платежа тому аулу, изъ котораго берется имъ невѣста. Этотъ платежъ, въ настоящее время весьма незначительный, (размѣръ его рѣдко когда превышаетъ девять рублей) извѣстенъ подъ наименованіемъ *каувендаг*, что въ переводѣ значитъ „путь изъ деревни“—названіе весьма

*) Адаты 1863 г. ст. 25 Свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г. ст. 88.

характерное, такъ какъ имъ указывается цѣль, съ которой онъ дѣлается. Женихъ вноситъ аулу извѣстную сумму для того, чтобы получить отъ него право увести съ собою невѣсту а если такъ, то, очевидно, за ауломъ признаваемы были нѣкогда извѣстныя права на нее. Послѣднее легко объяснимо, если принять во вниманіе родовой характеръ древнѣйшихъ поселеній, и только доказываетъ признаніе обычаемъ въ прежнее время и за отдаленной роднею тѣхъ правъ на дѣвушекъ, которые въ наши дни признаются лишь за лицами, живущимя съ ними въ одномъ дворѣ.

Болѣе широкимъ участіемъ всѣхъ родственниковъ безъ различія линій и степеней во всемъ, что касается интересовъ каждаго изъ нихъ, объясняется и тотъ контроль, который по обычаю дозволяетъ себѣ молодежь по отношенію къ новобрачной съ цѣлью провѣрить фактъ сохраненія ею дѣвственности до брака. Такъ какъ потеря невинности считается позоромъ не для одного мужа, но и для всей его родни, то и неудивителенъ фактъ предоставленія послѣдней своего рода цензуры нравовъ. Въ этомъ отношеніи Осетины далеко не стоятъ особнякомъ. Бытъ русскихъ крестьянъ, и въ частности Малороссовъ, представляетъ явленія аналогичныя. Контроль жинщинъ-старухъ за первою ночью молодыхъ, право пирующихъ на свадьбѣ гостей быть оповѣщенными о ея результатахъ, наконецъ, различные виды опорочиванія такъ называемыхъ „покрытокъ“, все это факты хорошо извѣстные крестьянству Кіевской, Полтавской и Черниговъ-

ской губерніи *). Мы находимъ ихъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ и на протяженіи всей Осетіи, одинаково у мусульманъ и православныхъ. Вотъ какъ описываетъ связанные съ ними обряды г. Шанаевъ *). Ночью, когда молодой мужъ крадучись войдетъ въ домъ, въ которомъ остановилась новобрачная, аульная молодежь обыкновенно окружаетъ послѣдній. Съ какою-то непонятною страстью прислушивается она къ малѣйшему шелесту или тихому говору, какой слышится изъ дому. Нѣкоторые даже просверливаютъ стѣны, чтобы предоставить себѣ болѣе удобствъ къ слушанью; другіе заходятъ по пути скандала еще дальше: не довольствуясь однимъ подслушиваніемъ, и непремѣнно желая разсмотрѣть что-нибудь изъ сокровенныхъ сценъ, они раскрываютъ слуховое окошечко, стараясь въ то же время освѣтить какъ-нибудь комнату. Съ этою цѣлью одинъ изъ молодежи, взлѣзши на крышу, зажигаетъ пукъ соломы и спускаетъ его затѣмъ по трубѣ, чѣмъ и даетъ возможность своимъ товарищамъ видѣть сквозь щели все, происходящее въ домѣ. Утромъ жениху передается все видѣнное и слышанное.

Если бы подвергнутая такому непрошенному контролю молодая оказалась нецѣломудренной, то въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, со-

*) См. статью, посвященную этому вопросу покойнымъ проф. Кистяковскимъ и помѣщенную въ Сборникѣ Географическаго Общества.

**) Свадьба у сѣверныхъ Осетинъ. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, т. IV, стр. 27.

сѣди оповѣстились бы о томъ слѣдующимъ образомъ: палочка, которую шаферъ держитъ надъ головой невѣсты, вмѣсто того, чтобы стоять въ углу или быть привѣшенной къ потолку надъ дверью, ведущею въ кладовую, оказалась бы выброшенной на дворъ—признакъ, не менѣе вѣрный, чѣмъ тотъ, какой въ Малороссіи представляютъ вымазанныя дегтемъ ворота.

Для сужденія о характерѣ древняго обычая мы нерѣдко не имѣемъ другихъ источниковъ, кромѣ запрещеній его на будущее время. Однимъ изъ такихъ запрещеній является недопущеніе молодой жены на глаза старшихъ родственниковъ ея мужа, разумѣется однихъ только мущинъ. Обычай, говоритъ г. Тховстовъ, дозволяетъ только младшему брату входить въ женскую половину во всякое время, чтобы передавать приказанія главы семейства или старшихъ братьевъ" *). Какой смыслъ долженъ быть приданъ такому запрету?—Я полагаю, тотъ, что жена, избѣгая присутствія сожительствующихъ съ ея мужемъ родственниковъ—мужчинъ, становится въ невозможность имѣть съ ними то физическое общеніе, какое въ эпоху отсутствія индивидуальнаго брака разрѣшено было всѣмъ членамъ одного и того же двора. Уцѣлѣвшимъ слѣдомъ такого „семейнаго" брака является, съ одной стороны, снохачество, доселѣ еще держащееся въ нравахъ, хотя и преслѣдуемое уже обычаемъ, а съ другой левиратъ или деверство. По собраннымъ мною даннымъ,

*) „Терскія Вѣдомости" за 69 г. № 28.

условіемъ, благопріятнымъ сохраненію снохачества въ осетинскомъ быту являлся долгое время державшійся у нихъ обычай заключать брачные договоры между малолѣтнимъ сыномъ и женскимъ подросткомъ, благодаря чему молодая по вступленіи въ бракъ становилась наложницей своего свекра и нерѣдко приживала съ нимъ дѣтей, слывшихъ впослѣдствіи за дѣтей ея мужа. *) Что касается до левирата, или деверства, то Осетины принадлежатъ къ числу тѣхъ народностей, у которыхъ этотъ древній институтъ сохранился еще во всей его силѣ, почему изученіе его представляется задачей особенно благодарной для каждаго, кто занимается исторіей арійскихъ законодательствъ.

Извѣстно, что левиратъ выступаетъ съ особенною рѣзкостью въ законодательствѣ Семитовъ и въ частности въ еврейскомъ. Но было бы ошибкой думать, что онъ не былъ извѣстенъ арійскимъ народамъ и что присутствіе его въ средѣ Осетинъ можетъ быть объясняемо только единствомъ ихъ крови съ жителями Іудеи. Изъ арійскихъ законодательствъ мы встрѣчаемъ деверство и въ древнемъ аѳинскомъ

---

*) О снохачествѣ у осетинъ не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія можно найти немало данныхъ у иностранныхъ путешественниковъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ о немъ баронъ Гакстгаузенъ: „Отецъ нерѣдко покупаетъ для шести или осьмилѣтняго сына жену 14 или 16 дѣтъ... Послѣ чего онъ часто самъ живетъ съ снохой и имѣетъ отъ нея дѣтей. Дитя рожденное въ бракѣ, хотя бы и доказано было кровосмѣшеніе, считается законнымъ въ отношеніи имени и права наслѣдованія. (Закавказскій край, ч. II-ая, стр. 101).

правѣ *) и въ индусскомъ, на разныхъ только ступеняхъ развитія или, точнѣе говоря, вымиранія. Ближе къ этому исходу онъ стоитъ въ греческомъ правѣ, дальше—въ индусскомъ. Вотъ что постановляетъ это послѣднее: „Если человѣкъ не имѣетъ дѣтей, потомство ему можетъ быть прижито союзомъ между его супругою и братомъ или другимъ близкимъ родственникомъ (Sapinda). Помазанный священнымъ масломъ въ глубокомъ молчаніи да приблизится родственникъ, на котораго возложена эта обязанность, въ теченіи ночи, къ женщинѣ, не имѣющей дѣтей, и да родитъ онъ ей сына". Вопросъ о томъ—въ правѣ ли братъ мужа и по рожденіи перваго ребенка продолжать начатую имъ связь, вызываетъ разногласія, говоритъМану; одни полагаютъ, что рожденіемъ одного ребенка цѣль, ради которой допускается такое сожительство, можетъ быть еще не вполнѣ достигнута. Говоря это,Ману очевидно разумѣетъ случай преждевременной кончины рожденнаго ребенка, послѣдствіемъ чего была бы потеря семьею наслѣдника и жертвоприносителя. Большинство лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, говоритъМану, однако согласны между собою въ томъ, что сожительство должно прекратиться съ момента рожденія ребенка. Братъ, нарушающій это правило, подлежитъ наказанію.—Таковъ одинъ изъ видовъ деверства, извѣстныхъ индусскому праву. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ и другой, возни-

*) Caillemer. Le droit de succession légitime à Athènes.

кающій лишь въ случаѣ бездѣтной кончины мужа. Желаніе индусовъ поддержать семейный культъ побуждаетъ ихъ къ установленію слѣдующаго предписанія. Буде мужъ молодой дѣвушки умретъ вскорѣ послѣ свадьбы, вдова поступаетъ къ его брату при соблюденіи слѣдующихъ придписаній: заключивши съ нею предварительно бракъ по церковному обряду, братъ покойника вступаетъ со вдовою въ сожительство ежегодно не болѣе одного раза; такое сожительсгво продолжается до тѣхъ поръ, пока вдова не забременѣетъ. Только что описанный обычай не является чѣмъ-то вполнѣ уже вышедшимъ изъ употребленія; мы встрѣчаемъ его, по словамъ Мейна, доселѣ между Джатами Пенджаба и Раджпутами Центральной Индіи *).

Обращаясь къ Осетинамъ, мы находимъ у нихъ, правда, не въ наше время, а на разстояніи немногихъ лишь десятковъ лѣтъ отъ него, оба вида левирата. Не далѣе, какъ въ 1844 г., князь Голицынъ и ближайшіе его помощники—Давидовскій и Шардановъ, составляя по порученію правительства сборникъ древнихъ обрядовъ Кабардинцевъ и прилегающихъ къ нимъ племенъ *), доносили, что у Дигорцевъ существуетъ слѣдующій общераспространенный обрядъ: „если кто имѣетъ хорошую жену, которая не родитъ,то онъ беретъ другую съ у-

*) Lois de Mânou par A. Loiseleur Deslongchamps, книга IX парагр. 60—70 Mayne Hindu Law and Usage, стр. 61.

**) Кн. Голицынъ былъ начальникомъ центра Кавказ. линіи. О его Сборникѣ смотр, „Адаты Кавк. горцевъ“, Леонтовича: т. I, стр. 51.

платою калыма, а бездѣтную отдаетъ чужому холостому мущинѣ, отъ котораго дѣти принадлежатъ однако первому мужу потому, что онъ заплатилъ калымъ; холостой же не въ правѣ называть этихъ дѣтей своими; такая жена называется „дуккагоса“ *).

Составители не говорятъ намъ, кто былъ этотъ другой мужчина; по всему вѣроятію, онъ брался изъ среды ближайшихъ родственниковъ, и только при недостаткѣ послѣднихъ изъ лицъ постороннихъ, чему, какъ мы увидимъ, легко найти аналогію въ индусскомъ правѣ. Заявленіе, дѣлаемое на этотъ счетъ составителями названнаго сборника осетинскихъ адатовъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго довѣрія, что тѣ обычаи, которые регулировали отношенія бездѣтнаго мужа къ его законной женѣ и прижитому ею сыну, продолжаютъ доселѣ регулировать отношенія Осетинъ къ ихъ имяннымъ женамъ, или помулусъ и рожденнымъ отъ нихъ дѣтямъ, кавдасардамъ. Кавдасардами, какъ мы покажемъ это ниже, считаются не только дѣти, прижитыя старшинами отъ неравныхъ браковъ, но и всѣ тѣ, которыя рождены будутъ помулусъ или имянной женой въ сожительствѣ съ посторонним лицомъ, въ сожительствѣ, дозволенномъ ея господиномъ.

На ряду съ только что описаннымъ видомъ левирата Осетины знали и другой, во всемъ тождественный съ тѣмъ, какой доселѣ продолжаетъ дер-

*) Леонтовичъ, т. II, стр. 37.

жаться въ средѣ арійскихъ народностей сѣверной и средней Индіи. По смерти мужа, читаемъ мы въ сборникѣ осетинскихъ адатовъ, составленномъ г. Яновскимъ въ 1836 г., родной его братъ *долженъ* жениться на вдовѣ, хотя бы онъ и былъ женатъ *). То же на разстояніи немногихъ лѣтъ повторяютъ составители Описанія вредныхъ народныхъ обычаевъ, существовавшихъ въ средѣ туземныхъ племенъ военно-осетинскаго округа до 1866 г., когда по инціативѣ мѣстнаго начальника округа, полковника Кундукова, на общемъ народномъ сборѣ постановлена была ихъ отмѣна **).

„Если послѣ смерти мужа, читаемъ мы въ этомъ описаніи, останется жена въ домѣ родителей или братьевъ его съ дѣтьми или бездѣтная, то родные и братья мужа, не освобождая ея, насильственно принуждаютъ выйти за одного изъ нихъ замужъ, хотя бы этого она и не желала“ ***) Сожительству вдовы съ братомъ мужа не предшествовало совершеніе какого-либо обряда, церковнаго или свѣтскаго, еще менѣе уплата калыма, въ доказательство чему можно сослаться на примѣры изъ недавней практики мировыхъ судовъ въ Осетіи. Не далѣе, какъ въ 37, году нѣкто по имени Тежаруко Куліевъ, житель Даргкохскаго селенія, ссылаясь на то, что онъ жилъ не вѣнчавшись со вдовою брата, требовалъ уплаты ему ирада за отдачу въ заму

*) Леонтовичъ, т. I, стр. 51; т. II, стр. 6.
**) См. Леонт., т. I, стр. 69.
***) См Леонт., т. II, стр. 51 и 34.

жество прижитой въ такомъ сожительствѣ дочери *). Первоначальный источникъ тѣхъ отношеній, которыя обнимаются понятіемъ левирата, лежитъ по всей вѣроятности, въ фактѣ существованія нѣкогда въ средѣ арійскихъ народовъ того порядка сожительства всѣхъ взрослыхъ мужчинъ со всѣми взрослыми женщинами семьи **), какой этнографы наблюдаютъ въ бытѣ современныхъ дикихъ или отсталыхъ народностей, а историки и филологи—въ буквальномъ толкованіи свидѣтельствъ древнихъ писателей на этотъ счетъ. Характеръ обязательности, какой носитъ сожительство брата съ бездѣтною вдовой, одинаково встрѣчающійся у Евреевъ * ***), Индусовъ и Осетинъ, какъ я полагаю, едва ли можетъ быть объясненъ, разъ мы согласимся съ Мейномъ, что женщина потому лишь достается по смерти мужа его брату, что переходитъ къ нему по наслѣдству вмѣстѣ съ прочею собственностью. Не говоря уже о томъ, что подобное объясненіе оставляетъ безъ отвѣта вопросъ о причинѣ, дозволяющей сожительство бездѣтной жены съ братомъ мужа и при жизни послѣдняго, оно по-

*) Дѣла Терскаго областнаго правленія.

**) На этотъ порядокъ намекаютъ буквальныя выраженія древнѣйшаго изъ индусскихъ сводовъ Апастамбы: невѣста дается семьѣ (а не одному лишь жениху) (for they declare, that a bride is given to the family of her husband, and not to the husband alone) Apast. II. 10, 27.

***) Руоь требуетъ отъ Вооза вступленія съ нею въ сожительство, какъ чего то для него, какъ родственника, обязательнаго. Руоь гл. III, пар. III и IV, VIII, X, XII; глав. IV, пар. V.

тому уже не удовлетворительно, что не принимаетъ въ разсчетъ возможности добровольнаго отказа наслѣдниковъ отъ наслѣдства и невозможности отказа отъ вдовы со стороны родственника. Но если на первыхъ порахъ левиратъ не болѣе, какъ позднѣйшая форма, такъ сказать, „братскаго брака“, то удержаніе его правомъ сравнительно цивилизованныхъ народностей объясняется возможностью достиженія съ его помощью новыхъ цѣлей, которыя вовсе не имѣлись въ виду при его первоначальномъ установленіи.

Та стадія общественнаго развитія, которая допускаетъ фактъ совмѣстнаго обладанія братьями одной и той же женщиной, по всей вѣроятности была пройдена арійскими народами до ихъ разселенія по юго-западной Азіи и Европѣ. Левиратъ или, вѣрнѣе сказать, обломки этого института, тѣмъ не менѣе были удержаны ихъ правомъ, но новымъ, сперва религіознымъ, позднѣе экономическимъ мотивамъ. Замѣчательно, что, какъ въ индусскомъ, такъ и въ греческомъ правѣ, левиратъ тѣсно связанъ съ культомъ предковъ. Сожительство жены съ братомъ мужа допускается лишь съ цѣлью рожденія сына, который могъ бы со временемъ сдѣлаться продолжателемъ семейнаго культа. Вотъ почему съ достиженіемъ этой цѣли,—другими словами, каждый разъ, когда отъ такого сожительства родится ребенокъ мужскаго пола, дальнѣйшія сношенія деверя съ невѣсткой должны прекратиться.

Съ исчезновеніемъ культа предковъ, левиратъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сожительства вдовы

съ братомъ мужа, все же можетъ быть удержанъ, такъ какъ мирится съ воззрѣніемъ на женщину, какъ на объектъ наслѣдованія. По смерти старшаго брата, вдова его съ прочимъ имуществомъ поступаетъ въ раздѣлъ между оставшимися членами семьи и достается старшему, или, при отказѣ его, слѣдующему за нимъ *).

У Осетинъ левиратъ, при томъ въ одной лишь позднѣйшей его формѣ — формѣ сожительства вдовы съ деверемъ, удержался частью благодаря той связи, въ которой онъ стоитъ къ культу предковъ, частью благодаря господствующему воззрѣнію на женщину, какъ на имущество, воззрѣнію, поддерживаемому обычаемъ пріобрѣтать женъ покупкою. Участвуя въ платежѣ калыма, семья не соглашается потерять во вдовѣ рабочую силу, пріобрѣтенную на ея собственныя средства. Вмѣсто того, чтобы тратиться на покупку невѣсты для холостаго члена, она предпочитаетъ обвѣнчать его на вдовѣ и тѣмъ самымъ достигнуть сразу обѣихъ цѣлей: рожденія потомка, способнаго продолжить семейный культъ, и сохраненія полезной для семьи работницы.

Дѣйствительныя причины, вызвавшія и поддерживающія въ жизни институтъ левирата, до такой степени забыты современными Осетинами, что обычное право ихъ не придерживается болѣе той фикціи, на которой построенъ самый институтъ,—фик-

*) Примѣръ такого отказа мы встрѣчаемъ въ уже упомянутой книгѣ Руоь, глав. IV, парагр. VI.

ціи, что родившійся отъ деверя ребенокъ — сынъ старшаго брата. Указывая на существованіе въ ихъ средѣ вышеописанаго обычая, Осетины въ то же время не въ состояніи отъ себя дать ему никакого объясненія. Они считаютъ его стародавнимъ, настаиваютъ поэтому на признаніи его христіанскимъ духовенствомъ и въ то же время, по требованію послѣдняго, все болѣе и болѣе отступаютъ отъ строгаго его соблюденія. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и исчезнутъ послѣдніе слѣды этого оригинальнаго института, такъ наглядно указывающаго на связь современнаго обычнаго права съ архаическими порядками.

Та же судьба несомнѣнно постигнетъ въ ближайшемъ будущемъ и другой не менѣе странный обычай, въ силу котораго вдова, женивши малолѣтняго сына своего на взрослой дѣвушкѣ, сама вступаетъ въ сожительство со взятымъ ею въ домъ мущиною, при чемъ рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми ея малолѣтняго сына и носятъ наименованіе „дзагалзатъ“. Объясненіе этого обычая нѣсколько болѣе затруднительно. Ни одно арійское законодательство, за исключеніемъ индусскаго, не представляетъ намъ ничего аналогичнаго. Источ. никъ такихъ порядковъ слѣдуетъ искать, какъ мнѣ кажится въ правѣ бездѣтной жены на сожительство съ постороннимъ лицомъ съ цѣлью рожденія отъ него сына мужу **).

Индусскіе своды перечисляютъ тѣ случаи, въ которыхъ допускается подобное сожителсство: —

**) Mayne. A Treatise on Hindu Law and Usage, ст. 58, § 66.

при импотенціи мужа, сумасшествіи его или неизлѣчимой болѣзни. Нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ Апастамба, устанавливаютъ извѣстныя ограниченія по отношенію къ праву мужа ссужать женою постороннихъ лицъ. Мужъ можетъ допустить сожительство жены только съ родственникомъ, отнюдь не съ чужеродцемъ *). Еще шагъ далѣе въ томъ же направленіи дѣлаютъ тѣ новѣйшіе своды, которые дозволяютъ такую связь одной лишь бездѣтной вдовѣ. Изъ тѣхъ ограниченій, какими обставлено такое сожительство, извѣстное въ Индіи подъ наименованіемъ „ніога", не трудно выяснить себѣ причины, побудившія законодателя къ его допущенію. Сожительство возможно лишь въ томъ случаѣ, когда покойникъ умеръ бездѣтнымъ, и новорожденный будетъ признанъ его сыномъ. Съ появленіемъ послѣдняго на свѣтъ дальнѣйшее сожительство не допускается. Отсутствіе потомковъ въ глазахъ Индуса есть величайшее зло. Оно ведетъ за собою прекращеніе домашняго культа, а отъ такого прекращенія страдаютъ души усопшихъ предковъ, остающіяся безъ пищи и опьяняющихъ напитковъ. Чтобы избѣжать такого послѣдствія, индусское право готово прибѣгнуть, какъ къ крайнему средству, къ допущенію того, что въ нашихъ глазахъ является незаконною связью, на первыхъ порахъ жены, позднѣе одной только вдовы, съ тѣмъ, чтобы рож-

*) F. Max Müller. The sacred books of the east: Apastamba, стр. 164., кн. II, гл. § 27.

денный отъ такой связи ребенокъ, признаваемый сыномъ мужа, продолжилъ родъ отца, совершалъ бы жертвоприношенія въ честь предковъ и передалъ бы эту обязанность и своимъ нисходящимъ. Тѣ же цѣли преслѣдовалъ, несомнѣнно, на первыхъ порахъ и осетинскій обычай, признававшій законнымъ ребенкомъ дзагалзата, т. е. всякаго, прижитаго вдовою съ постороннимъ лицомъ. Въ настоящее время этотъ обычай носитъ уже на себѣ всѣ признаки вырожденія: доказательство тому можно видѣть, какъ въ разрѣшеніи сожительства не только бездѣтной вдовѣ, но и имѣющей уже сына, такъ и въ томъ, что подобное сожительство можетъ быть продолжено и послѣ рожденія ребенка, такъ, наконецъ, и въ томъ, что новорожденный признается не сыномъ покойнаго мужа, а сыномъ малолѣтняго сына: другими словами, внукомъ перваго.

b) Союзъ родителей и дѣтей.

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ отношеній, въ которыхъ стоятъ между собою родители и дѣти, я долженъ отмѣтить прежде всего тотъ фактъ, что осетинское обычное право различаетъ дѣтей троякаго рода: 1) дѣтей отъ главной жены 2) дѣтей отъ второстепенныхъ женъ или номулусъ, такъ наз. кавдасардовъ или тумяковъ, причемъ послѣднее прозвище дается имъ въ одной только Дигоріи и 3) незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ съ рабынями до 67 года, времени уничтоженія зависимыхъ сословій въ Терской области.

Разсмотримъ юридическое положеніе каждой категоріи.

Подобно своимъ сѣвернымъ и южнымъ сосѣдямъ—Татарамъ, Кабардинцамъ и Сванетамъ, Осетины видятъ въ рожденіи дѣтей величайшее для себя счастье. При самомъ началѣ брачнаго союза, во время празднованія свадьбы высказывается уже пожеланіе молодымъ потомства, какъ чего то равнозначительнаго благоденствію. Въ этомъ пожеланіи легко отмѣтить, какимъ дѣтямъ отдается Осетинами рѣшительное предпочтеніе: не дѣвочекъ, а мальчиковъ желаетъ невѣстѣ ея шаферъ: девять мальчиковъ и одну дѣвочку,—отнюдь не равное число тѣхъ и другихъ. То же предпочтеніе мужскому поколѣнію передъ женскимъ выступаетъ одинаково и въ рядѣ поговорокъ, какъ напримѣръ: „въ родѣ мужчина дороже всѣхъ"; „дурной между мужчинами лучше хорошей между женщинами" *), и въ оригинальномъ обрядѣ, еще недавно практиковавшемся на осетинской свадьбѣ; Молодой сажали на колѣна 2-хъ или 3-хъ лѣтняго младенца мужскаго пола, въ надеждѣ, что Провидѣніе не замедлитъ послать ей сына. Нерѣдко этотъ обрядъ замѣнялся простымъ преклоненіемъ новобрачной передъ кѣмъ либо изъ мальчиковъ жениховой родни **).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ также весьма наглядно сказывается желаніе Осетинъ имѣть отъ будущей

*) Bulletin de l'Acad. de S. Pet. 19 сент. 62 г.
**) Сообщенія священника Гатіева.

жены возможно большее потомство и при томъ наискорѣйшимъ образомъ:

Ой люли, ой люли,

поется въ нихъ.

Наша невѣста намъ что принесетъ?—
Въ одной рукѣ чашу меда,
Въ другой рукѣ чашу масла,
На одномъ плечѣ точеную люльку,
На другомъ плечѣ живучее село *).

По описанію присутсвовавшихъ лицъ, при появленіи на свѣтъ перваго ребенка въ осетинской семьѣ, отецъ не только не обнаруживаетъ никакой радости при рожденіи дочери, но „повѣся голову посматриваетъ на приготовленныя угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, такъ что гости часто оставляютъ домъ хозяина съ неудовлетвореннымъ аппетитомъ". Наоборотъ, если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка, всѣ бросаются поздравлять отца и родственниковъ. Кто первый поздравить, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса или шашки, смотря по состоянію. Часто родственники мужа въ свою очередь дарятъ, кто оружіе или платье, а кто и барановъ. Особенно торжественно празднуется рожденіе сына первенца. Какъ бы бѣденъ ни былъ Осетинъ, онъ считаетъ долгомъ своимъ устроить пиръ и угостить на немъ весь аулъ. Щедро одаряетъ онъ толпу мальчиковъ, собравшуюся у его оконъ съ гром-

*) Адаты Осетинъ 1836-го г. (Леонтовичъ, т. II; стр. 7). Дубровинъ. Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, т. I, стр 336.

кимъ пожеланіемъ новорожденному „сала и тучности“ (сой, цау, сой, али аздаръ ардамъ-цау, сой, цау, сой), а вечеромъ обыкновенно устраиваетъ скачку съ призами *).

Причина, по которой Осетинъ такъ различно относится къ рожденію сына и до чери, лежитъ, какъ мнѣ кажется, не въ томъ только, что женщинамъ придается въ Осетіи слабое значеніе, а главнымъ образомъ потому, что, согласно ходячимъ воззрѣніямъ, продолжателемъ рода можетъ быть только сынъ. Въ народѣ, въ которомъ культъ предковъ успѣлъ пустить глубокіе корни, заботливость о рожденіи сына преимущественно предъ дочерью совершенно понятна. Не для однихъ Грековъ сынъ является „спасителемъ домашняго очага“; не будь его у Осетина, кто бы сталъ совершать по немъ поминки, тѣ многочисленные „хисты“, на которые такъ часто раззоряются горскія семьи, **)

*) Ibid. стр 340—341.

**) См. перечисленіе этихъ поминокъ въ выпискѣ о нравахъ и обычаяхъ горцевъ Владикавказскаго округа, составленной въ 1849 г. (Леонтовичъ, т. II стр. 53). Въ общественномъ приговорѣ 1879 года мы читаемъ: У Осетинъ по умершимъ дѣлаются поминки въ большихъ размѣрахъ и при томъ нѣсколько разъ въ годъ. Поминки эти, истощая матеріальныя средства семействъ, доводятъ ихъ до крайней нищеты. Всѣ существующіе виды поминокъ отнынѣ отмѣняются. Разрѣшается только христіанамъ дѣлать угощеніе (ольмартъ-харнагъ) въ день похоронъ, закалывая на него не болѣе одного быка или пяти барановъ, а также устраивать сорокадневную поминку (дуаіедзамъ, боны-хіетъ), при чемъ на угощеніе не должно идти болѣе одного барана съ соотвѣтствующимъ количествомъ

и совершеніе которыхъ ставится ими въ связь съ благоденствіемъ въ загробной жизни. Такъ какъ родъ покойника можетъ быть продолженъ только сыномъ его законной жены, то поэтому Осетины далеко не дорожатъ въ такой степени тѣмъ, чтобы ихъ номулусъ давали имъ только мужскихъ потомковъ. Дочери-кавдасардки также доставляютъ семьѣ извѣстный доходъ, какъ даровыя работницы до свадьбы; съ выходомъ же ихъ замужъ, отецъ получаетъ за нихъ опредѣленный обычаемъ ирадъ, а слѣдовательно не остается въ убыткахъ. Другое дѣло законныя дочери. Въ богатой семьѣ онѣ проводятъ время въ бездѣйствіи, навлекая только на родителей возможность ежечаснаго нападенія со стороны ихъ сосѣдей, ко-

---

національныхъ напитковъ. Магометанамъ же дозволено дѣлать поминки въ дни Байрама, Рамазана и Курмана, зарѣзывая на нихъ каждый разъ не болѣе одного барана. Кромѣ того у Осетинъ существуетъ нелѣпый обычай пріѣзжать даже изъ дальнихъ мѣстностей для оплакиванія покойниковъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ „мардмацаунъ“. При этомъ мужчины не наносятъ еще большаго убытка семейству покойника, но пріѣзжающія женщины крайне стѣсняютъ и разоряютъ его, оставаясь десятками на содержаніи родныхъ покойника и наполняя дворъ притворнымъ плачемъ и рыданіемъ, при чемъ дѣло часто доходитъ до безобразія. Бьютъ себя руками по лицу и головѣ, рвутъ на себѣ волосы и царапаютъ лицо ногтями. На будущее время пріѣздъ въ домъ покойника разрѣшается только родной сестрѣ, племянницѣ, дочери и родной теткѣ съ двумя спутницами, не болѣе. Скачки по покойникамъ всякаго рода, какъ то: стыръ чугъ, фисы дугъ и аламъ вовсе воспрещаются. Все это подъ угрозою денежныхъ штрафовъ. (Дѣла канцеляріи начальника Терской области по Судному столу № 4).

торыхъ легко можетъ соблазнить красота и молодость невѣсты, и которые поэтому только ищутъ удобной минуты украсть ее изъ сакли. Разумѣется въ наши дни, при сравнительной малочисленности случаевъ увоза дѣвушекъ, эти мотивы болѣе не имѣютъ силы; но въ ту эпоху, когда выработалось вышеуказанное нами представленіе на рожденіе законной дочери, они были еще весьма дѣйствительны.

Съ рожденіемъ первенца-мущины происходитъ значительная перемѣна въ прежнемъ положеніи молодой жены въ семьѣ мужа. Дотолѣ она обязана была избѣгать встрѣчи съ старшими его родственниками, и чтобы не привлечь ихъ вниманія, говорить тихо, полушепотомъ. Съ этого времени она свободно можетъ встрѣчаться съ каждымъ и говорить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ. Перемѣна, происшедшая въ ея судьбѣ, высказывается и въ самомъ ея нарядѣ. Прежде голова ея не была покрыта ничѣмъ, теперь она прикалываетъ къ ней повязку изъ кисеи или такъ называемый „нарбанъ“. Спрашивается, какъ объяснить происхожденіе такихъ на первый взглядъ странныхъ и непонятныхъ предписаній? Я думаю, что для этого необходимо вернуться къ фактамъ дальняго прошлаго, къ эпохѣ, когда весь родъ мужа или по крайней мѣрѣ тѣ изъ него, которые сожительствовали съ нимъ въ одной саклѣ, имѣли право на его жену, больше же другихъ старшіе родственники, во всемъ пользовавшіеся первенствомъ. Когда эти предписанія обычая перестали отвѣчать измѣнившимся требованіямъ жизни, появилось правило, приказывающее

женамъ всячески чуждаться общенія съ мужниной родней до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока главная цѣль брака—рожденіе сына, продолжателя рода и семейнаго культа, не будетъ достигнута. Покрытіе головы нарбаномъ не болѣе, какъ внѣшнее выраженіе тому, что жена исполнила свою миссію и заслужила тѣмъ самымъ быть поставленной во дворѣ мужа въ одинаковое положеніе съ прочими женщинами-матерями. Если оно представляетъ съ чѣмъ сходство, такъ съ тѣмъ повязываніемъ платка, какое мы встрѣчаемъ въ нашей крестьянской семьѣ. Все различіе въ томъ, что тогда какъ русская баба надѣваетъ платокъ вслѣдъ за выходомъ замужъ, Осетинка откладываетъ этотъ актъ до момента рожденія ею перваго сына.

Радость, обнаруживаемая родителями и, въ частности, отцомъ по случаю рожденія сына-первенца, даетъ поводъ ждать отъ нихъ большой нѣжности по отношенію къ своимъ дѣтямъ. На самомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ совершенно обратное. Во первыхъ, въ голодные годы родители, особенно въ южной Осетіи, нерѣдко продавали своихъ дѣтей мужскаго пола въ рабство, на что въ одинъ голосъ указываютъ путешественники, посѣтившіе Осетинъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія; дѣвушекъ же они умерщвляли при самомъ ихъ рожденіи, сдавливая имъ шею въ моментъ рожденія или оставляя ихъ безъ ухода и пищи. Этотъ послѣдній фактъ слишкомъ хорошо засвидѣтельствованъ мѣстнымъ духовенствомъ, чтобы возможно было еще сомнѣваться въ его достовѣрности. Но если убійство дѣвочекъ было въ ходу между Осетинами,

то далеко не какъ общераспространенное явленіе, а скорѣе какъ особенность южныхъ Осетинъ или Туальтцевъ, жителей Наръ, Тиба, Мамиссона и другихъ ауловъ, расположенныхъ въ узкихъ ущельяхъ и почти лишенныхъ средствъ къ размноженію. Въ сѣверной Осетіи мнѣ ни разу не пришлось слышать о немъ, какъ о явленіи обыденномъ, даже въ старые годы. Разумѣется, и здѣсь не обходилось безъ убійства дѣвочки въ той или другой семьѣ; но такое убійство каждый разъ вызывалось стѣсненнымъ матеріяльнымъ положеніемъ; подчасъ также, хотя и не особенно часто, случаи убійства дѣвочекъ чередовались съ случаями истребленія младенцевъ-мужчинъ, а это обстоятельство само по себѣ какъ нельзя лучше доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ установившимся обычаемъ, а съ частными фактами, вызываемыми временными и переходящими причинами.

Какъ бы то ни было, но возможность безнаказанно истреблять свое потомство, а также продавать его въ рабство какъ нельзя лучше доказываетъ и неограниченность предоставленныхъ родителямъ правъ, и отсутствіе въ нихъ особой нѣжности къ дѣтямъ. Мѣсто послѣдней занимаетъ даже какая то дѣланная суровость или вѣрнѣе сказать „холодность“, которая предписывается этикетомъ какъ нѣчто обязательное для всякаго благовоспитаннаго человѣка. Ласкать дѣтей при посторонихъ лицахъ считается предосудительнымъ. Высшія сословія Дигоріи и Тагауріи даже предпочитаютъ не воспитывать ихъ у себя на дому и обыкновенно отдаютъ ихъ кому-либо изъ своихъ фар-

саглаговъ до совершеннолѣтія. Принявшій ребенка въ домъ, становится аталыкомъ его отца и не только вправѣ ожидать отъ послѣдняго хорошаго вознагражденія себѣ, но и попадаетъ съ этого времени въ близкіе къ нему люди. Аталычество—явленіе крайне распространенное въ средѣ горцевъ сѣвернаго Кавказа; его можно встрѣтить одинаково у Кабардинцевъ, Татаръ и Кумыковъ. Спрошенные о причинахъ его возникновенія, они обыкновенно отвѣчаютъ: въ домѣ родителей ребенку легко избаловаться, но отдайте его въ чужія руки, и изъ него выйдетъ джигитъ—высшая похвала въ устахъ горца, означающая стоика-храбреца, способнаго на все. Такое объясненіе въ моихъ глазахъ ничего не объясняетъ. Очевидно, и другимъ народностямъ свойственно желаніе воспитать въ своихъ дѣтяхъ удальцовъ на всѣ руки, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они считали нужнымъ не воспитывать ихъ дома. Только сопоставляя кавказское аталычество съ нѣкоторыми другими явленіями кавказской жизни и освѣщая послѣднія этнографическими аналогіями, можно доискаться, какъ я полагаю, дѣйствительнаго источника этого крайне любопытнаго обычая. Горцы Кавказа, и въ числѣ ихъ Осетины, не только отдаютъ постороннимъ лицамъ своихъ дѣтей на воспитаніе, но и не позволяютъ послѣднимъ открыто признавать себя ихъ потомствомъ. Нѣкоторые директора гимназій передавали мнѣ на этотъ счетъ въ высшей степени интересныя подробности. Думая доставить имъ удовольствіе, они приглашали подчасъ родителей присутствовать на раздачѣ наградъ ихъ дѣтямъ;—и что

же оказывалось: приглашенные не только не высказывали имъ за то своей признательности, но, явившись на совѣтъ, часто обнаруживали признаки нетерпѣнія каждый разъ, когда въ ихъ присутствіи открыто называли того или другаго ребенка ихъ сыномъ. Въ присутствіи родителя, сынъ, оказывая ему всяческое почтеніе, въ то же время ни разу не назоветъ его столь понятнымъ въ устахъ ребенка прозвищемъ батюшки—такъ какъ этого не терпитъ обычай. Чтобы встрѣтиться съ однохарактерными явленіями въ другихъ странахъ, надо мысленно перенестись въ общества, въ которыхъ при невыработанности индивидуальнаго брака патернитетъ еще неустановленъ, гдѣ ребенокъ состоитъ въ родствѣ съ одной матерью да родственниками послѣдней и нерѣдко вовсе не знаетъ отца.

Такимъ обществомъ является въ ряду другихъ то, какое представляютъ изъ себя племена Маори въ Полинезіи. Въ ихъ средѣ доселѣ существуетъ обычай не держать дѣтей въ домѣ родившихъ ихъ женщинъ, а отдавать на сторону воспріемникамъ, которые такимъ образомъ играютъ у нихъ ту же роль, что аталыки на Кавказѣ. *) Видимой причиной такого предписанія является желаніе устранить возможность пристрастнаго отношенія матери къ дѣтямъ особенно любимаго ею мущины и установленія по отношенію къ нимъ полнаго равенства. Я не берусь сказать, является ли аталычество

*) См. Giraud-Teulon. Les Origines du mariage et de la famille; 1884 стр. 67.

чѣмъ то самопроизвольно развившимся въ средѣ Осетинъ, или оно было заимствовано ихъ высшими сословіями у Кабардинцевъ. Я склоняюсь даже скорѣе въ пользу послѣдней мысли, такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно то вліяніе, какое имѣли Кабардинцы на выработку этикета и приличій у сосѣднихъ съ ними народовъ. Все, что я хочу сказать своею аналогіей, это то, что первоначальное возникновеніе аталычества относится къ эпохѣ не выработаннаго еще патернитета, т. е. ко времени господства материнства и коммунальнаго брака. Развившійся на такой почвѣ обычай могъ сохраниться у одного народа и исчезнуть у другаго, онъ могъ со временемъ сдѣлаться и предметомъ заимствованія, какъ это, по всей вѣроятности, и имѣло мѣсто по отношенію къ Осетинамъ. Если онъ доселѣ удержался въ ихъ средѣ, то и этому, какъ я полагаю, имѣются достаточныя причины въ тѣхъ частыхъ междоусобіяхъ, которыя раздѣляли собою владѣтельныя семьи Дигоріи и Тагауріи и въ желаніи устранить изъ дома тѣхъ лицъ, за спиною которыхъ всего легче могли бы розыгрываться интриги и устраиваться заговоры. Не даромъ же въ Дигоріи еще въ пятидесятыхъ годахъ считалось за правило, что сынъ старшины никогда не долженъ жить съ своимъ родителемъ въ одномъ дворѣ, даже и по достиженіи имъ совершеннолѣтія. *)

---

*) Никакой старшина въ Дигоріи съ отцемъ жить не можетъ. Древніе обряды дигорскаго общества, 1844 года ст. 43 (Леонтовичъ, т. II, ст. 37).

Уваженіе къ старшимъ—характерная черта всякаго общества, въ которомъ живъ еще фамильный и родовой культъ,—наглядно проявляется въ средѣ Осетинъ въ томъ видимомъ почтеніи, какое дѣти призваны оказывать ежечасно своему отцу, а на ряду съ нимъ всѣмъ старшимъ по лѣтамъ родственникамъ *). Сынъ не смѣетъ сѣсть при отцѣ или вкушать пищу въ его присутствіи иначе, какъ съ его формальнаго разрѣшенія. Безусловное повиновеніе родителю и неограниченное право послѣдняго наказывать своихъ дѣтей—вотъ тѣ два начала, на которыхъ построено отношеніе стараго и молодаго поколѣнія въ Осетіи **). Сынъ не только обязанъ исполнять безропотно все, что будетъ повелѣно ему отцомъ, но подчиняется родительской волѣ и тогда, когда послѣдней рѣшается дальнѣйшая судьба его жизни. Особенно въ старые годы отцы семействъ, нерѣдко съ участія аталыковъ, женили своихъ восьми-лѣтнихъ сыновей на дѣвушкахъ тринадцати и четырнадцати-лѣтняго возраста, послѣ чего молодая, какъ я уже сказалъ, обыкновенно становилась любовницей своего свекра; рожденные же ею дѣти считались дѣтьми ея малолѣтняго мужа ***).

---

*) Уваженіе, которое Осетины привыкли оказывать старшимъ по лѣтамъ, проглядываетъ и въ ихъ поговоркахъ. „Пусть быкъ воду выпьетъ, говорятъ они, а теленокъ и ледъ оближетъ“, что означаетъ то, что лучшее питье и лучшій кусокъ пищи принадлежитъ наиболѣе возрастному.

**) Леонтовичъ, стр. 26 и 36.

***) Не далѣе какъ въ 62 году имѣлъ мѣсто въ Осетіи слѣдующій случай. Восьмилѣтняя дочь жителя селенія Четор-

Произвольно рѣшая судьбу своего сына, отецъ, на этотъ разъ впрочемъ, съ участія матери, такъ-же свободно распоряжается и рукою дочери. Только для виду испрашивается ея согласіе *). Хорошо воспитанная дѣвушка не вправѣ высказать своего предпочтенія тому или другому жениху: на всѣ распросы матери, она должна отвѣчать упорнымъ молчаніемъ, не давая виду, любъ ей избранникъ ея матери или нѣтъ. Чтобы избавиться отъ ненавистнаго ей жениха, у молодой Осетинки не остается инаго исхода, какъ посягнуть на свою жизнь. Не часто впрочемъ дѣло доходитъ до такой крайности. Обыкновенно молодая дѣвушка мирится съ своей судьбою и по волѣ родителей

си, Дзигви Цалогови, была засватана за десяти-лѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубагова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовлялись къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался и убилъ его кинжаломъ. Въ тоже время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ простымъ свидѣтелемъ переговоровъ (Дубровинъ, т. I, стр. 334).

*) Г-нъ Тхостовъ утверждаетъ впрочемъ, что до распространенія въ Тагауріи мусульманства, дѣвушка пользовалась свободой. На сходахъ молодые люди договаривались между собою о бракахъ, что не устраняло однако необходимости платить иладъ по окончаніи сговора (Терскія Вѣдомости, 1869 г., № 28).

проводитъ жизнь съ нелюбимымъ ей человѣкомъ. Не стѣсненные въ своемъ выборѣ волею брачущихся, родители обыкновенно устраиваютъ свадьбы по соображеніямъ личной или вѣрнѣе сказать семейной пользы: то желательно имъ породниться съ такимъ то вліятельнымъ, богатымъ или численнымъ по своему составу родомъ; то получить большій противъ обыкновеннаго ирадъ. Разъ соглашеніе состоялось, разъ посланный роднею сватъ передалъ въ руки обыкновенно младшаго изъ братьевъ невѣсты свой или жениховскій пистолетъ—своего рода задатокъ,—отказъ той или другой стороны считается уже оскорбленіемъ семейной чести и даетъ обиженному право на месть. Послѣдней избѣгаютъ назначеніемъ медіаторовъ, которые и опредѣляютъ уже размѣръ того имущественнаго вознагражденія, какое обязанъ уплатить обидчикъ. Только въ томъ случаѣ, если въ невѣстѣ открыты были недостатки, неизвѣстные женіховой сторонѣ въ моментъ заключенія брачной сдѣлки, возможенъ отказъ отъ нея, не сопровождаемый никакими невыгодными для семьи послѣдствіями. Въ моихъ рукахъ былъ цѣлый рядъ посредническихъ рѣшеній, изъ которыхъ явственно слѣдуетъ тотъ выводъ, что скрытое отъ родни нецѣломудріе невѣсты, а равно и присутствіе въ ней тѣхъ или другихъ физическихъ недостатковъ или болѣзней – достаточное основаніе для того, чтобы безнаказанно отказаться отъ нея *).—Ошибочно было бы

*) Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ: 1-го марта 78-го года житель третьяго участка Владикавказскаго Округа Стырдигор-

думать, однако, что родители въ свою очередь не обязаны подчинить своего выбора требованіямъ обычая. Напротивъ того, послѣдній на этотъ счетъ связывалъ ихъ всецѣло. Постыднымъ считалось женить сына на дѣвушкѣ низшаго съ нимъ общественнаго положенія, почему алдары, какъ общее

скаго прихода Ходзби Гадціевъ представилъ жалобу слѣдующаго рода: „Въ прошломъ году я засваталъ дѣвицу жителя сего же прихода селенія Начкау, Іораза Хампаева, Гогоси, за которую уже уплатилъ въ счетъ калыма 77 рублей. Между тѣмъ дѣвица, какъ подтверждаютъ многіе односельцы ея, нарушила невинность. Вслѣдствіе безчестнаго ея поступка, я былъ вынужденъ отказаться отъ нея. За невозвратъ 77 рублей, отданныхъ мною, была принесена жалоба сельскому суду. Сельскій судъ опредѣлилъ: изъ уплаченной суммы 77 рублей въ счетъ калыма 30 рублей, оставить въ пользу отца дѣвицы за безчестіе, а 47 р. возвратить обратно мнѣ. Рѣшеніемъ этимъ я остался не доволенъ, въ виду того обстоятельства, что я отъ дѣвицы отказался не по своей прихоти, а въ виду дѣйствительности ея безчестнаго поступка, что подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у Іораза стояли на квартирѣ, рядомъ съ ея комнатой, квартиранты-милиціонеры (слѣдуютъ имена), за которыми, хотя это и вопреки обычаю, она ухаживала постоянно!! Рѣшеніе суда было неблагопріятно истцу, которому поставлено было на видъ, что обвиненіе, взводимое имъ на Гогоси далеко не доказано. Апелляціонная жалоба также оставлена была безъ послѣдствій.

Другое однохарактерное дѣло.—Въ іюлѣ мѣсяцѣ 76 года жительница селенія Даргавса 1-го участка Владикавказскаго округа вдова Напкута Дегоева подала слѣдующаго рода апелляціонную жалобу: Односелецъ мой, Куде Токаевъ, домогается взять у меня дочь Дзыгыду въ замужество за его сына Боска, на что ни я, ни моя дочь согласія не давали; между тѣмъ Токаевъ въ поданномъ заявленіи оговариваетъ меня, будто бы я просватала за сына его дочь Дзыгыду и взяла въ задатокъ, въ

правило, женились только на дочеряхъ алдаровъ или иноплеменныхъ княжнахъ. „Дѣвушку выбираютъ въ невѣсты за ея родовитость“, гласитъ осетинская

счетъ калыма, 3 рубля. Сельскій судъ, усматривая, что заявленіе Токаева относительно того, что я имѣла намѣреніе выдать дочь за Боска, отчасти подтверждается родственниками моими (слѣдуютъ два имени), опредѣлилъ, чтобы послѣдніе, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ приняли присягу, что на выходъ въ замужество не давала согласія и дѣвица Дзыгыда. Въ виду того, что дѣвица Дзыгыда почти еще дитя (ей не болѣе 11 лѣтъ отъ роду) и она не желаетъ выходить въ замужество за Токаева, она проситъ отмѣнить это рѣшеніе, предоставивъ ей, Дзыгыдѣ выходъ въ замужество по собственному ея желанію. На судѣ, Дзыгыда объяснила,что она никогда не была согласна и теперь не желаетъ выйти замужъ за Токаева. Судъ, имѣя сомнѣніе въ томъ, что дѣвица Дзыгыда отказывается по наущенію Ходзариговыхъ (новыхъ претендентовъ на ея руку), опредѣлилъ, чтобы родственники приняли вышеозначенную присягу. Этимъ рѣшеніемъ просительница осталась недовольна. Окружный судъ рѣшилъ, очевидно въ полномъ противорѣчіи съ осетинскими обычаями и съ прямою ссылкой на X т., ч. I, ст. 12, что, такъ какъ бракъ не можетъ быть совершенъ безъ обоюднаго согласія брачущихся, то присяга Дзыгыды должна быть отмѣнена.—Оба дѣла списаны мною въ Архивѣ канцеляріи Терскаго Областнаго Управленія.

Привожу затѣмъ еще одно дѣло, уже отпечатанное Пфафомъ въ его приложеніяхъ. 3-го сентября 1864 года является Эрмади Туаевъ изъ деревни Нары и объявляетъ слѣдующее: „12 лѣтъ назадъ я вздумалъ жениться на сестрѣ Кудзека Хасіева. Я заплатилъ Хасіеву 10 коровъ въ счетъ обычнаго калыма въ 22 коровы. Передъ свадьбой я узналъ, что невѣста болѣзненна, и пожелалъ отъ нея отказаться. Братъ же ея съ поручителемъ Джибоевымъ и при свидѣтеляхъ объявилъ, что если сестра его послѣ свадьбы окажется больною, то онъ готовъ половину уже полученнаго калыма, т. е. пять коровъ,

поговорка *). Только за послѣднее время чаще и чаще стали повторяться случаи вступленія членовъ высшихъ сословій въ бракъ съ дочерьми фарсаглаговъ или свободныхъ людей. Въ свою очередь и послѣдніе отнюдь не соглашались дать своимъ сыновьямъ дочерей кавдасардовъ, тѣмъ болѣе дѣвочекъ, прижитыхъ кѣмъ либо отъ номулусъ. О рабыняхъ, разумѣется, не могло быть и помину. Съ другой стороны отецъ не могъ женить сына не только на близкой родственницѣ, что было бы несогласно съ предписаніями христіанской церкви и требованіями шаріата, но и на самой отдаленной, такъ какъ подобныхъ браковъ не допускалъ обы-

---

возвратить. Чрезъ три мѣсяца послѣ свадьбы жена моя заболѣла чахоткой, поэтому я послалъ ее къ родственникамъ назадъ. Тутъ она долго болѣла и наконецъ умерла. Хасіевъ отказался уплатить должныя мнѣ 5 коровъ, которыхъ потому и прошу взыскать съ него". На эту жалобу Хасіевъ отвѣчалъ на судѣ, что при бракосочетаніи Туаева калымъ былъ назначенъ не коровами, а быками, вслѣдствіи чего Туаевъ долженъ ему въ счетъ калыма еще калымъ въ 12 быковъ. Судъ постановилъ: принявъ въ соображеніе бѣдное состояніе, въ которомъ находится Туаевъ, присудить его къ уплатѣ вмѣстѣ 12 быковъ, всего 6 или 60 рублей желѣзомъ, мѣдью и скотиной. Пусть Туаевъ позаботится также объ удовлетвореніи Хасіева за похороны его жены, оплаченныя послѣднимъ. (Народное право Осетинъ, ч. II. Сборн. Свѣд. о Кавказѣ, т. II, стр. 323). Въ книгѣ для записки рѣшеній Христіанскаго сельскаго суда мнѣ также пришлось встрѣтить слѣдующаго рода случай: женихъ отказывается отъ невѣсты, узнавши о ея глухотѣ; отецъ дѣвушки присуждается къ возвращенію полученныхъ имъ въ счетъ калыма быка и 30 р. (Дѣла 1876 г.).

*) Bull. de l'Ac. de S. Pet, 19 Sept 62

чай. Это обстоятельство въ свою очередь побуждало ихъ брать невѣстъ изъ чужихъ ауловъ, такъ какъ въ собственномъ, при родовомъ характерѣ поселеній, не легко было найти дѣвушки, которая не была бы однофамилицей жениха. Я считаю нужнымъ обратить особенное вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ имъ происхожденіе экзогаміи объясняется совершенно отлично отъ того, какъ это обыкновенно дѣлается этнографомъ. Не обычай похищать невѣстъ вызываетъ привычку брать ихъ изъ чужихъ ауловъ, а занятіе послѣднихъ членами одного рода, между которыми поэтому запрещенъ бракъ. Послѣдній же запрещенъ потому, что считается актомъ кровосмѣшенія, что въ свою очередь объясняется искаженіемъ народомъ каноническихъ правилъ. Если бракъ съ родственниками однофамильцами запрещенъ, то съ свойственниками онъ свободенъ,—обстоятельство, благодаря которому у Осетинъ такъ часты браки на сестрахъ покойныхъ женъ.

Если отъ воли отца зависитъ женить сына на выбранной имъ невѣстѣ и на оборотъ выдать дочь за назначеннаго ей жениха, если ослушаніе родительской воли и въ этомъ случаѣ считается стыдомъ, а повиновеніе ей высшею добродѣтелью, то спрашивается, терпитъ ли вообще осетинское право какія-либо ограниченія родительскаго авторитета и не признаетъ ли оно за отцомъ, на подобіе римскаго, права на самую жизнь его дѣтей не только въ младенческомъ возрастѣ, но и по достиженіи ими совершеннолѣтія? Я полагаю, что въ вопросѣ о такъ называемомъ jus vitae necisque,

какъ составляющемъ аттрибутъ patriae potestatis, дѣлается та непростительная ошибка, что безнаказанность извѣстныхъ дѣяній признается равнозначительной праву совершать послѣднія. Несомнѣнно, что если осетинскій отецъ, исправляя сына, убьетъ его, это дѣйствіе съ его стороны не вызоветъ ни чьей мести и никому не дастъ права требовать отъ него платы за кровь. Но почему такъ: потому ли, что отецъ вправѣ убивать своихъ дѣтей, или же потому только, что въ данномъ случаѣ нѣтъ мстителя, такъ какъ, при жизни нераздѣльными семьями и отсутствіи начала публичнаго возмездія за преступленія, отвѣтственность вызываютъ лишь тѣ дѣйствія, которыя направлены однимъ дворомъ противъ другаго, отнюдь не тѣ, которыя совершены въ средѣ самой семьи и задѣваютъ интересы одного изъ ея членовъ? О правѣ отца въ данномъ случаѣ не можетъ быть и помину, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что столь же безнаказаннымъ остается въ средѣ Осетинъ убійство дядею племянника подъ условіемъ сожительства обоихъ въ одномъ дворѣ, брата братомъ и отца сыномъ *) Очевидно, что никто изъ перечисленныхъ лицъ не имѣетъ по обычаю права на жизнь другого, и что, если дѣйствія ихъ и остаются безъ послѣдствій, то по указанной уже причинѣ отсутствія мстителя. Что источникъ широкой безнаказанности всѣхъ личныхъ дѣйствій, предприни-

*) См. Адаты Осетинъ 1836 г. ст. 10. Подробно объ этомъ въ главѣ нашего сочиненія, посвященной уголовному праву Осетинъ.

маемыхъ отцомъ противъ сына, лежитъ въ самыхъ условіяхъ родоваго быта, въ той жизни семейными общинами, о которой такъ подробно говорено было мною выше, въ этомъ легко убѣдиться изъ того, напримѣръ, что тамъ, гдѣ эти условія являются неблагопріятными правамъ отца, тамъ послѣднія подлежатъ совершенно неожиданнымъ ограниченіямъ. Отецъ, безусловный повелитель надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, въ то же времянъ не вправѣ прогнать сына изъ дому безъ имущественнаго обезпеченія, безъ выдѣла ему извѣстной части семейнаго достоянія. Почему такъ? Потому, отвѣчу я, что послѣднее не принадлежитъ ему на правѣ частной собственности, что онъ не болѣе, какъ пожизненный распорядитель его, и что совладѣльцемъ въ общемъ имуществѣ, наравнѣ съ отцомъ, является сынъ, который поэтому и долженъ получить, при оставленіи имъ семьи, свой пай, свою опредѣленную обычаемъ долю. Въ сборникахъ осетинскихъ адатовъ мы находимъ поэтому предписаніе, гласящее, что хотя сыну и стыдно требовать выдѣла отъ отца, хотя послѣдній по обычаю и не обязанъ дѣлать его, но что, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ, если отецъ пожелаетъ отпустить сына, онъ долженъ, раздѣливъ имѣніе на столько частей, сколько въ дворѣ окажется мущинъ, предоставить прогоняемому одну изъ нихъ *).

*) Отецъ имѣетъ право прогнать отъ себя сына, но въ то же время долженъ отдѣлить ему часть (пай) своего имѣнія, безъ чего онъ его прогнать не можетъ. Часть эта опредѣляется такимъ образомъ, что отцовское имѣніе раздѣляется

Если въ сферѣ имущественныхъ отношеніи отецъ не является неограниченнымъ судьею судебъ своего сына, если даже при недовольствѣ послѣднимъ онъ не вправѣ лишить его части въ общемъ семейномъ имуществѣ, то, съ другой стороны, роль его, какъ лица, которому ввѣрено охраненіе интересовъ всего сообщества, не позволяетъ ему раздаривать общее достояніе своимъ дочерямъ. При всемъ желаніи, онъ не вправѣ дать имъ приданаго, такъ какъ послѣднее необходимо пошло бы въ чужую семью. Онъ можетъ только снабдить ихъ при выдачѣ замужъ платьемъ и домашней утварью. Размѣръ подарковъ, дѣлаемыхъ въ этомъ случаѣ дочери, нерѣдко опредѣляетъ собою размѣръ приданаго. Осетины, какъ доказываютъ свадебныя пѣсни, любятъ видѣть невѣсту съ плотно набитыми сундуками, въ которыхъ были бы запасены подарки и для будущей ея свекрови и для свекра.

„Ой люли, ой люли,—поетъ присутствующая на свадьбѣ, молодежъ:

Наша невѣста намъ что принесетъ?
Семь семериковъ тюфяковъ,
Столько же одѣялъ,
Хозяйкѣ бархатъ на платье,
Хозяину бобровую шубу.
Ой люли, ой люли, беремъ невѣсту,
Пусть будетъ это въ счастливый день“? *).

поровну между отцомъ и всѣми его сыновьями и прогнанный сынъ получаетъ одну часть. (Свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г.—Леонтовичъ, т. II, стр. 26).

*) Сообщеніе священника Гатіева въ Аллагирѣ: За невѣстой даютъ обыкновенно поясъ, постель, мѣдный тазъ и кувганъ

Мы покончили съ вопросомъ о положеніи законныхъ дѣтей въ семьѣ и переходимъ теперь къ дѣтямъ двухъ слѣдующихъ категорій. Еще зависимѣе отъ произвола родителей положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые прижиты будутъ отъ имянныхъ женъ или такъ называемыхъ номулусъ. Названіе этимъ дѣтямъ, какъ я уже сказалъ, кавдасарды, что буквально значитъ „рожденный въ ясляхъ“. Эта кличка дана имъ потому, что, при занятіи главнаго помѣщенія во дворѣ законной женой, номулусамъ обыкновенно приходилось жить въ тѣхъ же пристройкахъ, въ которыхъ помѣщался и скотъ, что и дѣлало возможнымъ рожденіе ими дѣтей на конюшнѣ, въ ясляхъ. У однихъ Дигорцевъ дѣти номулусъ не обозначаются словомъ кавдасарды и носятъ прозвище „тума“. Юридическое положеніе послѣднихъ ничѣмъ не отличается отъ того, какое занимаютъ кавдасарды въ Тагауріи и Куртатіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ особую группу выдѣляются только незаконныя дѣти старшинъ или бадилятъ и алдаровъ, такъ какъ они одни имѣли право держать номулусовъ: фарсаглаги же, хотя и добивались этого права, никогда не могли его достигнуть *). Такъ какъ дѣти, прижитыя кавдасардами,

(рукомойникъ), сундукъ, одѣяло, ножницы, гребень и т. п. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ такъ называемый „чинзыфалыстъ“ (то же, что наша „кладка“) и во все время брака остается въ распоряженіи жены, по смерти же ея не выходитъ изъ дома мужа. Въ прежнее время, до уничтоженія зависимыхъ сословій, съ невѣстой отдавали и женскую прислугу (холопокъ), что называлось „фасцацинъ“.

*) Леонтовичъ, т. II, стр. 12 ст. 10, 27, 40.

какъ въ равныхъ бракахъ, такъ и въ бракахъ ихъ съ рабынями, включаемы были въ одну категорію съ ихъ отцами, то неудивительно, если изъ кавдасардовъ постепенно выработалось цѣлое сословіе, права и обязанности котораго были изложены нами выше въ главѣ о сословной организаціи Осетинъ. Не повторяя сказаннаго, мы въ настоящее время коснемся лишь той стороны этого института, которая имѣетъ, такъ сказать, частно правовой характеръ. Ближайшимъ образомъ намъ предстоитъ отвѣтить на вопросъ, какія различія существовали между правами дѣтей отъ главной жены и кавдасардами, съ одной стороны, и между правами послѣдихъ, и тѣмъ юридическимъ положеніемъ, какое осетинскій обычай признавалъ за незаконными дѣтьми, прижитыми, какъ мы увидимъ ниже, отъ рабынь? Безусловое повиновеніе отцу составляло такую же обязанность кавдасардовъ, какъ и законныхъ дѣтей. Отецъ не только рѣшаетъ при самомъ рожденіи кавдасарда вопросъ о его дальнѣйшей жизни или смерти, но и устраиваетъ произвольно его послѣдующую судьбу: или оставляя его жить съ собою въ одномъ дворѣ на правахъ работника, или отводя ему на своей землѣ особое мѣсто для поселенія, вмѣстѣ съ небольшимъ участкомъ пахатной и сѣнокосной земли и требуя ежегоднаго выполненія имъ въ его пользу извѣстныхъ повинностей и платежей. Женитьба кавдасарда также всецѣло стоитъ въ волѣ отца, который выплачиваетъ за него калымъ. Тотъ же отецъ рѣшаетъ и судьбу своей дочери — кавдасардки, выдавая ее замужъ по усмотрѣнію и обра-

щая въ свою пользу уплачиваемый ему въ этомъ случаѣ калымъ. Подобно законнымъ дѣтамъ, кавдасарды столь же необезпечены отъ того, чтобы родительское право исправленія не сдѣлалось для нихъ источникомъ тяжкихъ побоевъ, раненій и даже увѣчій. Самое убійство ихъ отцомъ такъ же мало находитъ себѣ мстителя, какъ и убійство законнаго сына *). Чего отецъ не въ правѣ сдѣлать, такъ это продать или подарить своихъ кавдасардовъ, но то же запрещеніе существуетъ и по отношенію къ законнымъ дѣтямъ и такъ же часто нарушается въ голодные годы по отношенію къ однимъ, какъ и по отношенію къ другимъ. Въ одномъ только положеніе кавдасардовъ хуже положенія законныхъ дѣтей: — это въ отношеніи имущественномъ. Кавдасардъ не участникъ семейнаго имущества, не совладѣлецъ отца, подобно законному сыну. Напротивъ того, онъ самъ считается частью семейнаго достоянія, но частью, которая никогда не можетъ идти въ раздѣлъ, даже въ томъ случаѣ, если бы семья разложилась по волѣ собственныхъ членовъ **). Не имѣя доли въ семейномъ досто-

*) Сборникъ алатовъ 1844 г.. ст. 107 (Леонтовичъ т. II, стр. 27). Если убійца владѣлъ кавдасардомъ совмѣстно съ другими родственниками, онъ обязанъ вознаградить послѣднихъ.

**) Кавдасарды, читаемъ мы въ Сборникѣ осетинскихъ адатовъ 1844 года, не раздѣляются между сыновьями умершаго узданьлага, а остаются у нихъ въ общемъ владѣніи, пока они живутъ въ одномъ и томъ же или же въ сосѣдственномъ аулѣ. Если же кто-нибудь изъ нихъ переселится на дальнее

яніи, кавдасардъ при жизни отца не вправѣ получить отъ него выдѣла, не вправѣ онъ и наслѣдовать ему, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ родѣ его останутся лица мужескаго пола. Съ прекращеніемъ послѣднихъ и кавдасарды признаются за агнатовъ и, какъ таковые, вступаютъ въ обладяніе семейнымъ достояніемъ, отстраняя отъ него не только всѣхъ когнатовъ, но и женское потомство; при этомъ въ ихъ судьбѣ происходитъ еще та перемѣна, что выходя изъ своего сословія, они становятся вольными людьми или фарсаглагами *)

Совершенно безправными являются дѣти третьей категоріи—собственно незаконные или тѣ, которые произошли отъ сожительства съ рабынями (гурзіаками, у Дигорцевъ—хечаръ-косекъ) **).

разстояніе отъ другихъ, то по согласію съ своими братьями онъ можетъ взять съ собой и нѣсколько кавдасардскихъ семействъ; но, не смотря на то, всѣ кавдасарды считаются общимъ имуществомъ цѣлой фамиліи (Леонтовичъ, т. II, стр. 25). Кавдасардъ, значится въ томъ же сборникѣ, есть собственность той узданьлагской фамиліи, къ которой мать его принадлежала; онъ не можетъ быть никому ни проданъ, ни уступленъ (ibid стр. 17).

*) Если всѣ члены узданьлагской фамиліи умерли и родъ этотъ совсѣмъ пресѣкся, то кавдасарды, принадлежащіе этой фамиліи, раздѣляютъ между собою все оставшееся послѣ этой фамиліи имѣніе и дѣлаются фарсаглагами, т. е. вольными людьми (Свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г., ст. 60). Нартскій народный обычай, читаемъ мы въ одномъ процессѣ 28 февраля 1866 года, говоритъ такъ: Если по смерти владѣтеля останутся дѣти мужскаго пола отъ номулуса, а отъ главной жены только дочери, то наслѣдство принадлежитъ первымъ (Пфафъ. Юридическіе случаи. № 14).

**) Леонтовичъ т. II, стр. 31. Дѣти, происходящія отъ рабынь, считаются незаконными.

Между кавдасардами и незаконными дѣтьми лежитъ то глубокое различіе, что послѣдніе по обычаю свободно могутъ быть продаваемы ихъ отцомъ, а также подлежатъ раздѣлу между членами семьи наравнѣ съ прочимъ имуществомъ *).

Въ прежніе годы число такихъ незаконнорожденныхъ далеко не было ничтожнымъ. Желаніе увеличить число работниковъ побуждало даже многихъ Осетинъ допускать къ сожительству съ своими рабынями и постороннихъ лицъ съ тѣмъ однако, чтобы рожденные ими дѣти считались ихъ дѣтьми и подлежали поэтому всецѣло ихъ власти. Въ этомъ отношеніи можно провести полную аналогію между отношеніемъ Осетинъ къ своимъ рабынямъ и ихъ дѣтямъ и отношеніемъ ихъ къ номулусъ и кавдасардамъ. Отцомъ незаконнорожденнаго, какъ и отцомъ кавдасарда, считается не дѣйствительный виновникъ его рожденія, а тотъ, въ чьей власти состоитъ его мать. Положеніе послѣдней далеко не всегда опредѣляетъ собою положеніе рожденнаго ею ребенка. Отъ кавдасарда-мужчины можетъ родиться только кавдасардъ, кто бы ни была его мать **); съ другой стороны, кавдасардка, а также свободная—могутъ сдѣлаться виновницами рожденія кавдасарда, лишь подъ условіемъ сожитія съ старшиною; въ противномъ случаѣ онѣ,

---

*) Ibid, стр. 25.

**) Кавдасарды могутъ купить и владѣть купленными ими гурзіаками; но дѣти этихъ гурзіаковъ будутъ кавдасарды, принадлежащіе владѣльцу кавдасарда, т. е. узданьлагу, (стр. 15).

смотря по состоянію мужа, производятъ на свѣтъ или свободныхъ (фарсаглаговъ) или рабовъ—гурзіаковъ *). Рабыня же всегда рождаетъ на свѣтъ безправныхъ рабовъ и рабынь. Къ незаконнымъ дѣтямъ поэтому вполнѣ примѣнимо то правило, какое мы находимъ лишь въ нѣкоторыхъ изъ варварскихъ правъ и средневѣковыхъ кутюмовъ, и которое можетъ быть формулировано такимъ образомъ: худшее положеніе одного изъ сожителей опредѣляетъ собою положеніе ребенка **).

На ряду съ физическими дѣтьми, Осетины знаютъ и фиктивныхъ. Въ обществѣ, въ которомъ одинаково цѣнятся чистота крови и продолженіе породы, къ усыновленію обращаются лишь въ крайности, при невозможности инымъ путемъ увѣковѣчить свой родъ; при этомъ родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ, дается рѣшительное предпочтеніе предъ посторонними лицами. Если ихъ однако не окажется, то всѣ средства считаются дозволенными для того, чтобы избѣжать величайшаго бѣдствія, которое только можетъ грозить человѣку — отсутствія потомковъ, а слѣдовательно и

*) Дочь помулусъ, вышедшая добровольно замужъ за холопа, считается съ потомствомъ своимъ холопскаго происхожденія.—Кавдасарды могутъ владѣть гурзіаками, дѣти этихъ гурзіаковъ остаются гурзіаками, Леонтовичъ т. II, стр. 18.

**) Изъ этого правила мнѣ извѣстно исключеніе въ одной только Тагауріи: дѣти гурзіаковъ отъ фарсаглаговъ считаются фарсаглагами или вольными людьми (Леонтовичъ, стр. 14). Въ Куртатіи наоборотъ: дѣти гурзіаковъ отъ фарсаглаговъ остаются рабами (стр. 17). Послѣднее имѣетъ мѣсто и въ Дигоріи (стр. 32).

продолжателей семейнаго культа. Все сказанное съ полной очевидностью раскрывается передъ нами обычаями Осетинъ. Пока у извѣстнаго лица имѣются родственники въ мужской линіи, онъ не вправѣ усыновить кого либо; сдѣлать это, значило бы обнаружить рѣшительное стремленіе обойти родственниковъ при наслѣдованіи, чего послѣдніе отнюдь не допустятъ. Поэтому, если усыновленіе и имѣетъ мѣсто, то всего чаще лишь какъ послѣдствіе примиренія съ родомъ убійцы и подъ условіемъ недопущенія усыновляемаго къ наслѣдованію. Обыкновенный порядокъ такого усыновленія слѣдующій. Сверхъ платы, положенной медіаторами „крови“, т. е. опредѣленнаго числа головъ скота и другихъ цѣнностей, или самъ убійца или кто либо изъ его малолѣтнихъ родственниковъ отдается роду убитаго. Въ первомъ случаѣ этому предшествуетъ обыкновенно слѣдующій обрядъ: убійца идетъ на могилу убитаго и посвящаетъ себя покойнику. Производящій такой обрядъ извѣстенъ у Осетинъ подъ наименованіемъ „Фалдистъ“. При усыновленіи кого либо изъ рода убійцы мать убитаго обыкновенно является усыновительницей; причемъ въ присутствіи родственниковъ усыновителя симулируется актъ вскармливанія младенца его матерью. Усыновляемый припадаетъ къ обнаженной груди усыновляющей его женщины, произнося: „съ сегодняшняго дня я твой сынъ, а ты мнѣ мать,“ на что получаетъ слѣдующій отвѣтъ: „я твоя мать, ты мнѣ сынъ“.

По совершеніи обряда, усыновленный занимаетъ по отношенію къ матери убитаго то же положеніе, какое занималъ ея сынъ, исполняетъ набожно все

что будетъ ему поручено, оказываетъ ей всякій почетъ и окружаетъ ее, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, своими попеченіями и заботами. При всемъ томъ усыновленный не попадаетъ въ число наслѣдниковъ, и не загораждаетъ кровнымъ родственникамъ непосредственнаго доступа къ наслѣдству: иначе послѣдніе едва ли потерпѣли бы его присутствіе въ семьѣ, и самое усыновленіе его въ концѣ концовъ сдѣлалось бы невозможностью.

Только при полномъ отсутствіи нисходящихъ мужескаго пола, отецъ, заручившись предварительно согласіемъ отдаленныхъ агнатовъ, вправѣ помимо всякихъ формальностей усыновить и признать наслѣдникомъ по себѣ сына своего живущаго съ нимъ въ одномъ дворѣ зятя или такъ наз. „мыдагмой“ Ближайшій мотивъ къ этому тотъ самый, благодаря которому въ русскихъ крестьянскихъ семьяхъ такъ часто происходитъ усыновленіе отцомъ зятя. При сходствѣ въ цѣляхъ, осетинскій и русскій обычаи представляютъ не мало различій. Въ Россіи, гдѣ начало кровнаго единства далеко не сохранило значенія, и усыновленіе преслѣдуетъ по преимуществу экономическія цѣли, — созданіе для семьи помощника въ ея трудахъ по хозяйству,— отецъ признаетъ за сына непосредственно мужа своей дочери. Съ другой стороны, въ средѣ крестьянъ нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы дѣти, прижитыя въ бракѣ дочерью покойника, считались дѣтьми послѣдняго, и въ то же время существуетъ правило, по которому зять допускается къ наслѣдованію и при сынѣ, получая въ этомъ случаѣ равную съ нимъ долю изъ нажитаго, нерѣдко общимъ тру-

домъ, имущества. Гораздо ближе сходство между указаннымъ обычаемъ Осетинъ и тѣми нормами, которыя въ древнемъ греческомъ правѣ регулировали собою юридическое положеніе такъ называемыхъ „эпиклеръ“ или единственныхъ наслѣдницъ. Послѣднія, какъ извѣстно, съ выходомъ своимъ въ замужество, пріобрѣтали возможность передать цѣликомъ своимъ дѣтямъ имущество покойнаго отца; а это именно и имѣетъ въ виду осетинскій обычай *) Желаніе поддержать породу такъ сильно въ осетинскомъ обществѣ, что послѣднее, подобно индусскому, мирится съ слѣдующимъ крайнимъ къ тому средствомъ. Если, значится въ сборникѣ адатовъ 1866 года, послѣ смерти отца семейства не останется наслѣдниковъ мужескаго пола и вдова, пребывая въ домѣ покойнаго и отказавшись отъ вступленія въ новый бракъ, приживетъ съ кѣмъ-либо сына, то послѣдній считается сыномъ ея умершаго мужа и наслѣдуетъ все его имѣніе; однако лишь въ томъ случаѣ, если на связь вдовы съ постороннимъ лицомъ дано согласіе близкихъ родственниковъ покойнаго, имѣвшихъ, какъ извѣстно, право на сожительство съ его вдо-

*) Въ Сборникѣ адатовъ, существующихъ у туземцевъ осетинскаго округа отъ 1866 г. мы читаемъ: „относительно же наслѣдованія имѣнія дочерьми въ тѣхъ случаяхъ, когда не было наслѣдниковъ мужскаго пола, бывали примѣры, что если, по примѣру общества, одна изъ дочерей выходила замужъ и, живя въ домѣ покойнаго своего отца, приживала сына, то послѣдній получалъ право на наслѣдство всѣмъ имѣніемъ“. (Леонтовичъ, т. II, стр. 75).

вой. Обычай, о которомъ идетъ рѣчь, былъ уже описанъ нами выше въ связи съ нѣкоторыми другими фактами, свидѣтельствующими о томъ, какой глубокой древностью отличаются нормы семейнаго права Осетинъ. Мы упомянули о немъ здѣсь лишь длл полноты картины съ цѣлью показать, что при мысли о возможности совершеннаго прекращенія рода, Осетины, подобно древнимъ Индусамъ, готовы на всѣ жертвы, что ихъ не останавливаетъ даже страхъ нарушить чистоту крови введеніемъ въ семью совершенно постороннихъ ей элементовъ и что они мирятся поэтому съ необхопимостью признать своимъ сына, прижитаго матерью его въ открытомъ прелюбодѣяніи.

Система родства и наслѣдованія.

а) Система родства.

Языкъ Осетина бѣденъ терминами для обозначенія отдѣльныхъ видовъ родственниковъ. Отецъ и мать, сынъ и дочь, братъ и сестра—одни носятъ у нихъ каждый особое названіе; что же касается до дѣда и бабки, дяди и тетки, внуковъ и внучекъ, племянниковъ и племянницъ, то Осетинъ выражается о нихъ описательно, называя ихъ отцомъ или матерью отца, его братомъ или сестрою, сыномъ или дочерью сына, сыномъ или дочерью брата *). Не наводитъ ли это на мысль о томъ, что другія обозначенія родства, кромѣ отецъ и мать, сынъ и дочь, братъ и сестра, на первыхъ порахъ не были извѣстны Осетинамъ и что поэтому дяди и тетки, наравнѣ съ отцами и матерями, носили у нихъ общее названіе фыдъ и мадъ; сыновья и дочери, племянники и племянницы—одинаково прозвище—фыртъ и чисгъ, братья и сестры, какъ род-

*) Отецъ—фыдъ, мать—мадъ, сынъ—фыртъ, дочь—чисгъ, братъ—авсымаръ или ансуверъ, братъ единокровный (т. е. отъ разныхъ матерей)—арвадъ, сестра—авсымаръ-хо, сестра единокровная—хо. Внукъ—фырты фыртъ (буквально сынъ сына) внучка—чисги чисгъ (дочь дочери).

ные, такъ и двоюродные, безъ различія—арвадъ или авсымаръ обозначеніе, доселѣ удержавшееся на ихъ разговорномъ языкѣ *); восходящіе же и исходящіе во второй и слѣдующихъ степеняхъ не отличаемы были по имени отъ боковыхъ. При такихъ условіяхъ у каждаго даннаго лица могли быть только отцы, братья и сыновья, матери, сестры и дочери; а это и составляетъ характерную черту такъ называемаго родства по классамъ, доселѣ встрѣчающагося у цѣлой группы племенъ стараго и новаго материка **). Первоначальной сферой его примѣненія, какъ доказываетъ американецъ Морганъ, было когнатическое родство—родство по матери. Не безинтересно поэтому то обстоятельство, что Осетины и по настоящій день не знаютъ другихъ обозначеній для материнскихъ родственниковъ, кромѣ— отецъ, сынъ и братъ; мать, дочь и сестра ***) Для всѣхъ болѣе отдаленныхъ родственниковъ матери нѣтъ инаго названія, кромѣ „номадымыкакъ“. Въ отношеніи къ нимъ не

*) Выраженіе авсымаръ-лопута и ахмара-фыртъ употребляются Осетинами для обозначенія двоюродныхъ братьевъ и сестеръ крайне рѣдко, лишь въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ въ виду точнѣе опредѣлить степень родства.

**) См. Morgan. Sistems of consanguinity and affinity in the human family.

***) Отецъ матери—мады-фыдъ.
мать матери—мады-мадъ,
братъ матери—мады-авсымаръ,
сестра матери—мады авсымаръ хо,
племянникъ матери—мады авсымаръ фыртъ
племянница матери—мады авсымаръ чисгъ.

употребительны тѣ описательныя наименованія, которыми Осетинъ обозначаетъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, внуковъ и правнуковъ по отцу. Весьма вѣроятнымъ кажется мнѣ поэтому предположеніе, что счетъ родства по матери только со временемъ былъ приложенъ Осетинами и къ счету родства по отцу, и что такимъ примѣненіемъ объясняется присутствіе въ послѣднемъ признаковъ классовой системы. Къ какимъ дальнѣйшимъ заключеніямъ приводитъ такой выводъ, можно судить по тому, что всюду, гдѣ нѣкогда существовала система родства по классамъ, извѣстно было и материнство, а также вызвавшее его къ жизни отсутствіе на первыхъ порахъ прочно установленныхъ браковъ и родственной связи ребенка съ отцомъ. Такимъ образомъ изученіе скалы родства у Осетинъ послѣдовательно приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что и этому арійскому народу не былъ чуждъ тотъ процессъ медленнаго и самопроизвольнаго зарожденія индивидуальной семьи и патернитета, который современные этнографы открыли въ бытѣ народовъ желтой, красной и черной рассы, а это въ свою очередь является опроверженіемъ еще поддерживаемой многими теоріи, что развитіе арійскихъ народностей съ самаго начала пошло инымъ путемъ, нежели тотъ, которому слѣдовали предшествовавшіе имъ во времени туранцы, и что исходнымъ моментомъ этого развитія была патріархальная семья и индивидуальный бракъ *).

*) Взгядъ этотъ доселѣ высказывется Мэномъ. См. его Древній законъ и обычай, въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ подъ моей редакціей.

Далѣе внука и племянника степени родства вообще не различаются Осетинами. О правнукѣ, какъ и о сынѣ племянника они говорятъ, какъ о лицѣ, принадлежащемъ къ потомству вообще (или такъ называемому цотъ) *).

Извѣстно, что большинство арійскихъ народностей различаетъ двѣ категоріи родственниковъ: ближайшихъ и дальнѣйшихъ. Первые извѣстны у римлянъ подъ наименованіемъ agnati, вторые подъ наименованіемъ gentiles. Въ Индіи мы находимъ то же противуположеніе между ближайшими „sapindas“ и болѣе отдаленнымъ „samanadocas“, въ Персіи между членами болѣе тѣснаго союза родственниковъ (wik) и болѣе широкаго (zantu), которымъ въ Германіи Цезаря и Тацита отвѣчаютъ cognationes u gentes, въ древней Ирландіи „файны“ и „клапы“ или „цинель“, у юго славянскихъ же народовъ „братства“ или „задруги“ и „роды“. Сопоставляя всѣ эти факты, англичанинъ Гернъ выводитъ изъ нихъ то заключеніе, что арійскія народности издревлѣ признавали ближайшимъ родствомъ только то, которое связано съ жизнью однимъ дворомъ и совмѣстнымъ культомъ отошедшихъ въ вѣчность предковъ этого двора. Послѣдня черта особенно наглядно выступаетъ въ индусскомъ правѣ, въ ко-

*) Племянникъ (сынъ брата) — авсымаръ фыртъ, племянникъ—(сынъ сестры) хорафыртъ, племянница (дочь брата)—авсымаръ чисгъ, племянница (дочь сестры)—хорафыртъ. Дядя—фыды авсымаръ (братъ отца). Тетка — фыды авсымаръ (сестра отца). Дѣдъ — фыды фыдъ. Прадѣдъ — фыды фыды фыдъ. Бабка—мады мадъ. Прабабка—мады мады мадъ.

горомъ одни „sapindas“ призваны совершать полное жертвоприношеніе „pitris“ или душамъ усопшихъ предковъ, изготовляя для этого жертвенные пироги, samanadocas же вправѣ ограничиться одними возліяніями въ ихъ честь чистой воды. Она проглядываетъ однако и въ другихъ арійскихъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ римскомъ, въ которомъ „agnati“ были въ то же время и „confarrei“, т. е. лицами, обязанными почитать предковъ приношеніемъ имъ жертвенныхъ хлѣбовъ (такъ называемаго panis farreus).

Одни только ближайшіе родственники, т. е. сожители одного двора различаемы были между собою по степенямъ; остальные сообща носили одно и то же названіе, такъ что о каждомъ изъ нихъ говорили, какъ о принадлежащемъ къ ихъ группѣ *). Съ точки зрѣнія этой теоріи, къ которой я вполнѣ присоединяюсь, обозначенія родства у Осетинъ пріобрѣтаютъ особый интересъ. Изъ нихъ можно видѣть, что между членами одного съ нимъ рода, каждый Осетинъ строго различалъ и доселѣ различаетъ тѣхъ, которые живутъ съ нимъ въ одномъ дворѣ, отъ всѣхъ остальныхъ, обозначаемыхъ имъ общимъ названіемъ потомства (цохтъ). Съ другой стороны изъ самого факта отсутствія на языкѣ Осетинъ даже описательныхъ наименованій для правнуковъ и сыновей племянниковъ легко прійти къ тому заключенію, что ближайшее родство у

*) Hearn. The aryan household, 1879-го года. Глава VII, стр. 167 и слѣдующія.

нихъ не включало въ себя этихъ степеней или. что тоже, что въ составъ осетинскаго двора, какъ общее правило, входили только отцы и дѣти, дяди и племянники, дѣды и внуки. Значеніе этого вывода мы будемъ имѣть случай оцѣнить въ скорости при изложеніи наслѣдственнаго права.

Въ настоящее же время перейдемъ къ вопросу о томъ, извѣстно ли Осетинамъ, наравнѣ съ агнатическимъ родствомъ, и когнатическое? На этотъ вопросъ мы должны дать утвердительный отвѣтъ. Сознаніе родства съ когнатами наглядно выражается у Осетинъ въ фактѣ запрещенія браковъ между двоюродными братьями по матери, а также въ томъ, что братъ матери, такъ называемый мады-авсымаръ, при уплатѣ женихомъ ирада, сверхъ получаемаго имъ подарка (мады арвады баха), вправѣ требовать еще предоставленія ему въ Дигоріи отцомъ невѣсты двухъ быковъ или стоимость ихъ *). Такой платежъ не мирится очевидно съ тѣмъ основнымъ воззрѣніемъ, по которому имущество семьи не должно быть отчуждаемо безвозмездно въ пользу чужеродца; оно противно началамъ агнатизма и объяснимо лишь подъ условіемъ признанія въ немъ пережитка изъ эпохи материнства и когнатическаго родства.

Осетинамъ извѣстно обозначеніе отдѣльныхъ видовъ свойства. Свекръ и свекровь, тесть и теща.

---

*) Старшина, при полученіи за дочерей калыма, отдаетъ ближайшимъ по матери двѣ скотины (Древніе обряды Дигорскаго Общества, 1884-года, стр. 20. Леонтовичъ, стр. 33 втораго тома).

деверъ и сноха, зять и золовка, носятъ у нихъ каждый особое наименованіе *), но свойство не считается Осетинами чѣмъ-то однохарактернымъ родству и не является поэтому источникомъ брачныхъ запретовъ. Въ старые годы Осетинъ сплошь и рядомъ женился на сестрѣ первой жены и если такіе браки въ послѣднее время и сдѣлались рѣдки, то причина тому лежитъ не въ измѣненіи обычая, а въ запрещеніи ихъ духовенствомъ **).

Кромѣ физическаго родства, Осетины признаютъ еще родство фиктивное. Самымъ близкимъ считается то, которое возникаетъ въ силу усыновленія. О бракѣ усыновленнаго съ ближайшей родней усыновителя не можетъ быть, разумѣется, помину. Но, кромѣ усыновленія, Осетинамъ извѣстны еще другіе способы установленія фиктивнаго родства.

---

*) Свекръ—хицау,
свекровь—авсинъ
тесть—усыфадъ
теща—усымадъ
деверъ—тіу
сноха—чиндзъ или носта
зять—сіахсъ,
золовка—файцутъ.

Все сообщенное въ текстѣ о родствѣ и свойствѣ—результатъ личныхъ распросовъ, сдѣланныхъ мною, какъ въ Аллагирѣ, такъ и во Владикавказѣ у стариковъ, мѣстныхъ священниковъ и учителей—родомъ Осетинъ. Многими свѣдѣніями на этотъ счетъ я обязанъ въ частности г. Кокіеву, родомъ Дигорцу, нынѣ учителю гимназіи во Владикавказѣ.

**) Поѣздка въ Кулдарское ущелье В. Переваленко, „Кавказъ“ 1849 г. № 46.—Дубровинъ, томъ I, стр. 329 и слѣд.

Бабка, принявшая ребенка, по словамъ г. Дубровина, не только получаетъ подарокъ, но и считается въ семействѣ за родную *). Того же нельзя сказать о кумовьяхъ **). Духовное родство Осетинамъ повидимому неизвѣстно. Причина тому—рѣдкое производство ими, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, самого обряда крещенія. Послѣдній замѣнялся обыкновенно безформеннымъ нарѣченіемъ ребенку имени тѣмъ, кто первый подойдетъ къ его люлькѣ. Имя это подошедшій выбираетъ по своему усмотрѣнію, обыкновенно имъ служитъ названіе того или другаго звѣря, дикаго или ручнаго. Сверхъ этого имени, Осетинъ получаетъ еще другое, христіанское или магометанское, смотря по вѣроисповѣданію; подъ нимъ онъ обыкновенно извѣстенъ властямъ; между собою же Осетины зовутъ другъ друга языческими именами ***).

Весьма тѣснымъ родствомъ считается Осетинами то, начало которому кладетъ вскармливаніе ребенка грудью, а также воспитаніе его избраннымъ отцомъ, воспитателемъ, аталыкомъ. Молочные братья и сестры не вправѣ вступать между собою въ бракъ и въ то же время несутъ одинъ по отношенію къ другому, а также къ своимъ отцамъ, обязанность защиты и покровительства. Аталыче-

---

*) Ibid, стр. 342.

**) Кумовыя во время крестинъ получаютъ подарки за это самый должны отдарить (Адаты 36 г. ст. 33).

***) Ibid, стр. 341. Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ узнаетъ, что въ такомъ то домѣ есть новорожденный.

ство, какъ уже сказано, распространено въ Осетіи въ средѣ однихъ старшинскихъ семей. Только въ Дигоріи и свободные люди, фарсаглаги, имѣютъ обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей на вскормленіе и воспитаніе. Едва ли какой другой горскій обычай такъ извѣстенъ въ Россіи, какъ этотъ. Пиръ, устраиваемый отцомъ при отдачѣ сына въ чужія руки, военное воспитаніе, даваемое аталыкомъ, который у Осетинъ обыкновенно извѣстенъ подъ названіемъ емчека или амцека, *) своему питомцу (*кхану*), устройство аталыкомъ будущей судьбы послѣдняго пріисканіемъ ему невѣсты, праздникъ, даваемый отцомъ въ день возвращенія сына домой, торжественный въѣздъ послѣдняго въ родительскій дворъ на богато убранной лошади въ сопровожденіи своего аталыка, щедро одаряемаго обрадованнымъ родителомъ,—все это не только описано нѣсколько разъ путешественниками по Осетіи, но и воспѣто стихами лучшихъ нашихъ поэтовъ. Въ юридическо-историческомъ изслѣдованіи, каково настоящее, нѣтъ надобности останавливаться на этой бытовой сторонѣ осетинскаго аталычества и достаточно сказать, что родство, порождаемое имъ, въ прежнее время считалось Осетинами, и въ дальнихъ степеняхъ, что наглядно высказывается въ поговоркѣ: „молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь“, т. е. молочное родство признается въ тѣхъ же степеняхъ, что и кровное. Въ настоящее время

*) Названіе *емчекъ* (буквально—сосецъ) тюркскаго происхожденія, Леонтовичъ, т. II, стр. 364.

бракъ запрещенъ обычаемъ только между молочными братьями и сестрами, которые носятъ также названіе „емчекъ“, названіе, принадлежащее и аталыку.

Перечень видовъ фиктивнаго родства у Осетинъ можетъ быть заключенъ упоминаніемъ о такъ называемомъ побратимствѣ (у Осетинъ—куначествѣ). Оно принадлежитъ повидимому къ числу исконныхъ явленій въ бытѣ Осетинъ, такъ какъ упоминаніе о немъ можно встрѣтить въ сказаніи о любимомъ народномъ богатырѣ или нартѣ Урызмагѣ *). Желающіе вступить между собою въ ту тѣсную связь, которая обнимается понятіемъ побратимства, обыкновенно пьютъ изъ одной чаши, бросивши въ нее предварителѣно какую-нибудь мелкую монету; при этомъ произносится молитва, чтобы братство навсегда осталось прочнымъ и нерушимымъ. Нерѣдко также слѣдуетъ между побратившимися обмѣнъ оружія. Осетинскій обычай не связываетъ съ побратимствомъ тѣхъ послѣдствій, какія ведутъ за собою усыновленіе или аталычество. Бракъ между семьями нарѣченныхъ братьевъ не запрещается. Куначество возможно только между мущинами. Ничего подобнаго посестримству Осетины не знаютъ.

Описанные нами виды фиктивнаго родства — тѣ самые, какіе можно встрѣтить въ исторіи любаго народа, стоящаго съ Осетинами на одинаковой

*) См. Народныя сказанія кавказскихъ горцевѣ. Сказанія объ Урызмагѣ (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. IX, 1876 года).

ступени развитія. Изъ историческихъ народовъ мы можемъ указать на Ирландцевъ, древнее право которыхъ, какъ показалъ это Мэнъ, придаетъ большое значеніе такъ называемому молочному родству *); и также на южныхъ славянъ, обычаи которыхъ признаютъ не только тѣсную родственную связь между семьею кормилицы и семьею отданнаго ей ребенка, но и даютъ братству по оружію такое широкое признаніе, какимъ оно въ равной степени едва ли пользуется въ другомъ какомъ-либо правѣ **). Что же касается до тѣхъ народностей, изученіе которыхъ составляетъ задачу этнографіи, то въ ихъ быту сплошь и рядомъ попадаются тѣ виды фиктивнаго родства, которые извѣстны Осетинамъ ***). Объ усыновленіи и говорить нечего: оно явленіе общечеловѣческое.

b) Наслѣдственное право.

Работами Моргана и другихъ этнографовъ вполнѣ установлено не только позднее появленіе завѣщательнаго права, что было извѣстно и до него, но также преемственное развитіе слѣдующихъ трехъ началъ законнаго наслѣдованія: 1) наслѣдованіе всего рода, всѣхъ gentiles, 2) наслѣдованіе живущихъ совмѣстно въ одномъ дворѣ агнатовъ, 3) наслѣдованіе ближай-

*) Earey History of institutions. См. все сообщаемое авторомъ о такъ называемомъ имъ fosterage.

**) См. Site und Birauch der Südslaven—Dr. Fr. Krauss.—Wien. 1885 г. гл. XXIX. Wahlbruderschaft und Wahlschwesterschaft, стр. 619.

***) Post, Ursprung des Rechts стр. 45. Его же Anfänge des Staats-und-Rechts lebens, стр. 7.

шихъ родственниковъ; членовъ одной съ покойникомъ малой семьи. Восполненіе первоначальнаго порядка наслѣдованія новыми и новыми правилами не устраняетъ собою возможности инцидентнаго примѣненія старыхъ. Такъ, съ наслѣдованіемъ агнатовъ не исчезаютъ права гентилей, которые продолжаютъ наслѣдывать въ томъ случаѣ, если агнатовъ нѣтъ на лицо, другими словами, если весь дворъ вымеръ. Въ свою очередь наслѣдованіе исходящихъ не сопровождается полной отмѣной правъ агнатовъ и гентилей на наслѣдство, а только ставитъ ихъ во вторую и третью категорію наслѣдниковъ, призываемыхъ къ осуществленію своихъ правъ лишь тогда, когда окажется недостача въ ближайшихъ. Въ подтвержденіе своей теоріи Морганъ ссылается на факты еврейскаго и греческаго права, а одинъ изъ его послѣдователей, профессоръ Ефимовъ, подкрѣпляетъ ее и данными римскаго. Если я вѣрно понимаю мысль Моргана, а нѣкоторая неточность его терминологіи часто заставляетъ ставить этотъ вопросъ, подъ наслѣдованіемъ гентилей и агнатовъ онъ разумѣетъ неболѣе, какъ то, что на первыхъ порахъ кончина частнаго лица сопровождалась поступленіями къ всему роду той части имущества, которая не была истребляема на его могилѣ, что, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ распаденія рода на нераздѣльныя семьи или семейныя общины и соотвѣтственнаго возникновенія дворовой собственности, со смертью отдѣльнаго индивида для членовъ одного съ нимъ двора наступали тѣ же послѣдствія, какія раньше наступали для всего его рода, другими словами.

наслѣдникомъ былъ дворъ, или, что тоже, его агнаты; съ прекращеніемъ же двора, имущество возвращалось въ руки всего рода.

Противъ этой теоріи я позволю себѣ сдѣлать то возраженіе, что преемство между періодомъ наслѣдованія гентилей и агнатовъ и самый фактъ существованія когда либо преимущественныхъ правъ первыхъ на оставленное имущество мнѣ кажутся ничѣмъ не подтвержденными. Думая вмѣстѣ съ Гёрномъ, что періода, когда бы родъ не распадался на группы сожительствующихъ между собою родственниковъ, никогда не было, я послѣдовательно прихожу къ тому заключенію, что съ древнѣйшихъ временъ лица одного двора имѣли предпочтительное право наслѣдованія, вѣрнѣе говоря, что, со смертью даннаго лица, имущество, которымъ онъ завѣдывалъ, оставалось въ обладаніи оставшихся въ живыхъ членовъ двора, и только въ случаѣ бездѣтной смерти всѣхъ и каждаго изъ нихъ:,—оно становилось общимъ достояніемъ всего рода. Такимъ образомъ тѣ три періода наслѣдованія, о которыхъ говоритъ Морганъ, по моему мнѣнію составляютъ всего два: періодъ, когда имущество, минуя дѣтей, шло въ руки агнатовъ, а при недостаткѣ ихъ къ гентилямъ, и періодъ, когда дѣтямъ и въ частности сыновьямъ и внукамъ оказываемо было предпочтеніе предъ болѣе далекими родственниками.

Противъ теоріи Моргана можно сдѣлать еще и то возраженіе, что, строго говоря, право наслѣдованія начинается только съ послѣдняго изъ указанныхъ имъ періодовъ, такъ какъ, пока нѣтъ того, что

римскіе юристы называютъ открытіемъ наслѣдства (delatio haereditatis), нѣтъ и наслѣдованія; открытіе же наслѣдста немыслимо, пока собственность составляетъ принадлежность всего двора или рода, и частное лицо не болѣе, какъ уполномоченный его хозяинъ. Кончина его вызываетъ поэтому только перемѣну въ числѣ дольщиковъ, да еще въ лицѣ главнаго завѣдывателя общимъ имуществомъ, которымъ послѣ него является старшій или избранный семьею членъ.

Итакъ о наслѣдованіи впервые поднимается рѣчь лишь съ тѣхъ поръ, какъ между отдѣльными агнатами и sui устанавливается извѣстная очередь въ допущеніи къ наслѣдству, а это имѣетъ мѣсто не раньше, какъ послѣ появленія въ малыхъ семьяхъ стремленія къ выдѣленію изъ большихъ. Когда отцы и дѣти, братья и племянники выскажутъ желаніе разойтись, получивши предварительно каждый долю общаго имущества, впервые является необходимость опредѣленія этихъ долей,—и этой то именно необходимости и удовлетворяютъ регулирующіе порядокъ наслѣдованія обычаи. Они впервые опредѣляютъ очередь и размѣръ участія каждаго въ открывшемся наслѣдствѣ, проводятъ дѣленіе агнатовъ и sui по линіямъ, изъ которыхъ однѣ устраняютъ другія; а также рѣшаютъ вопросъ о томъ, оба ли пола одинаково будутъ допущены къ полученію наслѣдства.

Съ момента появленія первыхъ обычаевъ, регулирующихъ порядокъ наслѣдованія, опять является возможность различенія по меньшей мѣрѣ двухъ періодовъ:—того, во первыхъ, когда, обычаи, оста-

ваясь вѣрными архаическому началу неотчуждаемости дворовой собственности, совершенно устраняютъ женщинъ отъ наслѣдованія, какъ уносящихъ съ собою имущество въ чужую семью—семью мужа; и во вторыхъ того, когда, подчиняясь естественному желанію родителей обезпечить всѣхъ своихъ дѣтей безъ различія пола, они распространяютъ на женщинъ право наслѣдованія мущинъ *).

Указавши въ самыхъ общихъ конечно чертахъ, въ чемъ состоялъ процессъ развитія наслѣдственнаго права, намъ предстоитъ задаться въ настоящее время вопросомъ о томъ, къ какому изъ намѣченныхъ періодовъ должны быть отнесены тѣ обычаи, которые регулируютъ собою порядокъ наслѣдованія у Осетинъ?

Какъ изъ сборниковъ адатовъ, такъ и изъ разсказовъ стариковъ, я вынесъ то впечатлѣніе, что семейные раздѣлы—явленіе сравнительно новое въ быту Осетинъ, и что наслѣдственное право, слѣдовательно, только зарождается въ ихъ средѣ. Въ старые годы смерть отца или дѣда не имѣла инаго послѣдствія, кромѣ перемѣны въ лицѣ, завѣдующемъ хозяйствомъ семьи; въ настоящее время она весьма часто становится сигналомъ къ совершенному распаденію прежняго единства. Обычаю приходится поэтому взять на себя опредѣленіе того, какіе родственники могутъ

*) Знаменитый эдиктъ Хильперика можетъ быть разсматриваемъ какъ такой поворотный моментъ въ наслѣдственномъ правѣ Германцевъ. До появленія его наслѣдовали одни мущины, теперь это право распространено и на женщинъ. См Hessel-Kern, Lex Salica.

быть допущены къ раздѣлу наслѣдства, и какъ велика доля каждаго изъ нихъ. Поставленный долгое время стражемъ неприкосновенности дворовой собственности, осетинскій обычай и доселѣ рѣшительно высказывается противъ наслѣдованія женщинъ, какъ совершенно несогласнаго съ нею. Дочери по—этому не имѣютъ части въ отцовскомъ имуществѣ; что же касается до вдовы, то ей дѣлается, какъ мы видѣли, лишь пожизненный выдѣлъ, который послѣ ея смерти достается тѣмъ же лицамъ, какимъ идетъ отцовское наслѣдство. Устраняя женщинъ отъ наслѣдованія, осетинскій обычай въ то же время не исключаетъ вполнѣ изъ категоріи наслѣдниковъ родственниковъ въ женской линіи. При отсутствіи сыновей наслѣдниковъ, сынъ, прижитый вдовою послѣ смерти мужа, а также сынъ его замужней дочери—допускаются къ наслѣдованію, какъ будто бы они были его собственными дѣтьми. Такой порядокъ, особенно въ послѣднее время, является впрочемъ не болѣе, какъ рѣдкимъ исключеніемъ. Обыкновенно же отцу наслѣдуютъ его сыновья, а при отсутствіи послѣднихъ—его внуки. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Осетины допускаютъ начало представительства по наслѣдству, принадлежитъ къ числу открытыхъ вопросовъ: обычай повидимому еще не вполнѣ опредѣлился на этотъ счетъ, или, вѣрнѣе говоря, онъ находится въ періодѣ перехода отъ условнаго признанія права представительства къ абсолютному. Говоря это, я хочу сказать, что въ старые годы Осетины при раздѣлѣ наслѣдства обращали преимущественно вниманіе на то, участвовалъ-ли тотъ или

другой изъ членовъ семьи въ накопленіи общаго имущества; такъ какъ племянники, дѣти сына, умершаго до кончины наслѣдодателя, нерѣдко оказывались принимавшими въ этомъ дѣлѣ равное участіе съ ихъ дядями, то они весьма часто допускались къ полученію равныхъ долей съ послѣдними, что, разумѣется, совершенно противорѣчило началу представительства. Въ настоящее время это начало повидимому одерживаетъ верхъ, что объясняется конечно вліяніемъ шаріата — у мусульманъ, у христіанъ же—русскаго закона и русской судебной практики. Если не было нисходящихъ, къ наслѣдованію призываемы были остальные ближайшіе родственники *). Это тотъ порядокъ, который по всей вѣроятности водворился въ Римѣ съ эпохи XII таблицъ, когда стали оказывать впервые предпочтеніе агнатамъ предъ гентилями **). Г. Пфафъ перечисляетъ, кто именно считаются этими ближайшими родственниками. „Имущество бездѣтно умершаго, говоритъ онъ достается преимущественно родственникамъ въ

*) Если нѣтъ сыновей, имѣніе, переходитъ къ ближнимъ родственникамъ мужскаго пола по мужской линіи (Сб. ад. 36 г., ст. 24) Леонтовичъ т. II, стр. 6.—У Стурдигорцевъ, Гуларцевъ Аксавцевъ и Гальятцевъ обычай таковъ: если по смерти старшаго брата осталась его жена беременною, то родившійся отъ нея сынъ по достиженіи совершеннолѣтія получаетъ по дѣлежу права покойнаго своего отца (Сб. ад. 66 г., ст. 94).

**) Gaius. Inst. III, 1. Intestatorum hereditates lege XII tabularum primum ad suos heredes pertinent. Inst III, 9. Si nullus sit suorum heredum, tunc hereditas pertinet ex eadem lege XII tabularum ad agnatos.

восходящей линіи; но случается также, что отецъ наслѣдуетъ вмѣстѣ съ братьями", другими словами, къ наслѣдованію допускаются не одни ближайшіе восходящіе, но и боковые въ первой степени, т. е. братья *).

Когда не было въ живыхъ ни тѣхъ, ни другихъ, отдаленнѣйшіе родственники, между которыми Осетины, какъ я сказалъ, не различаютъ степеней, призываемы были къ наслѣдованію совмѣстно, точь въ точь какъ въ Римѣ, гдѣ, по словамъ Гая, законъ XII таблицъ призывалъ гентилей къ полученію наслѣдства, когда не было въ живыхъ ни одного изъ агнатовъ **). И такъ, по характеру тѣхъ лицъ, кокорые призываются къ полученію наслѣдства, а также по порядку, въ которомъ они чередуются другъ за другомъ, можно заключить, что наслѣдственное право Осетинъ стоитъ приблизительно въ третьемъ изъ тѣхъ періодовъ, которые, по словамъ Моргана, проходитъ оно у любаго народа. По нашему же мнѣнію, наслѣдственное право только зарождается у нихъ, такъ какъ раньше семейныхъ раздѣловъ его нѣтъ, а эти послѣдніе только начинаются въ средѣОсетинъ. Оригинальную черту ихъ обычнаго права составляетъ при этомъ то обстоятельство, что, на ряду съ наслѣдованіемъ законныхъ дѣтей, ему извѣстно наслѣдованіе и незаконныхъ—кавдасардовъ, не въ одномъ съ первыми имуще-

*) Народное право Осетинъ, ст. 2, стр. 304.

**) Gaius. II, 17. Древніе обряды Дигорцевъ 44 г. ст. 33. (Леонтовичъ, стр. 34 и 35)

ствѣ, а въ томъ, которое будетъ пріобрѣтено ихъ отцами безъ помощи семейнаго капитала *). Порядокъ, котораго обычай придерживается при наслѣдованіи кавдасардовъ тотъ же, что и законныхъ дѣтей. Въ одномъ лишь случаѣ дѣти номулусъ и ихъ потомство допускаются къ наслѣдованію въ одномъ имуществѣ съ законными дѣтьми. Это, какъ мы уже сказали, тогда, если у покойнаго не осталось никакихъ родственниковъ мужескаго пола, какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ **).

Завѣщательныя распоряженія до послѣдняго времени не были извѣстны Осетинамъ ***) языкъ которыхъ не имѣетъ даже особаго термина для ихъ обозначенія. Въ этомъ отношеніи обычаи Осетинъ представляютъ полную аналогію съ тѣми, которыхъ придерживались Германцы при Тацитѣ, Кельты въ эпоху Брегоновъ, Греки временъ Гомера и Римляне въ царскій періодъ ихъ исторіи. Отсутствіе практики завѣщанія не препятствовало имъ однако раздавать на смертномъ одрѣ принадлежащую имъ движимость тѣмъ или другимъ родственникамъ по усмотрѣнію, а также назначать, сколько должно быть затрачено на ихъ похороны и на подарки муллamъ и нищимъ (послѣднее, разумѣется, у однихъ мусульманъ Дигорцевъ)****). Эти предсмертныя распоряженія никогда однако не касались недвижимости. какъ достоянія не частнаго лица, а цѣлаго двора.

*) Свѣдѣнія объ Адатѣ 1844 г. ст. 34, 58.
**) См. сказанное выше о кавдасардахъ.
***) Свѣдѣнія объ адатѣ 1844 г., стр. 95.
****) Древніе обряды Дигорцевъ 1844 г., стр. 34.

Общественными приговорами новѣйшаго времени введено право завѣщательнаго распоряженія *) и открыта такимъ образомъ возможность наслѣдованія для женщинъ. Надо сказать, однако, что этой возможностью Осетины доселѣ почти не пользовались, такъ прочно держится въ ихъ средѣ начало неотчуждаемости семейнаго имущества чужеродцу.

Мы коснулись пока лишь порядка допущенія къ наслѣдству отдѣльныхъ группъ родственниковъ. Намъ предстоитъ еще задаться вопросомъ о томъ, на какихъ началахъ производится его раздѣлъ, началахъ ли полнаго равенства или же наоборотъ съ замѣтнымъ отступленіемъ отъ него? Въ отвѣтъ на это мы скажемъ, что, придерживаясь въ общемъ началъ равенства, осетинское право въ то же время допускаетъ преимущественное наслѣдованіе извѣстныхъ членовъ семьи. Не только старшій сынъ, но и младшій, получаютъ нѣкоторый придатокъ къ тому, чѣмъ надѣляются ихъ братья. Добавочная часть старшаго обозначается по осетински терминомъ „хестагъ“, а младшаго словомъ „кастагъ“. Спрашивается, гдѣ искать источникъ происхожденія такихъ преимуществъ старшаго и младшаго сына? Менъ, если не ошибаемся, первый высказалъ ту мысль, что майоратъ по своей природѣ—учрежденіе скорѣе публичнаго, чѣмъ частнаго права, что наслѣдованіе старшаго сына проявилось прежде всего въ сферѣ перехода политической

*) Завѣщаніе введено между Осетинами съ 59 г., Леонтовичъ т. II стр. 52 и 75.

власти и затѣмъ уже было перенесено въ сферу гражданскихъ отношеній; что старшій сынъ феодальнаго сеньора потому является майоратнымъ владѣльцемъ оставленнаго ему наслѣдства, что со смертію отца, вступая во всѣ его политическія права, становясь въ замѣнъ его главою феода, какъ политической организаціи, онъ необходимо надѣляется и правомъ распоряженія земельной собственностью, насквозь проникнутой политическимъ характеромъ. Не вдаваясь въ разборъ этой теоріи на той почвѣ, на которой она возникла, мы замѣтимъ, что преимущество, оказываемое старшему сыну при наслѣдованіи, можетъ найти себѣ и совершенно иное объясненіе, болѣе общее и простѣйшее. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ нераздѣльной семьѣ, за смертью отца, хозяиномъ является старшій братъ. Онъ хранитель семейной казны, распорядитель ея имуществомъ, распредѣлитель работъ между ея членами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддержатель домашняго очага, обязанный вѣчно сохранять на немъ огонь и совершать жертвоприношенія предкамъ. Эта преимущественная роль въ семьѣ должна же сказаться чѣмъ либо и въ моментъ расторженія прежняго единства между ея членами. Бывшій хозяинъ, какъ лицо болѣе другихъ содѣйствовавшее матеріальному преуспѣянію семьи, долженъ же получить какой нибудь прибавокъ, въ вознагражденіе за прежнія заботы о семейномъ благосостояніи. Этотъ прибавокъ въ его пользу объясняется еще и тѣмъ соображеніемъ, что, какъ старшій родственникъ, онъ и по расторженіи семьи не теряетъ преимущественной роли въ фамильномъ

культѣ. Другіе очаги могутъ погаснуть, но пока горитъ его очагъ, пока совершаются на немъ священныя возліянія и закалываются жертвы, души предковъ пребываютъ въ блаженствѣ, не нуждаясь ни въ чемъ и посылая, какъ бы въ награду, всевозможныя блага потомству. Не даромъ же греческіе источники называютъ именно его спасителемъ очага и связываютъ блаженство предковъ съ фактомъ совершенія имъ жертвоприношеній. Неудивительно поэтому, если во всѣхъ законодательствахъ, которымъ нѣкогда извѣстно было начало семейной нераздѣльности, возникаетъ въ эпоху ея упадка правило о надѣленія старшаго сына большею противъ другихъ частью семейной собственности. Такъ поступаетъ, напр., индусское право, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи отказываются видѣть черты вполнѣ выработаннаго майората, признавая въ то же время, что старшій сынъ пользуется въ немъ рѣшительнымъ предпочтеніемъ предъ младшимъ и получаетъ соотвѣтственно и большую долю въ наслѣдствѣ, о чемъ открыто говорятъ какъ Апастамба *), такъ и „Учрежденія Нарады“ **). Тоже находимъ мы и въ древнемъ грузинскомъ правѣ, какъ слѣдуетъ изъ первой части „Законника“ царя Вахтанга. Тѣми же соображеніями объясняется существованіе и въ осетинскомъ обычномъ правѣ „хестага“, что въ переводѣ значитъ-

*) Apastamba, стр. 133.
**) Nàradya Dharmasastra—гл. 13, § 13, стр. 96.

доля старшаго,—иначе говоря, тотъ излишекъ, который онъ получаетъ предъ остальными участниками въ наслѣдствѣ. Порядокъ опредѣленія этой доли слѣдующій: Въ Стырдигорѣ дѣлятъ все имѣніе на части, такъ чтобы числомъ ихъ было единицей больше противъ числа братьевъ; изъ нихъ двѣ части получаетъ старшій братъ, а остальные по одной *). У прочихъ Дигорцевъ при раздѣлѣ наслѣдства придерживаются слѣдующаго правила **). „Когда, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ 66-го года, наслѣдниками останутся два брата, и предстоитъ раздѣлить, на примѣръ, 10 участковъ земли, то медіаторы, выбравъ самый большой и лучшій участокъ, дѣлятъ его между братьями на двѣ равныя части: потомъ старшій братъ выбираетъ изъ оставшихся любой участокъ, дробитъ его на 3 доли, изъ коихъ одну отдаетъ младшему, а двѣ беретъ себѣ; затѣмъ остальные 8 участковъ раздѣляются между братьями поровну. Когда же наслѣдниками останутся трое, четверо и болѣе братьевъ, то медіаторы, выбравъ самый большой и лучшій участокъ, дѣлятъ его по числу братьевъ; другой участокъ выбираетъ старшій братъ и, раздѣливъ его на три части, беретъ себѣ двѣ, а третью отдаетъ самому младшему. За тѣмъ остальные 8 участковъ дѣлятъ медіаторы поровну на всѣхъ. Что касается до движимой собственности, то изъ рогатаго скота старшій братъ

*) Сборникъ адатовъ 66, г., стр. 94.
**) Ibid. стр. 83.

получаетъ по равной части съ остальными; изъ лошадей же лучшую, а если останется послѣ покойника всего одна лошадь, то, не поступая въ дѣлежъ, она идетъ старшему брату. То же надо сказать и объ оружіи: если въ домѣ не болѣе одного кинжала и ружья, то они принадлежатъ по праву первородцу, если же ихъ нѣсколько, то онъ получаетъ изъ нихъ лучшее. Бараны же распредѣляются между дѣтьми такимъ образомъ, что изъ 100 штукъ старшій беретъ 20, младшій 10, средніе по 5, затѣмъ остальные бараны дѣлятся на всѣхъ братьевъ по ровну. Пивоваренные котлы распредѣляются по ровну, но старшему полагается еще излишекъ, равный цѣнѣ одного быка. Нѣкоторые предметы наконецъ составляютъ всецѣло достояніе старшаго сына, такъ что еслибъ въ имуществѣ покойного не оказалось другихъ цѣнностей, первенецъ былъ бы единонаслѣдникомъ. Такими предметами является сакля, цѣпь—рахисъ и привѣшенный къ ней фамильный котелъ *) Лицо, которое преимущественно предъ другими, обязано продолжить родъ отца, имѣетъ поэтому и наибольшее право на фамильные предметы.

Въ Тагауріи и Куртатіи обычай не опредѣляетъ размѣра того излишка, который долженъ достаться старшему, предоставляя это каждый разъ взаимному соглашенію наслѣдниковъ или опредѣленію избранныхъ ими медіаторовъ **).

*) Адаты 1866 г. ст. 83—90.
**) Ibid, стр. 112.

Другое дѣло у Ироновъ, разумѣя подъ ними одинаково Аллагирцевъ, Сидомонцевъ, Черазенцевъ и Кусогонцевъ. Сакля, 30 барановъ, быкъ, корова, лошадь, мѣшокъ пшеницы и проса, котелъ для выгона араку – вотъ что прежде всякаго раздѣла выдѣляется изъ наслѣдства старшему сыну; при этомъ одни даютъ ему, сверхъ равной съ прочими братьями доли въ остальномъ имуществѣ, еще лучшій участокъ пастбища для загона въ него скота, другіе – по одной вещи изъ всѣхъ видовъ оставленной имъ движимости, третьи же довольствуются предоставленіемъ ему одной вышесказанной части *) Что касается до южныхъ Осетинъ или Туальтцевъ, то господствующимъ обычаемъ является у нихъ тотъ, котораго придерживаются въ своихъ раздѣлахъ жители Наръ и Мамисона. По смерти отца, старшему сыну изъ всего имущества отдается домъ, лучшій загонъ земли, большее или меньшее число барановъ, смотря по соглашенію, быкъ, корова, ружье, шашка, мельница, гумно и мѣсто для свалки навоза. Все же остальное имущество дѣлится по ровну, но старшему брату предоставляется выборъ своей части **).

Любопытную черту осетинскихъ обычаевъ составляетъ то обстоятельство, что указанное только что преимущество старшаго сына уживается у нихъ съ преимуществомъ младшаго. При каждомъ раздѣлѣ

*) Ibid, ст. 103–109.
**) Ibid, ст. 109 и 110.

наслѣдства, послѣдній получаетъ извѣстный излишекъ противъ остальныхъ братьевъ: у Дигорцевъ, какъ мы видѣли—добавочный земельный надѣлъ, у Ироновъ большее число скота, а по обычаю нѣкоторыхъ фамилій и особый „загонъ земли", иначе говоря кусокъ огороженнаго пастбища *).

Историки древняго права обыкновенно противуполагаютъ миноратъ майорату, какъ явленія, взаимно исключающія другъ друга. Гдѣ есть миноратъ, тамъ, по ихъ мнѣнію, немыслимо майоратное наслѣдованіе. Проводя ту мысль, что миноратъ древнѣе майората, Мэнъ, напр., повидимому не допускаетъ сосуществованія обоихъ. Другой англійски ученый, Эльтонъ пытается даже установить тотъ взглядъ, что миноратъ составляетъ въ такой же степени особенность туранской семьи народовъ, въ какой майоратъ арійской. Присутствіе его въ Англіи, какъ особенность нѣкоторыхъ городскихъ муниципій, обстоятельство, которое сказывается и въ самомъ названіи его (borough english), свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, о томъ, что населявшіе нѣкогда Англію Силуры были туранцы, передавшіе особенности своего семейнаго права англійскому городскому населенію XI и XII столѣтій **). Слышать такія мнѣнія тѣмъ болѣе странно, что въ источникахъ арійскаго права сплошь и рядомъ въ одномъ и томъ же памятникѣ встрѣчаются указанія на существованіе

*) Ibid, ст. 107.

**) Origins of english history, глава о миноратѣ.

майората наряду съ миноратомъ или, точнѣе говоря, зародышей того и другого. Преимущественное участіе въ наслѣдованіи младшаго сына наравнѣ со старшимъ извѣстно, напр., изъ индусскихъ сводовъ, Гаутамѣ и Васиштѣ *), относимымъ новѣйшими изслѣдователями къ числу древнѣйшихъ.

Осетинское обычное право является новымъ доказательствомъ тому, что оба вида преимущественнаго наслѣдованія, майоратъ и миноратъ, легко уживаются другъ съ другомъ.

При раздѣлѣ семейной собственности младшій сынъ наравнѣ съ старшимъ получаетъ большую противъ другихъ дѣтей долю, и доля младшаго только немногимъ уступаетъ долѣ старшаго, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что на этотъ счетъ говорятъ древніе индусскіе своды **). Правда, позднѣйшее право обыкновенно выдвигаетъ на первый планъ только одно изъ упомянутыхъ двухъ преимуществъ; правда, средневѣковые памятники законодательства не говорятъ уже ни слова въ пользу той мысли, что майоратное наслѣдованіе не исключаетъ миноратнаго, но причина тому лежитъ не въ самой природѣ обоихъ началъ наслѣдованія, а въ совершенномъ торжествѣ одного изъ нихъ надъ другимъ. Въ сферѣ высшихъ сословій, въ феодальной знати, при

*) См. Narada гл. 13. § 13.

**) The additional, share of the youngest consists of the sheep, grain, the iron (utensils) a cart yoked (with, oxen) and one of each kind of other animals. Gautama, XXVIII.

тѣсной зависимости землевладѣнія и военной службы, старшій сынъ, который по самому возрасту ранѣе другихъ призывается къ ея отправленію, получаетъ поэтому рѣшительный перевѣсъ надъ остальными. Отсюда майоратъ,— не какъ преимущественное, а какъ исключительное наслѣдованіе старшаго въ земельной собственности, какъ тотъ видъ имущества, владѣніе которымъ непосредственно связано съ обязанностью военной службы. При отсутствіи такой прямой зависимости въ крестьянской средѣ, неудивительно, если майоратъ получаетъ въ ней и несравненно меньшее развитіе. Причины, къ разсмотрѣнію которыхъ я сейчасъ же перейду, выдвигаютъ напротивъ того на первый планъ младшаго сына и изъ преимущественнаго дѣлаютъ его исключительнымъ наслѣдникомъ оставшагося отъ отца земельнаго участка. Распространенность минората въ средневѣковомъ крестьянствѣ не менѣе той, какою пользуется майоратъ въ средѣ аристократическаго сословія. Сплошь и рядомъ средневѣковые кутюмы говорятъ о немъ, какъ объ исключительномъ или господствующемъ типѣ наслѣдственнаго права, и въ Англіи, гдѣ онъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней подъ наименованіемъ „borough englisch“, и во Франціи, гдѣ о немъ упоминаютъ кутюмы Артуа и Пикардіи, и въ Швейцаріи, въ которой рѣчь о немъ идетъ не далѣе, какъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, и въ Уэльсѣ, кельтическое населеніе котораго знало его уже во времена Гоэля Добраго.

Если миноратъ на первыхъ порахъ уживается съ майоратомъ, если съ характеромъ исключитель-

ной системы наслѣдованія онъ встрѣчается лишь въ позднѣйшее время, то отсюда прямо слѣдуетъ тотъ выводъ, что причина, вызвавшая его къ жизни—причина, дѣйствующая одновременно съ тою, которою обусловливается возникновеніе майоратнаго наслѣдованія. Мы сказали выше, что преимущество старшаго сына опирается на той роли, какую ему приходится играть въ семьѣ, какъ ея хозяину. На чемъ же, спрашивается теперь, зиждется преимущество младшаго? Отвѣчая на этотъ вопросъ, намъ необходимо вернуться снова къ той первичной ячейкѣ, изъ которой развиваются основные гражданскіе институты,—я разумѣю семейную общину. Въ періодъ ея упадка выдѣлъ въ пользу взрослаго сына изъ факультативнаго становится малу по малу обязательнымъ для отца. Индусскіе своды, безъ изученія которыхъ довольно трудно отмѣтить переходныя ступени отъ семейнаго общенія къ индивидуализму, знакомы съ двумя противоположными рѣшеніями одного и того же вопроса: въ правѣ или не въ правѣ потребовать сынъ выдѣла у отца? Древнѣйшіе, и въ числѣ ихъ Апастамба, высказываются отрицательно. Болѣе поздніе, и во главѣ ихъ Ману, отвѣчаютъ утвердительно. Разъ выдѣлъ дозволенъ, старшій сынъ ранѣе младшаго имѣетъ возможность выйти изъ семьи, прекратитъ дальнѣйшее участіе въ ея трудѣ, пріобрѣтать цѣнности въ собственную пользу. А это, въ свою очередь, ведетъ къ тому послѣдствію, что оставляемое отцомъ имущество рѣдко когда является накопленнымъ его усиліями и, наоборотъ, почти всегда создано сотрудничествомъ младшаго. Трудовое

начало, въ которомъ ошибочно было бы видѣть древнѣйшую основу семейнаго общенія, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ облегченія выдѣловъ все большее и большее значеніе. При свободѣ выхода изъ семьи естественно допущеніе, что лицо, остающееся въ ней, служащее ея интересамъ своимъ личнымъ трудомъ, пріобрѣтаетъ и большее противъ выдѣленнаго право на раздѣлъ семейнаго имущества, въ приращеніи котораго оно участвовало. Очевидно, что изъ двухъ сыновей, старшаго и младшаго, воспользовается правомъ выдѣла по самому своему возрасту можетъ скорѣе первый. Младшій всего долѣе остается въ нераздѣльности съ отцемъ, а потому и болѣе старшаго участвуетъ своимъ трудомъ въ созданіи оставляемаго отцемъ достатка. Отсюда вполнѣ понятнымъ является преимущественное право его на наслѣдованіе въ отцовскомъ имуществѣ, отсюда въ частности правило о томъ, что онъ, какъ бездомный, наслѣдуетъ отцовскій домъ. Старшій братъ завелъ уже собственный очагъ, онъ не нуждается поэтому въ оставшемся жилищѣ. Отсюда же и то послѣдствіе, что наслѣдникомъ скота и орудій обработки является младшій сынъ, помогавшій отцу, не въ примѣръ старшему, въ уходѣ за стадами и въ обработкѣ поля. Эти два предмета, домъ и орудія производства, въ частности скотъ, тѣ самые, которые Васишта и другіе индусскіе своды признаютъ долею младшаго сына *). Въ тѣхъ же законодательствахъ, кото-

*) The goats, the sheep and the house belong to the youngest· глава XVII §§ 14

рыя, какъ осетинское, стоятъ еще за наслѣдованье фамильной усадьбы старшимъ, младшему должны быть предоставлены всѣ средства на обзаведеніе: отсюда предоставленіе ему добавочнаго надѣла землею. Преимущественное и наиболѣе продолжительное участіе въ семейномъ производствѣ—таковъ титулъ младшаго сына на первенствующую роль въ наслѣдованіи. Особенное значеніе такое участіе должно имѣть въ крестьянской средѣ — чуждой интересамъ военной защиты и всецѣло организованной въ видахъ экономическаго производства. Неудивительно поэтому, если въ ней младшему сыну удалось со временемъ пріобрѣсть рѣшительный перевѣсъ надъ старшимъ, если минора̀тъ одержалъ въ ней верхъ надъ майора̀томъ.

Оригинальную и не вполнѣ понятную на первый взглядъ черту осетинскаго права представляетъ преимущественное наслѣдованіе въ немъ, на ряду съ старшимъ и младшимъ братомъ, и такъ называемыхъ имъ среднихъ братьевъ. Прибавокъ, дѣлаемый къ долѣ средняго, носитъ названіе *астаукаъ* (буквально, „часть средняго“). Онъ состоитъ обыкновенно изъ одной, много двухъ штукъ рогатаго скота или соотвѣтствующаго имъ денежнаго эквивалента. величиной не свыше 15 рублей *). Такой обычай встрѣчается повидимому далеко не во всей Осетіи, а какъ особенность извѣстныхъ родовъ и селеній.

*) „Средніе сыновья или родные братья, получаютъ по 15 р деньгами или скотомъ (сверхъ равной съ другими доли)“, читаемъ мы о племени Кусогонцевъ въ сборникѣ адатовъ 66 г·

Мнѣ говорили о немъ въ Новохристіанскомъ и смежныхъ съ нимъ аулахъ. Изъ сборника адатовъ 60-го года видно, что онъ извѣстенъ также племени Кусогонцевъ. Какъ объяснить его происхожденіе, я рѣшить не берусь, но позволю себѣ высказать предположеніе, что желаніе вознаградить каждаго члена семьи, по мѣрѣ его участія въ общемъ трудѣ, не было быть можетъ чуждо этому предпочтенію. Долѣе всѣхъ въ семьѣ остается, какъ я сказалъ, младшій братъ, такъ какъ позже другихъ достигаетъ совершеннолѣтія, менѣе всѣхъ старшій по той же причинѣ; середину между обоими занимаютъ въ этомъ отношеніи средніе сыновья. Если-бы при раздѣлѣ наслѣдства принимаемо было во вниманіе только то, въ какой степени каждый членъ семьи содѣйствовалъ ея имущественному обогащенію, то старшій отнюдь не былъ бы въ числѣ привиллегированныхъ, и что это не простая догадка съ нашей стороны, слѣдуетъ изъ того, что отдѣленный отцомъ старшій сынъ довольствуется сдѣланнымъ ему выдѣломъ, который, какъ мы сказали, никогда не превышаетъ доли прочихъ членовъ семьи (разумѣется мущинъ); въ раздѣлѣ же наслѣдства онъ не участвуетъ; и право первородства переходитъ въ этомъ случаѣ на слѣдующаго за нимъ по лѣтамъ, какъ лица, непрерывно участвовавшаго въ накопленіи семейнаго достоянія и, со смертью отца семьи, молчаливо принявшаго на себя обязанность поддержанія фамильнаго культа. Къ выдѣленному первенцу причисляется обыкновенно и тотъ, который умеръ раньше отца и наступившаго затѣмъ раздѣла, почему сыновья его получаютъ совмѣстно не

ту долю, которую долженъ былъ бы имѣть старшій сынъ, а ту, которая пришлась бы ему по равному раздѣлу съ братьями *). Изъ всего этого я заключаю, что, если старшій сынъ имѣетъ извѣстный придатокъ, то не по экономическимъ, а скорѣе по религіознымъ мотивамъ. Трудовой принципъ всецѣло принимается, какъ мы видѣли, въ разсчетъ при опредѣленіи доли младшаго сына. Дальнѣйшее его проведеніе требуетъ предоставленія добавочнаго надѣла не тому сыну, который по возрасту слѣдуетъ за старшимъ, а тому или тѣмъ, которые по очереди стоятъ всего ближе къ младшему брату, такъ какъ они долѣе остальныхъ участвовали въ накопленіи семейнаго достатка.

Прямое подтвержденіе нашей догадки даетъ 102-я ст. Законовъ грузинскаго царя Вахтанга, которая, приписывая Георгію установленіе добавочныхъ долей среднихъ братьевъ, замѣчаетъ при этомъ, что „преимущество дается тому изъ нихъ, кто болѣе трудился на пользу дома". Категорическое заявленіе той же статьи, что „въ прежнее время ничего особо не выдѣляли среднему брату иначе, какъ за большіе труды", заставляетъ насъ думать, что не грузинское право повліяло въ этомъ отношеніи на осетинское, а скорѣе наоборотъ и что поэтому въ законахъ Вахтанга мы находимъ не болѣе, какъ запись того ближайшаго основанія, по которому Осетины за долго до царя Георгія допускали преимущественное наслѣдованіе средняго

*) Адаты 66 г. ст. 93. Лентовича п. II; ст. 73.

сына. Будетъ-ли это объясненіе признано удовлетворительнымъ или нѣтъ,—фактъ преимущественнаго наслѣдованія въ осетинской семьѣ не только старшаго и младшаго, но и среднихъ братьевъ уже потому заслуживаетъ упоминанія, что доказываетъ какъ нельзя лучше близость осетинскаго права къ индусскому. Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ арійскихъ законодательствъ, за исключеніемъ индусскаго, нѣтъ упоминанія о томъ, чтобы средніе братья получали при наслѣдованіи извѣстный придатокъ, нѣтъ его ни въ греческомъ и римскомъ правѣ, ни въ германскихъ и славянскихъ Правдахъ, ни въ древнихъ обычаяхъ Ирландцевъ и Валлійцевъ. Въ однихъ лишь индусскихъ сводахъ мы находимъ рѣшительное указаніе на излишекъ, получаемый средними братьями. Замѣчательно при этомъ то, что излишекъ этотъ платится имъ тѣми именно предметами, которые необходимы для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ: въ Осетіи упряжью скота, въ Индіи домашней утварью и орудіями обработки *) и это понятно, такъ какъ при передачѣ отцовской усадьбы со всѣмъ входящимъ въ ея составъ инвентаремъ или старшему, какъ въ Осетіи или младшему, какъ въ Индіи, то, что послѣ раздѣла прежде всего предстоитъ совершить среднему брату, это завести собственную усадьбу, собственные плуги и скотъ для обработки. Со вре-

*) Black iron, the utensils and the furniture to the middlemost (Vasishta XVII 35).

менемъ утратилось, по видимому, вполнѣ представленіе о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали собою преимущество среднихъ братьевъ при наслѣдованіи. Это слѣдуетъ не только изъ того, что Осетины не въ состояніи дать ему никакого объясненія, но и изъ того шутливаго тона, какимъ говорятъ о немъ нѣкоторые индусскіе своды. „Пусть получитъ средній братъ, говоритъ Гаутама, сверхъ общей съ прочими доли еще старую, одноглазую скотину, у которой недостаетъ рогъ и хвоста. *)

Въ заключеніе намъ остается еще сказать о томъ, кѣмъ и какъ опредѣляются доли отдѣльныхъ наслѣдниковъ. Въ этомъ отношеніи надо различать два случая: первый, когда раздѣлъ производится выбранными сторонами посредниками, второй когда все дѣло кончается полюбовно взаимнымъ соглашеніемъ дѣлящихся.

На обязанность медіаторовъ падаетъ установленіе частей, опредѣленіе согласно обычаю размѣра придатковъ, получаемыхъ старшимъ, младшимъ и среднимъ сыновьями, выдѣленіе извѣстной доли семейнаго достоянія на производство поминокъ по умершемъ и рѣшеніе, не иначе, впрочемъ, какъ съ ея согласія, участи вдовы, на которую братъ мужа не предъявитъ своихъ брачныхъ правъ. Вдова, которая не становится женою деверя и не вступаетъ въ бракъ съ постороннимъ лицомъ.

*) The additional share of the middlemost consists of the one-eyed old, hornless and tailless animals, if there are several. Gautama, XXVIII, 6.

остается обыкновенно въ домѣ младшаго сына; на содержаніе ей выдается въ пожизненное пользованіе извѣстная часть оставленнаго покойникомъ имущества, которая, со смертью ея, подлежитъ раздѣлу между всѣми сыновьями. Незамужнія дочери обыкновенно остаются при вдовѣ; медіаторами опредѣляется размѣръ тѣхъ затратъ, которыя въ ближайшемъ будущемъ должны пойти на экипировку невѣстъ; калымъ же, который со временемъ получается отъ ихъ продажи, поступаетъ каждый разъ въ добавочный раздѣлъ между братьями. При дѣлежѣ наслѣдства полюбовно принимаются въ разсчетъ тѣ же предписанія обычая, какія обязательны для медіаторовъ; но отступленіе отъ нихъ возможно при взаимномъ согласіи. Самодѣятельность сторонъ выступаетъ въ томъ, что отдѣльныя доли опредѣляются обыкновенно старшимъ братомъ; выборъ же ихъ принадлежитъ младшему. Бываетъ однако и такъ, что одинъ видъ имущества дѣлится однимъ лицомъ, а другой другимъ; такъ у Дигорцевъ старшій братъ дѣлитъ сѣнокосы, а младшій остальное имущество. Выборъ долей начинается въ первомъ случаѣ съ младшаго, во второмъ съ старшаго. *).

*) Адаты 66 ч., ст. 91 и 92.

Ростов-Дон

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
23	12 снизу	занятыя	занятье
32	4 —	ментралколіи	ментранкоміи и
56	Примѣчаніе	ч. м.	г. м.
		Дельноцо	Дельпоцо
60	Примѣчаніе	пламени	племенъ
69	Примѣч. 2-ое	Beschresbung	Beschreibung
71	3 сверху	кавказскихъ	казацкихъ
78	2 снизу	невѣсткину	невѣстину
80	14 сверху	послѣднихъ ихъ	послѣднихъ
96	1 —	Тбауциллы	Тбауцилла
—	3 —	Куртадинскомъ	Куртатинскомъ
—	9 снизу	опъ	она
101	16 —	ставятся	становятся
106	10 —	пастбищъ	пастбища
109	Примѣчаніе	пахаты	пахать
118	8 снизу	съ его согласія	съ согласія
121	12 сверху	ровно	равно
122	15 —	кухней	кухнѣ
—	примѣч. 2-ое	e	le
		Bogisi	Bogisitz
134	примѣч. 2-ое	sonmnanem	communem
		jore	more
135	2 сверху	пустота	густота

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
135	14 снизу	согласіе	согласія
139	8 —	земля способна	земля, способная
—	7 —	стоставлять	составляетъ
140	3 —	владѣній	явленій
149	3 —	ея	этими
159	5 —	права обязательствъ	обязательственнаго права
173	1 сверху	ихъ	изъ
—	2 снизу	съ землю обязательствомъ	землю съ обязательствомъ
200	2 сверху	погибала	погибла
208	2 —	всюду, была	всюду, гдѣ была
227	1 сверху	имъ	ими
241	1 —	выходившагося	выродившагося
—	4 —	примѣнимыя	примѣнится
246	8 —	безъ угоще	безъ угощенія
251	8 снизу	ѣдетъ	идетъ
257	6 сверху	новой	новый
262	10 —	слышитс	слышится
263	11 —	запрещенiи	запрещеній
266	4 снизу	*)	**)
272	5 —	кажится	кажется
293	9 сверху	времянъ	время
298	1 снизу	гурзіоками	гурзіаки
299	11 сверху	рожденные	рожденныя
312	примѣч. 2-ое	кумовыя самый	кумовья сами
316	9 снизу	къ	ко